

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф. О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Туманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. Ю.Ф. Беспалов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. Б.В. Яценко

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2021

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФC77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Dr. of Sciences, Prof. O.U. Ilina (*editor-in-chief*);
Dr. of Sciences, Prof., Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Dr. of Sciences N.A. Antonova;
Dr. of Sciences M.V. Baranova;
Dr. of Sciences A.G. Bezverkhov;
Dr. of Sciences Y.F. Beshpalov;
Dr. of Sciences A.A. Vorotnikov;
Dr. of Sciences I.G. Dudko;
Dr. of Sciences A.I. Korobeev;
Dr. of Sciences, Prof. V.I. Kruss;
Dr. of Sciences A.N. Kuzbagarov;
Dr. of Sciences A. N. Levushkin;
Dr. of Sciences T.N. Mikheeva;
Dr. of Sciences Yu.A. Popova;
Dr. of Sciences B.V. Yatsenko

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы частного права

Рязанова Е.А.

Конституционная обязанность совершеннолетних трудоспособных детей содержать нетрудоспособных родителей.....7

Сухарев А.Н.

О перспективах правового регулирования использования искусственного интеллекта в Российской Федерации.....13

Фролов М.Г.

Ювенальные технологии: исторический опыт, реалии и перспективы.....22

Актуальные вопросы публичного права

Александрова О.П., Буданова Л.Ю.

Обеспечение права на защиту лицам, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления.....30

Антонова Н.А.

Особенности контрольно-процессуального отношения в условиях нового законодательства.....39

Бакулина И.П., Кириллов Д.А.

О соотношении притворного объекта бухгалтерского учета в административном праве и притворной сделки.....47

Воротников А.А.

Право: вмешательство или консенсус.....55

Кашианова А.О.

География исправительных учреждений и способы поддержания социально-полезных связей.....60

Крусс В.И.

Административно-деликтная ответственность и гибридные нормативные конструкции: проблемы конституционализации.....65

Харитошкин В.В.

О некоторых исторических аспектах взаимодействия церкви и государства при исполнении наказаний в России.....75

Юстус О.И.

Развитие принципа взаимного доверия государства и общества в условиях цифровой экономики.....84

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Афтахова А.В.

Некоторые аспекты защиты пенсионных прав граждан.....94

Вобликов А.Б.

Обеспечение таможенными органами правовых запретов и ограничений внешней торговли.....101

Гайдашов А.В., Матвеев П.А.

Отсутствие умысла на получение бюджетных средств при ошибочном получении военнослужащим имущественного налогового вычета как самостоятельное основание для прекращения уголовного преследования.....106

Дронова Ю.А.

Уголовная ответственность за преступления в сфере медицинской деятельности: актуальные вопросы развития законодательства и правоприменительной практики.....112

Вопросы истории государства и права

Смирнов С.Н.

Вопросы правовой преемственности организаций-предшественников Тверского государственного университета (февраль–октябрь 1917 г.).....120

Проблемы организации учебного процесса

Яковлева Н.Г.

Отдельные аспекты методики преподавания курса «Основы правовой культуры».....127

Трибуна молодого ученого

Власова М.А., Рузанов И.В.

Экономические отношения и предмет Конституции.....131

Галыч К.А.

Социальные аспекты и криминологические проблемы мошенничеств, совершаемых женщинами.....136

CONTENT

Topical issues of private law

Ryazanova E.

Constitutional duty advanced employed children contain disabled parents.....7

Sukharev A.

On the prospects of legal regulation of the use of artificial intelligence in the Russian Federation.....13

Frolov M.

Juvenile justice methods: historic background, current situation and opportunities.....22

Topical issues of public law

Alexandrova O., Budanova L.

Ensuring the right to protection of persons in respect of whom criminal procedural activities are carried out to expose the commission of a crime.....30

Antonova N.

Features of the control and procedural relationship in the conditions of the new legislation.....39

Bakulina I., Kirillov D.

On the ratio between the feigned financial accounting object in administrative law and the feigned deal.....47

Vorotnikov A.

Law: intervention or consensus.....55

Kashtanova A.

Correctional geography and ways of maintaining socially beneficial connections.....60

Kruss V.

Administrative and tort liability and hybrid regulatory structures: problems of constitutionalization.....65

Kharitoshkin V.

On some historical aspects of the interaction of the church and the state in the execution of punishments in Russia.....75

Yustus O.

Development of the principle of mutual trust between the state and society in the digital economy.....84

Topical issues of science and law enforcement practice

Aftakhova A.

Some aspects of protecting the pension rights of citizens.....94

Voblikov A.

Providing customs authorities of legal prohibitions and restrictions of foreign trade.....101

Gaidashov A., Matveev P.

Absence of intent to receive budget funds in case of erroneous receipt of a property tax deduction by a serviceman as an independent basis for termination of criminal prosecution.....106

Dronova

Criminal liability for crimes in the sphere of medical activities: topical issues of development of legislation and law enforcement practice.....112

Issues of state history and law

Smirnov S.

Issues of Tver state university precursor organisations` legal succession (february - october 1917).....120

Problems of organization of the educational process

Yakovleva N.

Individual aspects of the course teaching methodology «Fundamentals of legal culture».....127

Tribune of young scientist

Vlasova M., Ruzanov I.

Economic relations and the subject of the Constitution.....131

Galych K.

Social and criminological problems of fraud by women.....136

Актуальные вопросы частного права

УДК 349.3

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.3.007

КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ТРУДОСПОСОБНЫХ ДЕТЕЙ СОДЕРЖАТЬ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Е.А. Рязанова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена конституционной обязанности содержания совершеннолетними трудоспособными детьми нетрудоспособных родителей в свете изменения Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционная обязанность, алименты, конституционные новеллы, нетрудоспособные родители, совершеннолетние трудоспособные дети.

Конституционная реформа в России, по мнению некоторых авторов, завершилась принятием поправок в основной закон законом о поправке к Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] от 14.03.2020 г. № 1- ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [2]. Большинство авторов отмечают, что принятие данного закона означает начало преобразований не только в системе государственного управления, но повлечет изменение нормативно-правового регулирования и коснется всех отраслей российского права. Несмотря на название закона, многие его положения носят не только организационный характер и направлены напрямую на изменения в системе властеотношений между органами государственной власти и местного самоуправления, теперь четко отнесенных самой Конституцией РФ к публичной власти. Принципиальные положения, включенные в гл. 3, позволяют предполагать о возможном корректировании нормативно-правового регулирования социальной сферы.

Согласно ст. 2 Конституции РФ в Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью; обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан (ст. 7). В ст. 38 закреплено, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях и их воспитание названо равным правом и обязанностью родителей. Обязанность заботы о нетрудоспособных родителях возложена на трудоспособных достигших 18-летия детей. Эти положения составляют социальные и юридические основы семьи, но и не только. Их можно отнести к морально-нравственным составляющим современного

© Рязанова Е.А., 2021

понимания взаимоотношений между членами семьи, а также к идее государственной политики в отношении развития семьи как субъекта общественных отношений.

Важнейшим приоритетом государственной политики России являются дети. Квинтэссенцией конституционных новелл, посвященных семье, можно назвать п. ж. 1 ч. 1 ст. 72, относящей к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов защиту семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Вся совокупность перечисленных норм идейно направлена на охрану ментальности, образованную эволюцией нашего народа, несмотря на его национального, религиозного, этнического, культурного и иного разнообразия. Традиционно сформированное отношение российских граждан к браку, воспитанию детей, теперь получили конституционную основу. Дополняя нормы ст. 67 пунктом 1 о воспитании детей, который имплементирует в наше законодательство положения Конвенции о правах ребенка, государство определяет приоритетные направления воспитания: воспитание в детях патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Названные конституционные нормы предопределяют формирование законодательства, регулирующего деятельность в сфере воспитания, образования, финансового и материального обеспечения семьи.

Еще в 2005 г. О.Ю. Косова, исследуя алиментные отношения, отмечала, что основная нагрузка в жизнеобеспечении нетрудоспособных сограждан, детей и стариков, ложится на близких им людей - трудоспособных членов семьи: родителей, совершеннолетних детей, супругов [16]. Анализируя конституционно-правовой статус семьи, А.В. Агеева констатирует потребность семьи не только в защите, но и в охране государства, в том числе при реализации прав и исполнении обязанностей [12]. Конституционным обязанностям граждан А.В. Кабакова посвятила диссертационную работу, в которой на основе изученной научной литературы констатируется, что первичные обязанности в рамках человеческого общества – это социальные обязанности [15]. Не во всех странах обязанности детей содержать родителей или оказывать им помощь закреплены в конституциях как в Бразилии, Венгрии, Венесуэле, Кубе, Литве, Македонии, Хорватии, России [19, 20]. Это не означает, что данные отношения не имеют правовой регламентации. Но несомненно, что нормы, включенные в конституционный текст, приобретают особую юридическую силу. Поправками в Конституцию РФ расширено понимание этой обязанности: через воспитание детей, формирования уважительных отношений в

семье, решение вопросов государственной политики в данной сфере с учетом мнения субъектов РФ.

Как отмечено в специальной литературе, сведения о выплате средств нетрудоспособным родителям не собираются Федеральной службой государственной статистики. Однако Д.Г. Быкова, исследуя данный вопрос, делает вывод, о достаточной распространенности судебных исков о содержании нетрудоспособных родителей их детьми [13, с. 180]. В Тверской области в подтверждение этого можно привести примеры не только из практики удовлетворения исков по содержанию родителей [4, 5, 6, 7, 8, 9], но и по применению мер ответственности за неисполнение судебных решений о выплате алиментов (содержания) нетрудоспособному родителю [10, 11]. Суды выносят свои решения с учетом Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» [3]. В этом акте обращено внимание на ряд обстоятельств, которые должны быть учтены: материальное и семейное положение плательщика и получателя алиментов; наличие других совершеннолетних трудоспособных детей (кто из них и в какой форме и размерах оказывает помощь); насколько материальное положение получателя алиментов достаточно для удовлетворения жизненных потребностей; не совершал ли получатель алиментов по отношению к плательщику преступление или имеются доказательства недостойного поведения истца в семье.

В качестве причин, порождающих неуплату содержания нетрудоспособным родителям, называются: не информированность об ответственности за неисполнение, недостаточность условий для исполнения обязанностей, недостаточная со стороны государства обеспеченность отдельных обязанностей мерами государственного принуждения. Следует отметить, что анализ судебной практики позволяет выделить такие аргументы неплательщиков алиментов, как недостаточное, на их взгляд, участие родителя в воспитании, когда он был несовершеннолетним; неприязненные отношения с родителем; наличие собственной семьи и несовершеннолетних детей, о которых надо заботиться; выражение мнения, что минимально достигаемый порог прожиточного минимума (или получение дохода родителя в виде пенсии, доплат к ней, наличия у него жилого помещения) является достаточным для проживания. Фактически получается, что помимо объективных, причинами неуплаты алиментов являются бедность (плохое материальное и финансовое положение, низкие доходы совершеннолетнего ребенка), морально-нравственные противоречия между членами семьи (неуважение родителей, неприятие их как авторитетных людей, психологические проблемы, неуважение старшего поколения).

Авторы предлагают разные способы преодоления проблемы уклонения от уплаты содержания совершеннолетними трудоспособными детьми своим нетрудоспособным родителям. Это и ужесточение наказания, и создание федерального фонда выплаты алиментов [14, с. 136–140], и формирование института репродуктивно-трудовых пенсий [13, с. 180].

Нельзя не согласиться с мнением Т.Ф. Тимофеевой и Н.В. Александровой, считающих, что основной тенденцией развития алиментных обязательств на любом этапе своего исторического развития являются следование и соответствие историческим реалиями и уровню развития общества и правового государства в конкретный исторический период [18, с. 51]. Абсолютно правильна, на наш взгляд, позиция А.А. Мариной: «большую роль имеет предупредительная и профилактическая деятельность, которая должна включать комплекс мер, способствующих устранению причин уклонения от содержания нетрудоспособных родителей, решению задач нравственной и правовой социализации личности, укреплению правосознания» [17, с. 808]. Именно поэтому возрастает роль поправок в Конституцию РФ 2020 г. Они позволяют развивать законодательство и создают идеологические предпосылки совершенствования нравственных начал в жизни современного российского общества, к которым можно отнести ответственность за воспитание детей (в том числе, воспитание любви к своим родителям), уважение старших поколений, признание и не умаление их роли в становлении нашей Родины, уважение к конституционным обязанностям. Конституционная обязанность совершеннолетних трудоспособных детей содержать своих нетрудоспособных родителей – это не только юридическая обязанность, подкрепленная семейным, уголовным законодательством, это принцип семейного воспитания, принцип государственной политики в сфере образования, это идейное начало, морально-нравственная основа российского общества. Уважение Конституции, конституционных норм, добровольное исполнение конституционных обязанностей должны стать потребностью гражданина. Не по закону, а по нравственному долгу и собственной потребности выросшие дети должны содержать своих родителей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1- ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280>

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное определение Центрального районного суда г. Твери по делу № 11-202/2018 // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

5. Апелляционное определение Бологовского городского суда Тверской области по делу Дело №11-8/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

6. Апелляционное определение Московского районного суда города Твери по делу №11-56/2015 // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

7. Решение мирового судьи судебного участка № 5 Московского района г. Твери по делу № 2-765/ 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

8. Решение Мирового судьи судебного участка Торопецкого района Тверской области по делу № 2-293/2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

9. Решение мирового судьи судебного участка № 3 г. Торжка Тверской области от 27 мая 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

10. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Московского района по делу № 1-16-2/[Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

11. Приговор мирового судьи судебного участка г. Осташкова Тверской области по делу № 1- 36/2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/>

12. Агеева А.В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014 [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionno-pravovoi-status-semi-v-rossiiskoi-federatsii>

13. Быкова Д.Г. Формирование института репродуктивно-трудовой пенсии как альтернативы алиментам на содержание родителей // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. Том I. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 179–184.

14. Дёмина О.В., Егупов В.А. Проблемы алиментных обязательств родителей и детей // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: сб. статей и тезисов / гл. ред. И.В. Вологодина. М., 2021. С. 136–140.

15. Кабакова О.В. Конституционные обязанности граждан в России: эволюция правовой регламентации и практика реализации: Теоретический и историко-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionnye-obyazannosti-grazhdan-v-rossii-evolyutsiya-pravovoi-reglamentatsii-i-prakti>

16. Косова О.Ю. Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/semeino-pravovoe-regulirovanie-otnoshenii-po-predostavleniyu-soderzhaniya-chlenam-semi>

17. Марина А.А. Содержание и помощь нетрудоспособным родителям - обязанность детей // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: сб. статей по материалам X Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 120-летию И.С. Косенко / отв. за вып. А.Г. Коцаев. Краснодар : КубГАУ, 2017. С. 808.

18. Тимофеева Т.Ф., Александрова Н.В. Алиментные обязательства: от древности до наших дней // *Oeconomia et Jus*. 2019. № 2. С. 51

19. Чистюхина М.В. Конституционные обязанности человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/konstitutsionnye-obyazannosti-cheloveka-i-grazhdanina-v-rossiiskoi-federatsii>

20. Юнусов М.А. Реализация человеком и гражданином в Российской Федерации конституционных обязанностей как важнейшее условие законности: теоретико-правовое исследование. Челябинск, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/realizatsiya-chelovekom-i-grazhdaninom-v-rossiiskoi-federatsii-konstitutsionnykh-obyazannost>

Об авторе:

РЯЗАНОВА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

CONSTITUTIONAL DUTY ADVANCED EMPLOYED CHILDREN CONTAIN DISABLED PARENTS

E.A. Ryazanova

Tver State University

The article is devoted to the constitutional obligation of supporting adult able-bodied children of disabled parents in the light of changes in the Constitution of the Russian Federation

Keywords: *constitutional obligation, alimony, constitutional novelties, disabled parents, adult able-bodied children.*

About author:

RYAZANOVA Elena – PhD, assistant professor of the department of constitutional, administrative and customs law of the Tver state University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d.33), SPIN-code: 2785-4619, e-mail: lena_7765@mail.ru

Рязанова Е.А. Конституционная обязанность совершеннолетних трудоспособных детей содержать нетрудоспособных родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 7–12.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрена сущность и содержание искусственного интеллекта, необходимость правового регулирования использования искусственного интеллекта в Российской Федерации. Представлены концептуальные положения правовых норм проекта федерального закона о правовом регулировании искусственного интеллекта в Российской Федерации.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, слабый искусственный интеллект, сильный семантические сети, машинное обучение, торговые роботы, риск, финансовые технологии.

В современном мире стремительно происходит внедрение искусственного интеллекта во многие сферы общественной жизни. Все больше он начинает использоваться в финансовой сфере, здравоохранении, выявлении угроз личности, обществу и государству и др. Будущие технологии невозможны без использования искусственного интеллекта, а сам он становится главным драйвером роста мировой экономики.

Под искусственным интеллектом принято понимать способность специально создаваемых систем имитировать творческую деятельность человека, обладающих способностью к поиску нового. В «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», которая была утверждена указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г., под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека. В той же Национальной стратегии под технологиями искусственного интеллекта понимаются технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта [1].

В философии принято выделять два уровня искусственного интеллекта – сильного и слабого. Под сильным искусственным интеллектом понимается возможность создания технических систем

(прежде всего компьютеров), которые бы получили способность к собственному мышлению и обрели сознание. В этом плане теория сильного искусственного интеллекта требует конструирования искусственного сознания. Сегодня развитие технологий не ведет к появлению искусственного сознания, оно остается некоей тайной, выходящей за пределы науки. Поэтому в науке и технике под искусственным интеллектом понимается слабый искусственный интеллект, который не предполагает появления искусственного сознания и собственной внутренней воли.

Искусственный интеллект в современном понимании основан на использовании семантических сетей и машинного обучения. Именно такие методы обработки информации в настоящее время позволяют имитировать творческую деятельность человека. С помощью данных методов можно осуществлять процедуры самообучения искусственных систем без традиционного алгоритмического программирования. Вместе с тем, иногда искусственным интеллектом могут называть и продукт сложного алгоритмического программирования. На основании этого целесообразно разграничить два класса технологий в зависимости от их использования. Под искусственным интеллектом в узком смысле следует понимать технологии, основанные на использовании семантических сетей и машинного обучения, а в широком смысле, в том числе и продукты глубокого алгоритмического программирования. В настоящей статье, автор под искусственным интеллектом будет понимать его в узком смысле.

Центральной проблемой в использовании искусственного интеллекта является невозможность логически обосновать, как он пришел к тому или иному выводу, а тем самым оценить его верность. Вероятно, это то, что должно быть предметом совершенствования в работе искусственного интеллекта, если вообще данная проблема имеет решение. Такой недостаток искусственного интеллекта не позволяет полностью ему доверять и поручить бесконтрольное решение интеллектуальных проблем. Например, в конкурсе красоты в США искусственный интеллект может отдавать предпочтение, лицам европеоидной расы, дискредитируя остальные. Такое решение искусственного интеллекта является отражением неявной дискриминации в обществе определенных слоев населения, что собственно и выявил искусственный интеллект. Это может свидетельствовать о том, что принимаемые результаты решений искусственного интеллекта должны соответствовать этическим стандартам и их следует урегулировать нормами права.

В научной литературе особое внимание уделяется рассмотрению рисков использования технологий искусственного интеллекта [4, с. 116–119; 6, с. 267–272; 8, с. 320–335]. Эти риски многообразны и в себя включают социальные, экономические, технические, правовые,

политические и проч. Технологии с использованием искусственного интеллекта должны быть технически безопасными, не позволять нарушать законодательство, права и свободы граждан, обеспечивать поддержание национальной безопасности и проч.

Насколько вообще целесообразно осуществлять специальное нормативное правовое регулирование использования искусственного интеллекта? Существующее законодательство общими нормами потенциально способно регулировать правоотношения в области использования искусственного интеллекта. Однако принятие специальных норм конкретизирует часто возникающие проблемы защиты прав в области использования искусственного интеллекта. Это также позволит сформировать единую практику судов по сходным вопросам и сократить время разбирательства по данным делам в судах.

Использование искусственного интеллекта в области создания музыкальных и прочих творческих произведений потребует внесения соответствующих изменений в законодательство об авторских правах. Дискуссионным является вопрос о том, кому принадлежит авторское право на музыку сгенерированную искусственным интеллектом. С одной стороны, авторское право могло бы быть признано за лицом, создавшим интеллектуальную систему, которая сгенерировала музыку. Однако проблема в том, что такая система может за день сгенерировать несколько миллионов треков, а за год – уже миллиарды. Учитывая, что в мире таких создателей интеллектуальных систем может быть исчисляться тысячами, а в будущем и миллионами человек, то созданные ими интеллектуальные системы смогут сгенерировать триллионы и квадриллионы музыкальных треков, некоторые из которых могут просто случайно совпасть. Каков должен быть в этом случае механизм защиты авторских прав? Понятно, что он должен быть изменен.

Сегодня в юридической науке все больше появляется исследований по проблемам правового регулирования искусственного интеллекта, посвященного необходимости такого регулирования в Российской Федерации и тех подходах, которые формируются за рубежом [3, с. 256–263; 5, с. 79–82; 7, с. 89–91]. Ученые и специалисты высказывают различные точки зрения по разным аспектам такого регулирования, а также вообще о его целесообразности. В 2020 г. Правительство РФ утвердило «Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.» [2], в которой определены цели и задачи регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта, принципы и особенности такого регулирования. Концепция должна стать основой для разработки нормативного правового регулирования в сфере использования технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. В частности определена необходимость оценки рисков использования таких технологий и их воздействия на права человека, на

общество и экономику. В концепции указано, что регулированию подлежат те общественные отношения в сфере использования технологий искусственного интеллекта, которые могут нанести реальный ущерб лицам, обществу и государству.

По мнению автора, уже сегодня необходима разработка и принятие федерального закона, который бы регулировал общественные отношения в области применения искусственного интеллекта. В нем, прежде всего, следует обозначить принципы использования искусственного интеллекта. Принципы являются исходными подходами к правовому регулированию общественных отношений. Установление принципов позволит сформировать системный подход к дальнейшему развитию нормативного правового регулирования использования искусственного интеллекта, а также разрешения гражданско-правовых споров в данной области, руководствуясь базовыми правовыми подходами.

Данными принципами следует считать:

Принцип уважения прав личности. Разработка и внедрение технологий искусственного интеллекта должны быть совместимы с основными правами, закрепленными в Конституции РФ и иных федеральных законах;

Принцип недискриминации. Принцип исходит из предотвращения возникновения любой дискриминации между отдельными лицами или группами лиц;

Принцип качества и безопасности использования технологий искусственного интеллекта. Принцип предполагает, что должны использоваться сертифицированные технологии, оцененные с позиции экономической и технической безопасности;

Принцип прозрачности, беспристрастности и справедливости. В технологиях искусственного интеллекта должны использоваться доступные и понятные методы обработки данных и обеспечен доступ внешнего аудита;

Принцип «под контролем пользователя». Пользователи технологий искусственного интеллекта должны быть информированными участниками их функционирования и обладает максимально допустимой полной информацией о рисках использования таких технологий.

В федеральном законе необходимо закрепить следующие базовые нормы.

1. Норму о том, что технологии искусственного интеллекта не должны нарушать права человека. Лица, разработавшие или использующие технологии искусственного интеллекта при предоставлении услуг должны нести ответственность за их безопасность. Смысл таких установлений состоит в определении приоритета соблюдения прав человека при использовании технологий искусственного интеллекта. Никакие эффективные технологии искусственного интеллекта не должны нарушать права человека.

2. Норму о достоверности финансово-экономических расчетов или иных аналитических выводов, получаемые с использованием технологий искусственного интеллекта. Необходимо определить что такие расчеты или иные аналитические выводы не могут являться безусловным доказательством в суде. Также не должно допускаться безусловного применения доказательств в суде, полученных с помощью систем искусственного интеллекта. Стороны могут не соглашаться с результатами, полученными с помощью систем искусственного интеллекта и требовать представления логических доказательств и расчетов, которые можно объективно проверить.

3. Норма о защите персональных данных. Технологии искусственного интеллекта должны обеспечивать защиту персональных данных. Ответственность за раскрытие персональных данных должен нести разработчик технологии искусственного интеллекта, если не будет доказана недобросовестность третьих лиц. Это определит необходимость создания таких технологий искусственного интеллекта, которые не позволят раскрыть персональные данные. Для разработчиков таких технологий это должно служить одним из важнейших правовых ограничений.

4. Норму об удаленной идентификации. Риск неверной идентификации лица должно нести лицо, предлагающее финансовые услуги с использованием удаленной технологии, если не будет доказано недобросовестное поведение лица, вместо которого было идентифицировано другое лицо. Эта норма определит, какая сторона будет нести риск неверной идентификации лиц. Данная норма является востребованной для разрешения гражданско-правовых споров неверной идентификации, устанавливая презумпцию добросовестности потребителей таких услуг.

5. Норму о подконтрольности технологий и систем искусственного интеллекта. Разработчики технологий и систем искусственного интеллекта должны гарантировать подконтрольность таких технологий человеку. Разработчики должны создавать такие технологии и системы искусственного интеллекта, которые не выходили бы из под контроля со стороны человека. Данное требование служит основой для снижения риска использования технологий и систем искусственного интеллекта.

6. Норму о требовании алгоритмической прозрачности. Принятие решений системами искусственного интеллекта должно в максимальной степени иметь логическое объяснение (алгоритмическую прозрачность). Лица, в отношении которых решения принимаются системами искусственного интеллекта должны иметь право на логическое и объективное объяснение таких решений. Требование алгоритмической прозрачности позволяет оценить внутреннюю логику принятия решения системой искусственного интеллекта и позволяет не допустить нарушения прав человека.

7. Норму о запрете на использование технологий искусственного интеллекта с целью осуществления нелегальной деятельности и финансирования терроризма. Данная норма должна устанавливать прямой запрет на создание технологий искусственного интеллекта, целью которых является осуществление нелегальной деятельности и финансирования терроризма. Это означает, что под запретом должно стать уже само создание «орудия» совершения соответствующих видов преступления.

8. Норму о запрете использования технологий искусственного интеллекта с целью дискриминации. Дискриминация может носить различный характер, включая дискриминация по полу, возрасту, национальности, профессии и проч. Дискриминации преследует целью максимизацию прибыли финансовыми институтами.

9. Норму о недопустимости противоправной манипуляции поведением человека. Использование технологий искусственного интеллекта может приводить к заданному поведению человека с использованием технологий социальной инженерии (манипулирование поведением человека). Норма должна устанавливать прямой запрет противоправной манипуляцией поведением человека. Противоправное поведение связано с обманом, введением в заблуждении, в результате чего человек не может объективно оценить для себя необходимость тех или иных услуг.

10. Норму о недопустимости преднамеренного нарушения правовых норм при разработке систем искусственного интеллекта. Разработчики технологий и систем искусственного интеллекта обязаны оценивать риски использования таких систем. Риски использования технологий и систем искусственного интеллекта должны быть раскрыты пользователям таких систем.

11. Норму об обязательном страховании гражданской ответственности использования технологий и систем искусственного интеллекта. Следует установить, что Правительство Российской Федерации может устанавливать требования для обязательного страхования гражданской ответственности использования технологий и систем искусственного интеллекта. Норма направлена на защиту гражданской ответственности использования технологий и систем искусственного интеллекта.

12. Норму о правовом регулировании использования торговых роботов на основе искусственного интеллекта. Сегодня на фондовом рынке России и за рубежом более половины сделок по купле и продаже ценных бумаг совершают торговые роботы. Необходимо определить, что торговые роботы на основе искусственного интеллекта являются технологическими решениями, основанными на использовании машинного обучения и нейронных сетей и обладают способностью к самообучению. Установить, что риск использования торговых роботов на

основе искусственного интеллекта должен нести их пользователь. Брокеры, при предложении услуг торгового робота на основе искусственного интеллекта, должны информировать о рисках их использования и об отсутствии гарантии получения дохода или сохранения капитала в будущем при наличии такого факта в прошлом.

13. Норму об особенностях установления стоимости услуг использования торгового робота на основе искусственного интеллекта. Эта стоимость не может быть установлена в виде процента от прибыли, которую получает от его использования участник финансового рынка. Если бы стоимость робота формировалась бы как доля от прибыли, то это вводило бы в заблуждение участников финансового рынка о действительной прибыльности торгового робота с учетом взлета и падения цен на акции.

14. Норму об обязательности использования пилотного режима. Разработанные новые технологии и системы искусственного интеллекта до их широкого внедрения должны эксплуатироваться в пилотном (ограниченном) режиме. Установить, что длительность пилотного режима и степень ограничения использования определяются разработчиками искусственного интеллекта самостоятельно исходя из необходимости выявления основных рисков и несанкционированных последствий использования.

Итак, подытоживая вышеизложенное можно сделать вывод о том, что развитие технологий искусственного интеллекта требует принятия специальных правовых норм его использования в целях эффективной защиты прав граждан. В специальном законодательстве, регулирующем использование искусственного интеллекта, необходимо определить нормы о защите персональных данных, об удаленной идентификации, о подконтрольности технологий и систем искусственного интеллекта, о требовании к алгоритмической прозрачности, о запрете на использование технологий искусственного интеллекта с целью осуществления нелегальной деятельности и финансирования терроризма, о запрете использования технологий искусственного интеллекта с целью дискриминации, о недопустимости противоправной манипуляции поведением человека, о недопустимости преднамеренного нарушения правовых норм при разработке систем искусственного интеллекта, об обязательном страховании гражданской ответственности использования технологий и систем искусственного интеллекта, о правовом регулировании использования торговых роботов на основе искусственного интеллекта, об особенностях установления стоимости услуг использования торгового робота на основе искусственного интеллекта, об обязательности использования пилотного режима.

Список литературы

1. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 г № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г.», утв. Распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // СПС «КонсультантПлюс».
3. Архипова А.С. Правовое регулирование использования технологии искусственного интеллекта в сфере финансовых технологий // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России / отв. ред. С.Д. Мигилевский и др. М., 2020.
4. Гримашевич О.Н. Риски и возможности развития цифровой экономики // Наука и общество. 2020. № 2 (37). С. 116–119.
5. Никифоров С.В. Правовое регулирование и оформление правосубъектности искусственного интеллекта в российском и международном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 1. С. 79–82.
6. Никишова М.И. Обзор рисков применения искусственного интеллекта в управлении // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин: материалы II Международного научного форума / под общ. ред. П.В. Терелянского. М.: Издательский дом ГУУ, 2018. 478 с.
7. Серобян Г.А. Правовое регулирование систем искусственного интеллекта: за или против // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10. С. 89–91.
8. Щитова А.А. Риски применения технологий искусственного интеллекта и пути их преодоления // Актуальные проблемы развития юридической науки в условиях правовой интеграции. Монография. К 90-летию Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В.В. Блажева, М.А. Егоровой. М., 2021. 420 с.

Об авторе:

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, mail: su500005@yandex.ru.

ON THE PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

A.N. Sukharev

Tver State University

The article discusses the essence and content of artificial intelligence, the need for legal regulation of the use of artificial intelligence in the Russian Federation. The conceptual provisions of the legal norms of the draft federal law on the legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation are presented.

Keywords: *artificial intelligence technologies, weak artificial intelligence, strong semantic networks, machine learning, trading robots, risk, financial technology*

About author:

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, professor of constitutional, administrative and customs law Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

Сухарев А.Н. О перспективах правового регулирования использования искусственного интеллекта в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 13–21.

ЮВЕНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М.Г. Фролов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

В статье дан исторический экскурс внедрения ювенальных технологий в России. Исследованы различные аспекты правового регулирования уголовно-правовых отношений с участием несовершеннолетних, включая коллизии современного правосудия и пенитенциарной практики. С учетом анализа отечественного опыта, накопленного в ходе реализации ювенальных проектов, и зарубежных ювенальных практик сформулированы предложения по совершенствованию деятельности системы предупреждения преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: ювенальные технологии, юстиция, преступность, несовершеннолетний, наказание, пенитенциарное учреждение, ресоциализация.

Термин «ювенальные технологии» в правовом обороте появился в начале текущего столетия. Под ними понимается система мер, направленных на реализацию и защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних, характеризующихся девиантным поведением, раскрытию их индивидуального потенциала для свободного развития в обществе [2, с. 80]. Ювенальные технологии предусматривают: введение специализации судей по рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних; наличие непрерывного социального сопровождения подростков, попавших в сферу уголовного производства; экономию уголовной репрессии путем развития восстановительного правосудия и применения примирительных процедур; взаимодействие суда с субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; оказание помощи в социальной адаптации и реабилитации; создание служб экстренной помощи несовершеннолетним-жертвам домашнего насилия; развитие сети телефонов доверия и др. В этой связи, встречающийся в юридической литературе термин «ювенальная юстиция», обозначающий правосудие в отношении несовершеннолетних, по-нашему мнению, не может достаточно полно отражать суть общественных отношений, складывающихся в данной сфере.

В России первый ювенальный суд был создан в 1910 г. в Санкт-Петербурге. Аналогичные суды были созданы в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Риге, Саратове и Томске [1, с. 61]. Уголовные дела

несовершеннолетних подлежали рассмотрению мировым судьей, который был наделен комплексной юрисдикцией – помимо рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, он так же осуществлял судебный надзор за работой учреждений, заботящихся о малолетних преступниках. С 1913 г. в компетенцию суда были включены и дела о беспризорных в возрасте до 17 лет. Все это позволяло рассматривать российский ювенальный суд как орган «государственного попечения о несовершеннолетних, действующий в судебном порядке» [4, с. 135]. Деятельность ювенального судьи предполагала знание детской психологии, поэтому часто данную должность занимали врачи и педагоги. Дело несовершеннолетнего рассматривалось единолично с соблюдением условий конфиденциальности. Самой распространенной мерой воздействия на малолетнего правонарушителя являлся попечительский надзор.

14 января 1918 г. Советом народных комиссаров РСФСР принимается Декрет «О комиссиях для несовершеннолетних» [3], определивший курс государств на социальное воспитание подростков. Согласно Декрету устанавливалась уголовная ответственность с 17 лет, а также упразднялись суды и тюремное заключение для несовершеннолетних. Дела правонарушителей, не достигших 17 лет, подлежали рассмотрению в комиссиях по делам несовершеннолетних, входивших в ведомство Народного комиссариата общественного призрения. Комиссия состояла не менее чем из трех представителей ведомств общественного призрения, просвещения и юстиции. Статья 3 Декрета устанавливала правило – один из членов комиссии в обязательном порядке должен быть врачом.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. закреплял процедурные особенности рассмотрения дел несовершеннолетних: вводились специализированные присяжные заседатели, которые должны были обладать знаниями в области педагогики, психологии, социологии. Закреплялось правило о невозможности рассмотрения дела несовершеннолетнего правонарушителя в отсутствие защитника [8, с. 24].

В соответствии с Уголовным кодексом РСФСР (далее – УК РСФСР) 1926 г. минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности составлял 14 лет. Однако несовершеннолетние от 14 до 16 лет подлежали уголовной ответственности лишь в случаях, когда комиссии по делам несовершеннолетних признавали невозможным применить к ним меры, которые применялись к малолетним. Кроме того были ликвидированы специальные составы судей для рассмотрения дел несовершеннолетних.

С 1932 г. функция борьбы с преступностью несовершеннолетних возлагалась на НКВД, что привело к усилению репрессивной направленности. В 1935 г. в соответствии с Постановлением СНК СССР, ЦИК СССР [13] возраст, с которого наступала уголовная ответственность

за совершение наиболее опасных преступлений, был снижен до 12 лет. Кроме того, согласно Постановления к несовершеннолетним могли быть применены все виды уголовных наказаний. Тенденция усиления репрессивной направленности уголовного законодательства сохранилась до середины 50-х годов.

УК РСФСР 1960 г. повысил нижний предел возраста уголовной ответственности до 14 лет. В кодекс были введены нормы, смягчающие наказание в отношении несовершеннолетних и предусматривающие применение принудительных мер воспитательного характера. Было решено вернуться к практике специализации судей, к компетенции которых, кроме непосредственного рассмотрения дел, так же относился надзор за ходом отбывания несовершеннолетним наказания, не связанного с лишением свободы.

Закрепление в Конституции Российской Федерации 1993 г. общепризнанных нормы и принципов международного права в качестве составной части правовой системы Российской Федерации оказало существенное влияние на содержание Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), отдельные главы которых непосредственно посвящены несовершеннолетним.

Ратифицировав Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г., а также Всемирную декларацию об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г. Россия обязалась создать комплексную правовую систему защиты интересов детей исходя из новых социально-экономических условий. С 1992 г. принято более 200 нормативных правовых актов, затрагивающих все сферы жизнедеятельности семьи и детей и нацеленных на усиление мер их социальной защиты. В 1995 г. среди задач, требующих решения в сфере защиты прав детей, значились: создание специальных составов судов по делам семьи и несовершеннолетних и разработка правовой базы по профилактике безнадзорности и правонарушений подростков [19].

В 2002 г. в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации была одобрена поправка в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», которая допускала бы создание в России специализированных судов по делам несовершеннолетних [21, с. 15]. Но с тех пор данная поправка так и не была представлена на второе чтение. Кроме того, был разработан Федеральный конституционный закон «О ювенальных судах в Российской Федерации», который планировали ввести в действие с 1 января 2006 г. Проект предполагал создание целостной системы ювенальных судов [10, с. 49]. К недостаткам проекта можно отнести использование разработчиками чрезмерно широкой трактовки понятия «ювенальная юстиция», отсутствие четкого объема полномочий и пределов компетенции органов, входящих в ювенальную систему, что

явилось препятствием для введения его в действие и послужило основанием для активной дискуссии о необходимости распространения в Российской Федерации ювенальных технологий.

В 2011 г. принимается Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике применения законодательства, регламентирующее особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [14], в котором поднимается вопрос о специализации судей, рассматривающих дела несовершеннолетних, и необходимости повышения их осведомленности в сферах педагогики и возрастной психологии. Постановление способствовало развитию пилотных проектов по внедрению ювенальных технологий в судах общей юрисдикции. Первым регионом, где ювенальные технологии стали комплексно внедряться в судопроизводство, стала Ростовская область. На начальном этапе работы при Ростовском областном суде был сформирован координационный совет, в состав которого вошли юристы, педагоги и социальные работники. Совет занимался разработкой методологических основ; обобщением практической работы судей, рассматривающих дела несовершеннолетних; организовывал работу обучающих семинаров для судей. В ходе реализации проекта появилась идея о судебской специализации: ювенальный судья должен в обязательном порядке проходить специальную подготовку, необходимую для работы с несовершеннолетними [18]. Несмотря на то, что внедрение ювенальных технологий способствовало снижению числа повторных преступлений несовершеннолетних, опыт Ростовской области и других пилотных регионов не получил широкого распространения из-за отсутствия федерального финансирования.

Дискуссии о расширении ювенальных технологий в сфере правосудия не могли не коснуться возможностей суда присяжных по делам несовершеннолетних. В настоящее время, исходя из норм материального и процессуального права, такая возможность фактически исключается. Однако, специалисты в области судопроизводства с участием присяжных Н.А. Колоскова [7, с. 37], Е.В. Непомнящего [9, с. 67], А.А. Ильюхова [6, с. 11] и др. полагают, что законодатель, лишая несовершеннолетних граждан права на суд с участием присяжных заседателей, грубейшим образом нарушает принципы справедливости и равенства граждан перед законом и судом, закрепленные в ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Позиция же Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) по этому вопросу остается достаточно консервативной. Так, в решении по жалобе В.А. Филимонова им было принято решение о том, что лишение подростков суда присяжных не противоречит Конституции и не является дискриминационным. Мотивировкой такому решению послужило следующее умозаключение: «несовершеннолетние могут не

понимать разницу между судом присяжных и разбирательством в обычном суде» [11]. Кроме того, в решении КС РФ делается ссылка на необходимость обеспечения наибольшей конфиденциальности при рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних, которая не может быть обеспечена на суде с участием присяжных заседателей.

Но наиболее казуальная позиция на предмет допустимости суда присяжных для несовершеннолетних просматривается в Постановлении КС РФ на запрос Областного суда Ленинградской области о конституционности п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ [12]. Суть Постановления сводится к следующему: общий посыл о недопустимости для несовершеннолетних суда присяжных, вытекающий из необходимости обеспечения их интересов, может допускать исключение для случаев, когда преступление совершено в соучастии подростка и взрослого и выделение дела несовершеннолетнего в отдельное производство не представляется возможным. В такой ситуации форма суда определяется позицией взрослого обвиняемого. Отсюда вытекает некий парадокс – суд присяжных все же возможен и для несовершеннолетних в определенной ситуации, но избежать этой формы судебного разбирательства подросток не может в случае, когда взрослый настаивает на рассмотрении дела с участием присяжных.

В этой связи, нам представляется, что данная правовая позиция Конституционного Суда порождает неоднозначное отношение к обеспечению соблюдения конституционно-правовой гарантии реализации права несовершеннолетних на судебную защиту. Решение этой коллизии видится в принятии кардинального решения о допустимости суда присяжных для несовершеннолетних по всем преступлениям, относящимся к категориям тяжких и особо тяжких.

Нерешенной в настоящее время является и проблема внедрения ювенальных технологий в сферу пенитенциарной практики в отношении несовершеннолетних. Условия отбывания наказания в виде лишения свободы остаются фактически неизменными на протяжении полувека: они предусматривают проживание осужденных в общежитии отрядом численностью до 120 человек (за исключением строгих условий, где осужденные находятся в изолированных помещениях) [15]. Коллективная форма содержания вынуждает подростков, ставших на путь исправления, постоянно лавировать между требованиями администрации и правилами, устанавливаемыми криминально ориентированными лицами. В целях решения этой и других насущных проблем в сфере исполнения наказания в 2010 г. утверждается Концепция реформирования уголовно-исполнительной системы [16]. По замыслу законодателя реализация Концепции должно была приблизить отечественную пенитенциарную систему к международным стандартам. Главным звеном Концепции было решение задачи перепрофилирования учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в

учреждения тюремного типа. В частности, воспитательные колонии для несовершеннолетних должны были быть преобразованы в воспитательные центры для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. Эти центры, по замыслу разработчиков Концепции, должны были обеспечить европейские стандарты «ночного» размещения осужденных – в отдельных камерах [5].

К сожалению, к контрольному рубежу, обозначенному в Концепции (2013 - 2016 гг.), из-за недостаточного финансового обеспечения ни одно из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, не было перепрофилировано в соответствии с международными стандартами. В этой связи в 2015 г. в Концепцию была внесена корректива, предусматривающая постепенное снижение количества осужденных, содержащихся в одном жилом помещении, в том числе в приоритетном порядке в воспитательных колониях [17].

Другой немаловажной задачей, стоящей перед отечественной пенитенциарной системой, является размещение осужденных в учреждениях, расположенных в субъекте их проживания либо в соседних субъектах, что обеспечивает возможность поддерживать социально полезные связи с родственниками, являющиеся важным элементом процесса ресоциализации. Успешный опыт в этом направлении накоплен в европейских странах романо-германской правовой системы. В частности, в Германии осужденному несовершеннолетнему, при отсутствии нарушений режима, еженедельно разрешается выезжать домой на выходные [20, с. 90]. Несомненно, что в ситуации, когда на 85 субъектов Российской Федерации приходится 30 воспитательных колоний для несовершеннолетних, решение этой задачи представляется проблематичным. В этой связи, наиболее оптимальным вариантом реализации зарубежного опыта, по-нашему мнению, является создание в каждом субъекте Российской Федерации гибридных (мультирежимных) пенитенциарных учреждений, предполагающих расположение на территории одного учреждения нескольких участков, позволяющих исполнять наказание в отношении различных категорий осужденных при условии организации их размещения по отдельным камерам.

Таким образом, реформирование системы предупреждения преступности несовершеннолетних требует изменения ориентации вектора общесоциальной и специально-криминологической профилактики в сферу внедрения ювенальных технологий, позволяющих решать задачи охраны и защиты прав и интересов подростков на основе международных стандартов с опорой на имеющийся отечественный и зарубежный опыт.

Список литературы

1. Европейские пенитенциарные правила. Рекомендация N Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы // Правовая система «Электронный фонд

правовой и нормативно-технической информации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732870> (дата обращения: 25.12.2020).

2. Указ Президента РФ от 14.09.1995 г. № 942 «Об утверждении Основных направлений государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национального плана действий в интересах детей)» // СЗ РФ. 1995. № 942. Ст. 3669.

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2015 г. № 1877-р «Об утверждении изменений, которые вносятся в Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р» // РГ. 2015. 25 сентября.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.» // СЗ РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.

5. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 декабря 2005 г. № 259 г. Москва «Об утверждении Положения об отряде осужденных исправительного учреждения Федеральной службы исполнения наказаний» // РГ. 2006. 2 марта.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 мая 2019 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 2.1 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда» // РГ. 2019. 31 мая.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П «По делу о проверки конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // РГ. 2014. 4 июня.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // РГ. 2011. 11 февраля.

9. Постановлением СНК СССР, ЦИК СССР от 7 апреля 1935 года № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1935. № 81.

10. Декрет о комиссиях для несовершеннолетних 9 (22) января 1918 г. // Правовая система «Электронная библиотека». URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-01-09.htm> (дата обращения: 15.01.2021).

11. Проект Федерального Конституционного Закона «О ювенальных судах Российской Федерации» // Вопросы ювенальной юстиции. 2005. № 1 (4). С. 48–52.

12. Автономов А.С. Ювенальная юстиция. М.: Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2009. 186 с.

13. Бойко С.С. Специальный состав судов общей юрисдикции в обеспечении защиты прав и законных интересов несовершеннолетних (административно-правовой аспект) // Юрист – Правоведь. 2010. № 1. С. 79–83.

14. Демидова Е.В. Ювенальная юстиция в РФ и зарубежных странах: история и современные тенденции. Казань: КЮИ МВД России, 2008. 451 с.

15. Ильюхов А.А. Судебное разбирательство с участием присяжных заседателей: теоретические и правовые основы // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4. С. 5–12.
16. Колоколов Н.А. Суд с участием присяжных: насколько предсказуем результат? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2. С. 33–66.
17. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. М.: Дело, 2001. 502 с.
18. Непомнящий Е.В. Контроль за конституционностью законов в контексте представлений Конституционного суда РФ о дискреционных полномочиях федерального законодателя // Конституционное и муниципальное право. 2016. №5. С. 65–68.
19. Ткачев В.Н. Опытная модель ювенальной юстиции в Ростовской области // Право и безопасность. 2009. № 3 (32). С. 15–17.
20. Фролов М.Г. Соблюдение прав человека в местах изоляции от общества: международные стандарты и российские реалии // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 88–93.
21. Яровая С.В. Ювенальные суды: за и против // Юрист. 2008. № 6. С. 15–18.

Об авторе:

ФРОЛОВ Михаил Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент Смоленского государственного университета (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4), SPIN-код: 3237-5534, e-mail: michailfroloff@mail.ru

JUVENILE JUSTICE METHODS: HISTORIC BACKGROUND, CURRENT SITUATION AND OPPORTUNITIES

M.G. Frolov

Smolensk State University

The article provides a historical overview of the implementation of the juvenile justice methods in Russia. Different aspects of the legal regulation of criminal matters involving minors, especially in the light of the contradictions in contemporary justice and penitentiary practice, have been investigated. The author makes a proposal for improving the juvenile crime prevention system taking into account the domestic and foreign juvenile experience.

Keywords: *juvenile justice methods, justice, crime, minor, sentence, penal institution, resocialization.*

About author:

FROLOV Mikhail – PhD, Associate Professor of Smolensk State University, Candidate of Law, Docent (4 Przhevalsky St., Smolensk, 214000), SPIN-code: 3237-5534, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Фролов М.Г. Ювенальные технологии: исторический опыт, реалии и перспективы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 22–29.

Актуальные вопросы публичного права

УДК 343.1

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.3.030

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ЛИЦАМ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ИЗОБЛИЧЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

О.П. Александрова¹, Л.Ю. Буданова²,

¹ ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

² ФКОУ ВО «Псковский филиал Академии ФСИН России», г. Псков

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты обеспечения права на защиту лицам, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления, участия «иных лиц» в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, направленные на расширение сферы возможного участия защитника в уголовном судопроизводстве, порядка рассмотрения ходатайств о допуске в качестве защитника «иных лиц», не обладающих статусом адвоката.

Ключевые слова: уголовное преследование, защитник, адвокат, ходатайство.

Вопросы защиты прав и свобод лиц, в отношении которых стороной обвинения осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления, участия защитника в уголовном процессе всегда находятся в центре внимания прогрессивной мировой общественности и законодателя. Так, в 2013 г. ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) была дополнена п. 6, предусматривающего участие защитника не только с момента выдвижения официального подозрения или обвинения, а с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении [2].

В 2017 г. в УПК РФ были внесены изменения, касающиеся расширения полномочий защитника в уголовном судопроизводстве [1].

Однако, анализ решений Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) свидетельствует, что жалобы на нарушение ст. 6 Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., фиксирующей право на защиту себя лично или через представительство защитника, не являются редкостью среди жалоб

против Российской Федерации и ЕСПЧ находит нарушения международного законодательства и завершает рассмотрение жалоб вынесением решения о присуждении денежных компенсаций. Так, ЕСПЧ выявлялись нарушения, связанные с необеспечением права пользоваться помощью защитника или с несвоевременным обеспечением указанного права [4, 5].

Согласно данным судебной статистики за 2019 г. федеральными судами и мировыми судьями по первой инстанции оправдано 2 256 человек и в отношении 1 570 человек уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим основаниям, что составило в сумме 0,47 % от общего количества лиц по поступившим делам, в отношении которых вынесен приговор или уголовное преследование прекращено (813 734 человека).

Несколько иная картина получается, если из общего количества лиц по поступившим делам, в отношении которых вынесен приговор или уголовное преследование прекращено (813 734 человека) вычесть лиц, к которым применялся особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (377 393 человека), либо в отношении которых уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям (189 854 человек), что подразумевает их полное признание вины в совершении инкриминируемого преступления. Таким образом, процент оправданных и лиц, в отношении которых уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, от общего количества лиц по поступившим делам, в отношении которых вынесен приговор или уголовное преследование прекращено, возможно не признавших свою вину в инкриминируемом преступлении, т.е. без учета лиц, к которым применялся особый порядок судебного разбирательства, либо в отношении которых уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям, составляет уже 1,6 %. В первом полугодии 2020 г. процент оправданных и лиц, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим основаниям, от общего количества лиц по поступившим делам, в отношении которых вынесен приговор или уголовное преследование прекращено, составил 0,4 %. При расчете указанного показателя без учета лиц, в отношении которых применялся особый порядок судебного разбирательства, либо в отношении которых уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям, его значение составляет 1,3 %.

Однако если взять для сравнения показатели 2007 г., то ситуация с количеством оправданных и лиц, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим основаниям, выглядит иным образом. Процент оправданных и лиц, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по

реабилитирующим основаниям, от общего количества лиц по поступившим делам, в отношении которых вынесен приговор или уголовное преследование прекращено, составил 2,16 %. При расчете указанного показателя без учета лиц, в отношении которых применялся особый порядок судебного разбирательства, либо в отношении которых уголовное преследование было прекращено по нереабилитирующим основаниям, его значение составляет 4,8 % [7].

Указанные данные свидетельствуют о имевших место быть фактах привлечения невиновных лиц к уголовной ответственности, нарушениях прав человека. Согласно п. 55 ст. 5 УПК РФ под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Российский законодатель и в ст. 16 УПК РФ, содержащей нормы принципа уголовного процесса, указывает, что подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя, и в ч. 1 ст. 49 УПК РФ определяет защитника как лицо, которое осуществляет в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывает им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

С учетом обозначенных норм участие защитника в уголовном деле российский законодатель связывает с наличием по возбужденному уголовному делу официального подозрения или обвинения, закрепленного в установленном законом процессуальном решении, то есть с осуществлением уголовного преследования.

Однако в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ законодатель предусматривает возможность участия защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, т.е. когда уголовного дела еще нет и уголовное преследование по смыслу п. 55 ст. 5 УПК РФ еще не осуществляется.

Указанная выше норма не корреспондируется с положениями ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, предоставляющими возможность лицу, участвующему в процессуальных действиях при проверке сообщения о преступлении, производимой до возбуждения уголовного дела, а, соответственно, не имеющему процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого с учетом положений ст. 46 и 47 УПК РФ, пользоваться услугами адвоката, т.е. речь идет не об адвокате-защитнике, а об адвокате-представителе интересов лица, участвующего в процессуальных действиях до возбуждения уголовного дела, и оказывающее ему юридическую помощь.

Европейским Судом по правам человека понятие «обвинение» рассматривается как автономная концепция и употребляется независимо

от содержания, которое вкладывается в него национальным правом. Под обвинением в смысле ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27 февраля 1980 г. по делу *Deweert*, Series A, no.35, para 42, 44, 46; решение от 15 июля 1982 г. по делу *Eckle*, Series A, no.51, para 73; решение от 10 декабря 1982 г. по делу *Foti*, Series A, no.56, para 52), т.е. считает необходимым исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения.

Классическим решением ЕСПЧ в данном вопросе является решение по делу «Девеер против Бельгии» (от 27 февраля 1980 г. по делу *Deweert*, Series A, no.35, para 42, 44, 46), в котором указано, что «суд должен склоняться к выбору в пользу «содержательного», а не «формального» понятия «обвинения»» и «призван видеть, что скрывается за внешней стороной дела, и исследовать реалии рассматриваемой процедуры» (para 44). Далее понятие «обвинение» ЕСПЧ определено как «официальное уведомление лица компетентным органом государственной власти о наличии предположения о том, что этим лицом совершено уголовно наказуемое правонарушение», что существенным образом сказалось на положении данного лица (para 46).

Таким образом, под обвиняемыми (подозреваемыми) ЕСПЧ понимает не только тех лиц, которым формально предъявлено обвинение или которые формально признаются обвиняемыми или подозреваемыми, но и в отношении которых предпринимаются какие-либо действия, подразумевающие такое подозрение, и которые могут серьезно повлиять на положение подозреваемого, обвиняемого.

Конституционный Суд РФ еще в 2000 г. предпринял попытку расширить дефиниции «подозрение» и «обвинение». В своем Постановлении от 27 июня 2000 г. Конституционный Суд РФ указал, что в целях реализации конституционного права на помощь адвоката (защитника) необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование.

Данная позиция нашла отражение в дальнейших решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, в которых понятия «уголовное преследование», «обвинение» толкуются шире, чем в УПК РФ.

Согласно Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. и Постановления Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. под началом уголовного преследования понимается принятие в отношении лица одного из процессуальных решений, указанных в ч. 1 ст. 46 или ч. 1 ст. 47 УПК РФ, в соответствии с которыми оно признается

подозреваемым либо обвиняемым, или момент, с которого в отношении лица начато производство одного из процессуальных действий в порядке, предусмотренном ч. 1.1 ст. 144 указанного Кодекса, либо следственных действий, направленных на его изобличение в совершении преступления, предшествующих признанию его подозреваемым или обвиняемым.

Множество споров у процессуалистов вызывает норма о возможном участии в качестве защитника близкого родственника или иного лица, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, а также вопросы, касающиеся объема требований, предъявляемых к таким лицам, критериев, с учетом которых суд принимает решение по поводу заявленного ходатайства о допуске в качестве защитника лица, не имеющего статуса адвоката.

Законодательство не содержит четкого определения понятия «квалифицированная юридическая помощь», поэтому, возможно опасаясь противоречий между ч. 1 ст. 48 Конституции РФ и ч. 2 ст. 49 УПК РФ, законодатель предусмотрел, что иные лица и близкие родственники могут участвовать в уголовном процессе в качестве защитников лишь наряду с адвокатом, ведь не в каждом случае иное лицо или близкий родственник будут обладать набором качеств, подходящих под понятие «квалифицированная юридическая помощь».

Конституционным Судом РФ (1997 г.) рассматривались жалобы, в которых заявители просили проверить конституционность положений УПК РСФСР, согласно которым в качестве защитников при производстве по уголовным делам допускались лишь адвокаты и представители профессиональных союзов и других общественных объединений (ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР). Судья В.О. Лучин в своем особом мнении признал, что положения ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР ограничивают право подозреваемых и обвиняемых пользоваться квалифицированной юридической помощью лиц, не являющихся членами коллегий адвокатов и не соответствуют Конституции РФ [3].

С учетом изложенного, представляется, что допуск по ходатайству обвиняемого близких родственников и иных лиц в качестве защитников наряду с адвокатом весьма оправдан с точки зрения усиления защиты, однако в законодательстве отсутствует четкое закрепление процессуальных процедур допуска таких лиц, требований, предъявляемых к ним, что порождает определенные проблемы в правоприменительной практике.

Проведенный анализ международных стандартов, норм уголовно-процессуального законодательства России и некоторых зарубежных в области обеспечения права на защиту от уголовного преследования позволил сформулировать предложения по совершенствованию института защиты и внесению изменений в УПК РФ.

В целях расширения возможностей использования помощи защитника и усиления состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса представляется целесообразным внести в УПК РФ следующие изменения.

Изложить в ч. 1 ст. 49 понятие защитника в следующей редакции:

«Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, в отношении которых начато производство процессуального действия в ходе проверки сообщения о преступлении, затрагивающего их права и свободы, либо лиц, в отношении которых начато производство следственного действия, направленного на их изобличение в совершении преступления и предшествующего признанию подозреваемыми или обвиняемыми, и оказывающее им юридическую помощь».

В ч. 3 ст. 49 слова «в уголовном деле» заменить словами «в уголовном судопроизводстве».

Пункт 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«6) с момента начала осуществления процессуального действия, затрагивающего права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 настоящего Кодекса, либо следственного действия, направленного на изобличение лица в совершении преступления».

Дополнить УПК РФ ст. 49.1 «Порядок рассмотрения ходатайства обвиняемого, подозреваемого о допуске близкого родственника или иного лица в качестве защитника в уголовном процессе» в следующей редакции:

«1. Допуск в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников или иного лица осуществляется по ходатайству обвиняемого, подозреваемого дознавателем, следователем или судом, в производстве которого находится уголовное дело.

2. Ходатайство обвиняемого, подозреваемого о допуске в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников или иного лица рассматривается в сроки, установленные статьей 121 настоящего Кодекса.

3. При рассмотрении и разрешении ходатайства о допуске в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников или иного лица следователю, дознавателю и суду необходимо учитывать возможность участия в деле такого защитника, наличие или отсутствие препятствий, предусмотренных статьей 72 УПК РФ, а также другие возможные препятствия для участия такого защитника в уголовном процессе, в том числе состояние здоровья, возраст, занятость на основной работе, образование, дееспособность такого лица и иные.

4. Дознаватель, следователь, судья выносят постановление об удовлетворении ходатайства о допуске в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников или иного лица либо об отказе в его удовлетворении, а суд определение, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство.

5. В качестве защитника наряду с адвокатом не могут участвовать лица:

- 1) не достигшие возраста 18 лет;
- 2) признанные судом недееспособными или ограниченными судом в дееспособности;
- 3) состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств;
- 4) подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений, осужденные;
- 5) не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство;
- 6) имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела.

6. Решение по ходатайству может быть обжаловано в порядке, установленном главой 16 настоящего Кодекса».

Внесенные рекомендации могут оказать содействие в совершенствовании института защиты от уголовного преследования, усилении состязательности сторон на досудебном производстве и реализации назначения уголовного судопроизводства, заключающегося не только в защите лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.
2. Федеральный закон от 04.03.2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 г. №2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление ЕСПЧ от 06.10.2015 г. по делу «Турбылев (Turbylev) против Российской Федерации» (жалоба № 472209) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление ЕСПЧ от 26.03.2015 г. «Дело «Волков и Адамский (Yolkoy and Adamskiy) против Российской Федерации» (жалобы № 761409 и 30863/10) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 г. № «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции за 2007 г., 2019 г., первое полугодие 2020 г. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru>

Об авторах:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета, г. Псков (Россия, г. Псков, ул. Красноармейская, д. 1), SPIN-код: 6116-2416; e-mail: pavlovna.76@mail.ru

БУДАНОВА Людмила Юрьевна – кандидат юридических наук; доцент кафедры организации режима и ОРД в УИС Псковского филиала Академии ФСИН России, г. Псков (Россия, г. Псков, Зональное шоссе, д. 28); SPIN-код: 6522-3420; e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

ENSURING THE RIGHT TO PROTECTION OF PERSONS IN RESPECT OF WHOM CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES ARE CARRIED OUT TO EXPOSE THE COMMISSION OF A CRIME

O.P. Alexandrova¹, L.Y. Budanova²

¹ Pskovskiy gosudarstvennyy universitet

² Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article discusses some aspects of ensuring the right to protection for persons in respect of whom criminal procedural activities are carried out to expose the commission of a crime, the participation of "other persons" as defenders in criminal proceedings, formulated proposals for improving criminal procedure legislation aimed at expanding the scope of possible participation of a defender in criminal proceedings, the procedure for considering applications for admission as a defender of "other persons" who do not have the status of a lawyer.

Keywords: *criminal prosecution, defender, lawyer, petition.*

About authors:

ALEXANDROVA Olga – PhD, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University, Pskov (Russia, Pskov, Krasnoarmeyskaya str., 1); SPIN-code: 6116-2416; e-mail: pavlovna.76@mail.ru

BUDANOVA Lyudmila – PhD; Associate Professor of the Department of Regime Organization and ORD in the Penal System of the Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pskov, Pskov (Russia, Pskov, Zonal highway, 28); SPIN-code: 6522-3420 ; e-mail: milabudanovapskov@mail.ru

Александрова О.П., Буданова Л.Ю. Обеспечение права на защиту лицам, в отношении которых осуществляется уголовно-процессуальная деятельность по изобличению в совершении преступления // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2021. № 3 (67). С. 30–38.

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЬНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности контрольно-процессуального отношения через призму его элементов, и их определения в современном законодательстве.

Ключевые слова: *контроль, контрольно-процессуальное отношение, управление.*

Управление в современном обществе, при условии всех изменений, связанных с переходом на цифровые технологии, тем не менее, сохраняет основные принципы своей реализации. Контроль, присущий любому обществу, выступает в виде особого вида управленческих отношений, отличающихся различной степенью организованности. Значительная часть этих отношений урегулирована правом. Их рассмотрение и изучение имеют большое значение, поскольку контроль выступает одновременно и как объект правового регулирования и как содержание контрольно-правовых отношений. Правоотношения по контролю обладают определенными специфическими характеристиками, которые необходимо иметь в виду при их правовом регулировании и правовой реализации.

Контрольные отношения являются разновидностью отношений по социальному управлению, возникающих по поводу одной из его функций. Функция контроля в обществе возникает и осуществляется в отношениях между людьми. Именно люди в конечном итоге определяют задачи, направления, объекты, программу, оценку результатов такого контроля. Контрольные отношения представляют собой сознательно-волевые отношения дееспособных субъектов [2, с. 30]. Для правового регулирования важен именно этот сознательно-волевой аспект контрольных отношений, поскольку право воздействует на поведение через волю и сознание людей. С этой точки зрения объектом правового регулирования управления и контроля являются сознательная, волевая деятельность людей и ее результаты.

Управленческие отношения в целом и контрольные отношения в частности выступают в качестве конкретных форм существования и волевого опосредствования производственных отношений. Поэтому и эффективность управления и контроля связана в значительной мере со степенью изученности глобальных социальных и макроэкономических систем и процессов и со степенью учета выявленных закономерностей в

практической организации и регламентации системы управления. Так, нельзя не согласиться с высказыванием И. Соколовой о том, «что, как и всякое крупномасштабное социальное явление, информатизация несет в себе не только благо для человека и человечества, но и серьезную угрозу для их существования и развития в случае *бесконтрольного* (выделено мной – Н.А.) или злонамеренного использования ее возможностей» [3, с. 3]. При этом указанный автор подчеркивает, что это обстоятельство ставит информационную безопасность личности, общества и государства в ряд актуальных проблем государственной политики.

Контрольные отношения есть отношения организационные, поскольку они осуществляются в определенной системе социальных связей и имеют направленность на их упорядочение, оптимизацию. Однако эта черта контрольных отношений имеет определенные качественные оттенки. Так, если организация понимается как внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия автономных частей целого, совокупность процессов, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями целого, то контроль всегда будет деятельностью организационной. Даже контроль, автономно осуществляемый гражданами, имеет место в системе всеобщих социальных связей и взаимозависимостей, которые можно рассматривать как организацию в широком смысле – организацию общества. Поэтому главное, почему контрольные отношения следует считать организационными, это то обстоятельство, что они всегда происходят в определенной системе, отличающейся внутренней организацией. Однако степень организованности в той или иной системе различна, так же как разными являются пределы и масштабы таких систем.

Контроль и надзор как термины часто в литературе упоминаются как синонимы, без какой-либо дифференциации. Более того, в действующем Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 248-ФЗ) эти термины, как вытекает из самого названия акта, используются как синонимы [1]. Уточнение этих понятий имеет значение как теоретическое, так и с точки зрения отработки юридической техники правотворчества. Для многих органов надзора весьма характерна дача обязательных к исполнению иерархически не подчиненным им субъектам указаний о способах и сроках устранения нарушений, наложение запретов на дальнейшее осуществление деятельности. Да и органы прокуратуры в ряде случаев имеют право прибегать к вынесению предписаний об устранении явных нарушений закона.

В русской этимологии слово «надзор» также воспринимается с явно властной интонацией: осуществлять его может лишь субъект государственной власти в пределах своей компетенции или хозяин,

собственник, автор произведения, патентодержатель и т.д. Однако применительно к нашему государственному аппарату можно сказать, что из подобного правила имеются, по меньшей мере, исключения. Так, Энергонадзор, Горный, Пожарный, Газовый, Санитарный надзоры и другие государственные инспекции действительно располагают полномочиями не только по организации и проведению контроля, но и по разработке и утверждению обязательных для подконтрольных субъектов норм и правил по методическому руководству и координации их деятельности, по применению мер государственного принуждения, юрисдикции. Но, с другой стороны, общему надзору прокуратуры такие функции не свойственны (за исключением предписаний об устранении явных нарушений закона). Контроль представительных органов государственной власти и местного самоуправления, ряда органов исполнительной государственной власти и местного самоуправления также связан с полномочиями этих органов по принятию непосредственных управленческих решений, а также актов нормотворчества и юрисдикции. Однако он именуется контролем, а не надзором.

Думается, однако, что проблема соотношения понятий контроля и надзора в контексте приведенных мнений заключена не в сочетании близких, но разных функций управления (функция контроля остается содержанием и надзора), а во внешних, формальных проявлениях функции контроля и надзора. В соответствии с этой точкой зрения правильнее, как представляется, рассматривать надзор как один из способов существования контроля, своего рода суженный контроль, его разновидность, связанную с определенной формой.

Терминологическим признаком надзора является специализация контроля за реализацией права в определенной области. Главной его задачей является проверка соответствия поведения поднадзорного и результатов этого поведения требованиям норм права, от законодательных до технических. По способам же реагирования как для «контроля» в целом, так и для «надзора» как его разновидности, в равной степени характерно и вмешательство в оперативную деятельность подконтрольного агента и отсутствие такого вмешательства с правом применения чисто контрольных мер реагирования, типа протеста. Это объясняется местом соответствующих органов в организации государственного аппарата, задачами, стоящими перед ними, и компетенцией.

Государственный контроль и надзор является одним из видов социального контроля, отличающимся наиболее выраженными организационными началами, структурными характеристиками. Эти качества отражаются в его классификациях по различным основаниям: субъектам, сферам осуществления, организационному отношению к подконтрольному объекту. Так, различается контроль представительных

органов государственной власти и местного самоуправления, контроль органов исполнительной власти, разделяющийся на общий (правительство, администрация) и специализированный (инспекции), судебный, прокурорский надзор; внутренний (внутриведомственный) и внешний (надведомственный). Каждый из видов контроля отличается спецификой в организации и методах осуществления, имеет разную направленность и организационный масштаб.

Контроль как общественное отношение предполагает выделение таких терминов, как стороны (субъекты), объекты, основания возникновения, изменения и прекращения контроля, субъективные права и обязанности в отношениях по контролю. В контрольных отношениях, урегулированных правовыми нормами, эти термины обретают привычное звучание и составляют понятие правоотношения. При этом в конкретном правоотношении выражена как специфика контроля (с содержательной, функциональной стороны), так и его отраслевая, институциональная принадлежность (с формальной, внешней стороны).

Понятие объекта контрольного отношения идентично с понятием объекта контроля как функции управления. Разница здесь лишь в объемах этих понятий: объект контрольного отношения является частным, конкретным выражением объекта контроля как функции управления, то есть того явления социальной действительности, по поводу которого и складывается контрольное отношение. Объект контрольного отношения – объект субъективного права и обязанности. Федеральный закон № 248-ФЗ о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле называет в качестве объекта контроля деятельность подконтрольных субъектов, результаты этой деятельности, а также материальные объекты, в отношении которых эта деятельность осуществляется. Это совпадает с теорией контрольной деятельности, в рамках которой выделяются два вида объекта контроля: материальные объекты, находящиеся в распоряжении подконтрольного субъекта и его деятельность (результаты деятельности) по отношению к материальным объектам.

Учитывая характер контрольной деятельности и содержание контрольных правовых отношений, субъекта, осуществляющего контроль, следует именовать активным субъектом, поскольку он обладает правом (или обязанностью) контроля, и от него исходит контролирующее воздействие на объект контроля. Субъект, представляющий контролируемое явление (собственник, титульный владелец и т.д.), является пассивной стороной, обязанной подчиниться контролируемому воздействию, создать соответствующие условия, предоставить материалы, документы и пр. Пассивный субъект контроля, в зависимости от вида контрольной деятельности, нередко обладает и правами, например, правом на обжалование. Однако профилирующей в его правовом положении является именно обязанность претерпеть

контрольное воздействие, в силу закона или договора, как необходимый, «несущий» элемент правоотношения.

Контрольные отношения в обществе в значительной мере урегулированы правом. Поэтому состояние социального контроля в обществе во многом зависит от права, от того, какое оно, представляет ли оно явление современной цивилизации, смысл которого заключен в том, чтобы сообщить нормативность и гарантировать доминирующим началам человеческой цивилизации – упорядоченности социальной жизни и свободе человека, его автономии, индивидуальности. Право, выступающее в своем цивилизованном качестве, на началах свободы и гуманизма в их общечеловеческом понимании, содержит развитые институты презумпции невиновности в уголовном, административном и дисциплинарном производствах, недопустимости обратной силы закона, ужесточающего наказание, судебной защиты прав граждан, эффективного контроля за состоянием законности, конституционной юстиции и др.

Воздействие права на социальное управление и контроль многомерно. Правовой фактор позволяет обеспечить сбор, обработку, направление результатов анализа информации, рационально построить систему принятия решения и его коррекции, точно соотнести их с системой ответственности, целесообразно распределить действия агентов исполнения, определить формальные границы свободы, обеспечить распределение функциональных ролей, упорядочить сроки выполнения операций, процедур и т.д.

Вследствие воздействия права социальный контроль осуществляется в соответствии с правовыми нормами, которые регулируют систему организации субъектов контроля, порядок контрольной деятельности, контрольные отношения. Под воздействием права формируется система идей, взглядов, оценок, мнений, чувств в отношении системы социального контроля и правового механизма его регулирования.

Право играет роль регулирующей информации в системе социально-правового контроля наряду с выраженными в правовой форме управленческими решениями индивидуального характера, а также с другими социальными нормами. Социальные нормы, обладающие большей, по сравнению с правом, степенью общности, абстрактной универсальностью, сочетаются с правовыми, создавая в совокупности нормативную базу функциональной правовой системы социального контроля.

Итак, право – главный регулятор социального контроля. С помощью правовых предписаний устанавливаются целесообразные рамки, масштабы поведения субъектов контрольных отношений, основания возникновения, изменения, прекращения этих отношений, из правовых предписаний и дозволений вытекают субъективные права и обязанности по контролю. Урегулированные правом контрольные отношения

приобретают черты, характерные для всех правовых отношений. Означает ли это, что говоря о контрольных отношениях, их следует связывать с некоей контрольной отраслью права? По-видимому, нет. Теоретических и практических предпосылок в виде самостоятельного, определенного метода правового регулирования для таких утверждений не имеется. Если общность предмета социально-правового контроля вполне вырисовывается, как это видно из анализа контрольных отношений, то методы контроля зависят от метода правового регулирования, свойственного той отрасли права, в сфере реализации норм которой осуществляется контроль. Так, значительный объем контрольных правоотношений регулируется нормами административного права. Их участники становятся обладателями административно-правовых субъективных прав и обязанностей, характер распределения и содержание которых предопределяется методом «субординации», специфичным для административно-правового регулирования. Вместе с тем контрольные правоотношения регулируются многими другими отраслями права (конституционным, финансовым, экологическим, гражданским, уголовно-процессуальным, гражданско-процессуальным и др.), приобретая соответствующие им характерные черты.

В законодательстве о контроле можно выделить нормы и институты общей и особенной части. Так, нормы, относящиеся к общей части, определяют задачи и принципы контроля, основания возникновения, изменения и прекращения контрольных правоотношений, субъектов контрольных отношений (активных и пассивных), их правовое положение, подведомственность разбирательства и разрешения юридических дел по контролю, общие правовые средства и методы контроля, процессуальные сроки и др. Нормы, которые можно отнести к особенной части, регламентируют различные виды контрольного юридического производства применительно к конкретным видам субъектов, сферам осуществления, особенности правовых средств и методов контроля, обжалование действий контролеров и др. Однако все перечисленные правовые институты контроля носят комплексный характер в смысле предмета и метода правового регулирования, разнесены по отраслевым правовым институтам и целым отраслям права. Так, гражданско-процессуальное и уголовно-процессуальное право можно рассматривать как законодательство о контроле в сфере рассмотрения и разрешения гражданских и уголовных дел за исключением лишь норм о судебных постановлениях, оканчивающих судопроизводство, и об исполнительном производстве, которые составляют существо юрисдикции и цель всех предшествовавших их применению процедур, контрольных по своей функциональной природе. Так, суд, рассматривая конкретное юридическое дело, занимается не чем иным, как контролем за

соответствием юридически значимого поведения участников процесса нормам материального и процессуального права, то есть занимается сбором и изучением информации, ее анализом и приходит к определенному выводу, который, представ в определенной процессуальной форме, покидает сферу контрольной функции, представляя собой уже акт юрисдикции как государственно-властный правоприменительный акт в области судопроизводства. Более того, процессуальная сторона контроля как система является наиболее завершенной и формально определенной, хотя и наиболее жесткой, в процессуальных отраслях права, а судопроизводство по гражданским и уголовным делам (рассматриваемое в контексте и пределах контроля) является наиболее юридически совершенным правовым видом деятельности по контролю.

В достаточно цельном виде нормы права о контроле представлены в статутных нормативных актах о субъектах государственного контроля, таких, как налоговые инспекции, комитет по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, прокуратура, Центральный Банк России и многие другие.

Право регулирует не только контрольные отношения, складывающиеся в процессе социального контроля, но и организацию системы контроля. Им регламентируется структура субъектов контроля, их компетенция, порядок деятельности, место в организационной системе. Это в первую очередь относится к иерархическим системам, для которых свойственны отлаженные управленческие связи, приемы, методы управления и контроля, основанные на принципе подчиненности.

Право как регулятор и форма выражения контроля в обществе оказывает воздействие на участников контрольных отношений, определяя через их правосознание должные модели поведения, вырабатывая социально-значимые правовые взгляды, представления и чувства как о целесообразности и назначении контроля, так и о тех социальных ценностях и нормах, которые посредством контроля обеспечиваются. При этом нормы о контроле предписывают обеспечение наиболее значимых отношений, имеющих исключительное значение для нормального функционирования данной политической и общественной системы.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Информационный портал Гарант.ру (дата обращения: 24.10.2020).
2. Николаев А.А. Социальное управление. М.: Прометей. 2019. 554 с.
3. Соколова И. Социальная информатика. М.: «Квант Медиа», 2018. 286 с.

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

FEATURES OF THE CONTROL AND PROCEDURAL RELATIONSHIP IN THE CONDITIONS OF THE NEW LEGISLATION

N.A. Antonova

Tver State University

The features of the control and procedural relationship are considered through the prism of its elements, and their definitions in modern legislation.

Keywords: *control, control and procedural attitude, management.*

About author:

ANTONOVA Nana – the doctor of jurisprudence, the manager Faculty of the constitutional, administrative and customs right of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

Антонова Н.А. Особенности контрольно-процессуального отношения в условиях нового законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 39–46.

О СООТНОШЕНИИ ПРИТВОРНОГО ОБЪЕКТА БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ И ПРИТВОРНОЙ СДЕЛКИ

И.П. Бакулина, Д.А. Кириллов

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень

Термин «притворный объект бухгалтерского учета» был включен в Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации в 2016 г. До сих пор изучение соответствующего понятия проводилось лишь экономистами. Однако, для целей правоприменения необходим юридический анализ. В статье на основании методов сравнительного правоведения впервые обосновывается возможность и пределы использования логической конструкции концепта «притворная сделка» для характеристики притворного объекта бухгалтерского учета. Также сформулированы признаки понятий «притворный правовой феномен» и «притворный объект бухгалтерского учета», показаны перспективы возможного использования этих понятий для юридической теории и практики.

Ключевые слова: притворная сделка, административное право, притворный правовой феномен, рассогласованность формы и содержания, бухгалтерский учет, отчетность, объект бухгалтерского учета, притворный объект.

Несмотря на то, что с даты включения в 2016 г. в примечание к ст. 15.11 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) понятия «притворный объект бухгалтерского учета» прошло уже достаточно времени, анализ соответствующего концепта ограничивается, в основном подходами, отраженными в экономической литературе. Между тем в юриспруденции и, в частности, в цивилистике уже давно используется понятие «притворная сделка». Нашей целью в текущем изложении является обоснование возможной экстраполяции логической конструкции притворной сделки из цивилистики на притворный объект бухгалтерского учета в административном праве.

Начнем с того, что важнейшим условием достоверности отчетности, отражающей результаты хозяйственной деятельности, является главенствующее значение внутреннего содержания учитываемого объекта по отношению к его внешней форме [9, с. 732]. Это условие имеет статус принципа и текстуально может быть определено как «... приоритет экономического содержания перед конкретно-юридическими формами» [7, с. 102] (далее – «принцип приоритета»).

© Бакулина И.П.,
Кириллов Д.А., 2021

В российском законодательстве данный принцип «появился» в качестве перспективного в 2004 г. [4], а в качестве императивного – в 2008 г. Так, в п. 6 Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008) указывается, что учетная политика должна обеспечивать «...отражение...фактов хозяйственной деятельности исходя не столько из их правовой формы, сколько из их экономического содержания и условий хозяйствования (требование приоритета содержания перед формой)» [3]. Последнее, если принять, к примеру, логику А.Н. Сухарева [10, с. 145–146], есть, в том числе, и институционализация концепта «необоснованная налоговая выгода» [5], существенно изменившего в 2006 г. хозяйственно-правовую действительность России. Концепт, в свою очередь, появился, по нашему мнению, вследствие осмысления арбитражной практикой неординарных и сложных по составу хозяйственных феноменов, сопровождавших деятельность отдельных крупных хозяйствующих субъектов, в частности, холдинга ЮКОС и некоторых других. Каждый из таких феноменов характеризовался, как правило, оформленной бессодержательностью одного или нескольких внешних элементов конкретной хозяйственной ситуации, прикрывавших другие элементы. Последние, в свою очередь, были содержательными, однако, в подобном качестве участниками не заявлялись, поскольку не были оформленными.

После обогащения правовой действительности России концептом «необоснованная налоговая выгода» из содержания российского законодательства сам по себе напрашивался тезис о том, что в наибольшей степени подходящим для описания феноменов, в которых присутствует конструкция приоритета содержания (в том числе, экономического) перед формой, а потому подлежащим распространению на ситуации, включающие как оформленные, но бессодержательные, так и содержательные, но не оформленные элементы, является п. 2 ст. 170 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). То есть в нормах гражданского права о притворных сделках усматривался концептуальный потенциал для анализа феноменов хозяйственно-правовой и иной отраслевой принадлежности на предмет соответствия или рассогласованности содержания и сопрягаемой с ним формы. Данное обстоятельство отражено и в публикациях первого десятилетия текущего века, где указывалось как на схожесть подобных ситуаций с логической конструкцией притворной сделки, так и на возможность экстраполяции на такие ситуации правил о последствиях подобных сделок. По мнению К. Анахова притворность субъектного состава хозяйственной ситуации влечет наступление правовых последствий для ее реальных участников [6, с. 48].

На обоснованность тезиса о корректности распространения свойств конструкции «притворная сделка» на широкий круг правовых феноменов, в том числе на феномены, находящиеся за рамками

гражданского права в его традиционных пределах, прямо указывает появление в отечественном бухгалтерском законодательстве термина «притворный объект бухгалтерского учета». Содержание соответствующего понятия легально раскрыто в 2013 г. в Федеральном законе от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (далее – ФЗ о бухучете) [11, с. 18]. Согласно ст. 5 ФЗ о бухучете «объектами бухгалтерского учета экономического субъекта являются факты хозяйственной жизни; активы; обязательства; источники финансирования его деятельности; доходы; расходы; иные объекты в случае, если это установлено федеральными стандартами». В соответствии же со ст. 10 ФЗ о бухучете «... под притворным объектом бухгалтерского учета понимается объект, отраженный в бухгалтерском учете вместо другого объекта с целью прикрыть его (в том числе притворные сделки)» [2]. Следует заметить, что ввиду цивилистического происхождения понятий «притворная» и «смежных» самостоятельный интерес могло бы, на наш взгляд, представить изучение соотношения концепта «объект бухгалтерского учета» со всеми элементами гражданского правоотношения.

Распространение правовой конструкции притворной сделки за пределы не только института сделок, но и гражданского права в целом, позволяет применить состав соответствующей конструкции к характеристике практически любых сложных «единичных» правовых феноменов с рассогласованными внешней формой и содержанием. Для этой цели каждый подобный феномен может быть условно разделен на два простых. Первый – внешне оформленный, но бессодержательный, а второй – реальный (содержательный), но внешне не оформленный. Соответственно, экстраполяция на подобные сложные феномены текста законоположения п. 2 ст. 170 ГК РФ позволяет сформулировать общее теоретическое правило: бессодержательный оформленный правовой феномен, прикрывающий реальный правовой феномен, именуется притворным, не имеет правового значения и с точки зрения правовых последствий актуализирует прикрываемый (реальный) правовой феномен. Последний, используя терминологию ст. 170 ГК РФ, также можно обозначить как «феномен, который его участники действительно имели в виду».

Для обозначения концепта, включающего две составляющие (притворную и реальную), использование «однокомпонентного» термина «притворный правовой феномен» представляется уместным. Такой подход видится терминологически традиционным. В соответствии с ним сложный состав из двух компонентов – притворного и реального – поименован по названию притворного, то есть формального, отличающегося от содержательного, но подразумевающего наличие последнего. Он реализован и в тексте п. 2 ст. 170 ГК РФ и в ФЗ о бухучете.

Притворный объект бухгалтерского учета представляет собой, как это следует из логического толкования ст. 5 и 10 ФЗ о бухучете, родовое понятие по отношению к притворному правовому феномену, выступающему общим понятием (или, согласно подходам концептуального анализа, как и средневекового номинализма, юридической универсалией). Притворная же сделка представляет собой частный (единичный) случай как притворного объекта бухгалтерского учета, так и притворного правового феномена.

Выходя за рамки права, можно видимо вести речь и о существовании притворных феноменов в самых разных сферах (экономической, политической, управленческой, процессной, субъектной и т.п.), в которых участники отношения используют для внешней характеристики феномена не соответствующую его содержанию форму. Однако, характеристика притворных феноменов общей (не только правовой) природы к предмету статьи неотносима.

Если учитывать, что в притворной сделке «... волеизъявление участников сделки сознательно не соответствует подлинной воле сторон» [8, с. 49–50], то исходя из конструкции притворной сделки можно охарактеризовать состав притворного правового феномена. В любом из них можно выделить следующие элементы:

- прикрываемый правовой феномен;
- правовые последствия реального бытия прикрываемого правового феномена;
- участники правового феномена – носители воли, желающие достичь правовых последствий, характерных для прикрываемого правового феномена;
- прикрывающий правовой феномен, выдаваемый участниками за реальный.

Рассогласованность между волей и волеизъявлением участников может быть следствием различных причин. При этом заметим, что недобросовестная злонамеренность участников не выступает обязательным элементом притворного правового феномена.

Притворные правовые феномены разнообразны. Таковыми являются, в частности, притворный юридический факт, включая притворные правовые событие, деяние, состояние; притворный статус; притворный правовой режим, притворный юридический состав и т.д.

Притворные объекты бухгалтерского учета как группа притворных правовых феноменов представляют отдельный интерес для административного права в связи с прямым их упоминанием в ст. 15.11 КоАП РФ. Исходя из содержания ст. 3, 5, 10 ФЗ о бухучете, к их числу относятся притворный факт хозяйственной жизни, в том числе притворная сделка, притворное событие, притворная операция, что может быть, по нашему мнению, содержательно объединено концептом «притворный юридический факт»; притворный актив – притворный

доходоносный ресурс, контролируемый участником в результате событий прошлого, например, некорректно сформированный нематериальный актив, не имеющий реальной коммерческой ценности, или учитываемое по высокой цене малоценное имущество; притворное обязательство – обязательство, которое фактически не существует, но которое прикрывает другой правовой феномен (другое обязательство), например, хранение, прикрывающее аренду или ссуду; притворные источники финансирования деятельности – источники финансирования, расчеты с которыми прикрывают другие хозяйственные операции; притворные доходы – доходы, скрывающие реальное финансовое состояние субъекта; притворные расходы – расходы, прикрывающие финансовые траты, не относящиеся к расходам и т.п.

В отношении притворных объектов бухгалтерского учета ситуация достаточно понятна: для того, чтобы о таковом говорить как о притворном, необходимо и достаточно чтобы он содержал выделенные нами выше элементы притворного правового феномена.

Определенную сложность представляет вопрос об отграничении в бухгалтерском учете притворного объекта от мнимого, также упомянутого «через запятую» с притворным, в частности и в ст. 10 ФЗ о бухучете. Такое отграничение требуется как в научно-когнитивных целях, так и для выбора указанного в примечании к ст. 15.11 КоАП РФ вида грубого нарушения требований к бухгалтерскому учету при привлечении к административной ответственности. Здесь представляется корректным вновь обратиться к цивилистике.

Мнимые и притворные сделки, включенные в ст. 170 ГК РФ, достаточно близки по составу. Мнимые сделки не порождают обязательственно-правовых последствий и совершаются без намерения породить именно обязательственно-правовые последствия. Притворные же сделки порождают обязательственно-правовые последствия. Однако, если выйти за пределы обязательственного права и, тем более, отрасли гражданского права в целом, то мнимые сделки всегда порождают правовые последствия, однако, находятся они за пределами либо обязательственного права, либо отрасли гражданского права в целом.

Типична, к примеру, ситуация с получившей особое распространение с введением специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [1] и направленной на налоговую экономию маскировкой договором подряда трудовых отношений. В цивилистическом смысле такой договор – мнимая сделка, однако с общеправовой и «бухгалтерско-учетной» точек зрения договор подряда – притворный правовой феномен, прикрывающий трудовой договор. Более сложной, однако тождественной по свойствам элементов и составу представляется ситуация, возникающая в силу «нового» п. 2.1. ст. 73 Налогового кодекса РФ (налоговый залог в силу закона). С 2020 г., как мы выяснили, стала востребованной «лжепередача»

налогоплательщиком своего имущества в залог с целью притворного изменения режима имущества, – с имущества, не обремененного залогом, на имущество, обремененное залогом. Здесь, как представляется, мнимая в цивилистическом смысле сделка по передаче имущества в залог является прикрывающим элементом притворного юридического состава, согласно которому такой правовой феномен как режим «обремененного» имущества прикрывает другой правовой феномен, а именно, режим имущества, свободного от обременений. То есть сделка по передаче имущества в залог с точки зрения последствий в общественно-правовой сфере – мнимая, однако, факт обремененности имущества залогом является притворным объектом бухгалтерского учета.

Иными словами, мнимая с точки зрения гражданского права сделка в общеправовом смысле является прикрывающим элементом притворного правового феномена. По нашему мнению, эту логику можно распространить и на бухгалтерский учет, на основании чего выдвинуть требующий дополнительной верификации тезис о том, что мнимые объекты бухгалтерского учета в реальности представить сложно. Данный тезис, на наш взгляд, не опровергается и содержанием работы Р.Ю. Такташевой, в которой мнимые и притворные объекты бухгалтерского учета разграничиваются [11, с. 18–23].

Между тем достаточно неожиданным может показаться подход, который представляется, на наш взгляд, оптимальным при установлении вида грубого нарушения требований к бухгалтерскому учету для целей же применения ст. 15.11 КоАП РФ. В охарактеризованном выше составе притворного правового феномена можно усмотреть три реальных элемента и один прикрывающий, то есть выдаваемый за реальный. Если последний элемент рассматривать отдельно от реальных, то он является условно мнимым. Ввиду отсутствия дифференциации ответственности в зависимости от того, какой объект – мнимый или притворный – зарегистрирован в регистрах бухгалтерского учета, для цели привлечения к административной ответственности и облегчения процесса доказывания достаточно указывать на регистрацию мнимого («мнимой части» притворного) объекта, даже если притворность объекта очевидна. Однако, если возникает вопрос о дальнейшем применении последствий притворности, особенно влекущих публичную выгоду, то при привлечении к административной ответственности целесообразно доказывать полный состав притворного объекта.

В завершении заметим, что ввиду известного «параллелизма» конструкций юридических составов правонарушений в налоговом и административном законодательстве представляется целесообразным поставить вопрос о приведении в соответствие с примечанием к ст. 15.11 КоАП РФ и примечания к ст. 120 Налогового кодекса РФ.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Минфина РФ от 06.10.2008 г. № 106н (ред. от 07.02.2020 г.) «Об утверждении положений по бухгалтерскому учету» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ Минфина РФ от 01.07.2004 г. № 180 «Об одобрении Концепции развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Анахов К. Необоснованная налоговая выгода: не дадим себя съесть! // Практический журнал для бухгалтера «Налоговый консультант. Тюмень». 2010. № 4. С. 44–49.
7. Демин А.В., Николаев А.В. Доктрина бенефициарной собственности в контексте BEPS: новые горизонты // Закон. 2018. № 8. С. 102 – 113.
8. Лакоценина Н.М. О соотношении недействительности притворных сделок и смежных с ними сделок: общее и особенное // Современный юрист. 2020. № 4. С. 44–53.
9. Плотников В.С., Канапинова С.С. Концептуальные основы: договорные обязанности и обязательства как элементы финансовой отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2020. № 7. С. 726–741.
10. Сухарев А.Н. Переквалификация сделок субъектов предпринимательской деятельности в налоговых целях // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 144–151.
11. Такташева Р.Ю. Мнимые и притворные объекты бухгалтерского учета // Финансовые и бухгалтерские консультации: электрон. журн. 2019. № 5. С. 18–23 [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.fbk.ru/page5939736.html> (дата обращения: 27.04.2021).

Об авторах:

БАКУЛИНА Ирина Петровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права ФГОАУ ВО «Тюменский государственный университет (625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6); SPIN-код: 8087-4638; e-mail: i.p.bakulina@utmn.ru

КИРИЛЛОВ Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права ФГОАУ ВО «Тюменский государственный университет (625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6); ORCID 0000-0002-1550-1962, SPIN-код 9203-6927; e-mail: kdakda@yandex.ru

ON THE RATIO BETWEEN THE FEIGNED FINANCIAL ACCOUNTING OBJECT IN ADMINISTRATIVE LAW AND THE FEIGNED DEAL

I.P. Bakulina, D.A. Kirillov

Tyumen State University

The term "feigned financial accounting object" was included in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in 2016. Until now, the study of the corresponding concept has been carried out only by economists. However, legal analysis is needed for enforcement purposes. In the article, on the basis of the methods of comparative jurisprudence, for the first time, the possibility and limits of using the logical construction of the concept of "feigned deal" to characterize a feigned financial accounting object are substantiated. The signs of the concepts of "feigned legal phenomenon" and "feigned financial accounting object" are also formulated, the prospects for the possible use of these concepts for legal theory and practice are shown.

Keywords: *feigned deal, administrative law, feigned legal phenomenon, mismatch of form and content, financial accounting, accounting system, financial accounting object, feigned object.*

About authors:

BAKULINA Irina – PhD, associate professor, associate professor, department of administrative and financial law of Tyumen State University (6, Volodarskogo st., Tyumen, Russia, 625003); SPIN-code: 8087-4638; e-mail: i.p.bakulina@utmn.ru

KIRILLOV Dmitry – PhD, associate professor, associate professor, department of administrative and financial law of Tyumen State University (6, Volodarskogo st., Tyumen, Russia, 625003); ORCID 0000-0002-1550-1962, SPIN-code: 9203-6927; e-mail: kdakda@yandex.ru

Бакулина И.П., Кириллов Д.А. О соотношении притворного объекта бухгалтерского учета в административном праве и притворной сделки // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 47–54.

ПРАВО: ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИЛИ КОНСЕНСУС

А.А. Воротников

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

Право – самый мощный и вместе с тем, сложный из социальных регуляторов, как по механизму принятия, так и по мерам воздействия. Его вмешательство в общественную жизнь не всегда оправданно. Но в тех случаях, когда это необходимо, оно должно быть определенным компромиссом между государством и обществом.

Ключевые слова: право, вмешательство, общество, мораль, государство, консенсус, власть, правотворческий процесс.

Право – крайность. Вне всякого сомнения, право необходимо государству, также как и государство праву. Однако, социальное взаимодействие строится на иных нормах. Они больше права, они нередко выступают сутью права. Они чаще всего могли бы заменить право, так как их создало общество. Социальные нормы (без правовых) имеют многовековую историю, они более «выдержаны», они более справедливы, и в этом смысле, они более эффективны. Нормы права в их современном звучании – продукт нескольких последних столетий. Чаще всего, это правила поведения, удобные для существующего в тот или иной период времени государственно-политического режима.

Государство и общество в разные периоды своего существования могут иметь различные характеристики соотношения.

При недемократическом (тоталитарном) режиме государство полностью доминирует над обществом. В этом случае право не отвечает интересам общества. Этот вид соотношения гарантирует лишь «безбедное» существование правящего класса и регулирующего все процессы назначенного чиновничества. Именно оно централизованно управляет всеми сферами общественной жизни. Право же, достаточно жёстко регулирует экономические, политические и даже личные отношения. Оно неоправданно вмешивается в дела общества.

При втором, демократическом варианте соотношения, роль государства ограничена, и политическая система общества даёт возможность активного существования разного рода общественных форм. В экономике – реальное многообразие форм собственности и создание условий для свободной конкуренции. В политике торжествует многопартийная система, многочисленные общественные объединения. Право этого периода провозглашает и гарантирует торжество личности, её прав и свобод в «споре» с государством.

Существует и третий вариант соотношения – это взаимодействие, консенсус и консолидация общества и государства на уровне права и структур управления. Создается единая система регулирования на основе консенсуса и консолидированного с социальными нормами - права.

В некоторых случаях уход от права, знаменовал бы уход от государственных структур, формально прикрывающихся им. С торжеством социальных норм общество лишилось бы чрезмерного государственного давления. «Ослабление» права привело бы к росту социальной активности.

Общество способно создавать новые институты, связи и отношения. Отсутствие особого, давящего «государственного фактора» нередко создает новую реальность. Исчезновение навязанной извне обществу воле и возникновение, основанной на социальных нормах воле, преобразит не только общество, но и восстановит функциональную роль государства. Преобразование государства должно идти через отказ от существующего права (в той его части, которая была не согласована с обществом), воссоздание истинного социального управления.

Общественная воля более прогрессивна, более преобразующая, и исторически оправданна. Торжество долговременных социальных (обычных, религиозных и других) норм создает правильные образы действия, не противоречащие историческому ходу вещей. Социальное регулирование через «иные нормы» (неправовые) есть историческое соединение человеческой мудрости с реальной ситуацией, тем или иным отрезком в истории страны.

Вмешательство характеризуется вторжением в чьи-либо дела, отношения, деятельное участие в них. Грубое вмешательство права в поведение каждого члена общества не естественно, оно противоречит человеческой природе. Это один из основных постулатов многочисленных теорий, доктрин.

Отклик на это существует и на уровне иных социальных норм. Также как и право они пытаются эволюционно изменить неэффективность в управлении, но с иной – нравственной, морально-этической точки зрения. Это лишь разные варианты осознания действительности, поэтому они могут не только взаимодействовать, но и противоречить друг другу.

Вмешательство права в жизнь человека можно признать оправданным, в случае, когда норма права «копирует», повторяет социальную норму. Это относится и к тем правилам поведения, которые обеспечивают регулятивную функцию. Однако, не всегда следует торопиться с созданием новых норм, так как избыточное правотворчество – это определенное изменение в той или иной общественной системе. И изменение хотя бы одного из компонентов, влечет изменение всей системы.

Право есть конструкт государства, государственной воли. Социальные же нормы являются продуктом общества и, следовательно,

здесь мы не можем говорить ни о каком вмешательстве. Эти нормы сформировались на основе долговременного применения, они «отшлифованы» обществом, они его структурируют и позволяют двигаться эволюционно.

Право необходимо, когда общественная жизнь становится невыносимой без его норм. В этой ситуации именно право должно стать основой гражданского согласия и мира. В его нормах должны быть отражены прописные истины демократических процессов. Точки зрения, как общества, так и государственной власти могут быть не бесспорными, содержащими те или иные ошибки, неточности, противоречия. Они не должны находить отражения в праве. Консенсусное право не может выражать крайние точки зрения государственной власти и общества. Консенсус (лат. consensus – согласие, единодушие) – способ разрешения конфликтов при принятии решений; принятие решения на основе общего согласия. Право должно содержать лишь консолидированную волю и быть образцом компромисса. Элементы несовпадения позиций выступают основой для всенародного обсуждения.

В условиях демократического государства консенсус достигается на основе дискуссий в высших представительных органах власти (куда общество делегирует своих членов), приводящей к общему согласию, к единству норм. Диалогу должны предшествовать многочисленные консультации, переговоры во всевозможных фракциях, комитетах, комиссиях и т.п. Именно так рождаются формулы консолидированного права государства с обществом.

Правовая культура представителей высших органов власти может служить основой взаимопонимания, определенного взаимосближения позиций.

Противостояние, многочисленные разногласия, манипуляция общественной волей крайне непродуктивны для создаваемого права. Право, созданное в результате победы одной из конкурирующих сторон (в виду количественного преимущества в тот или иной период времени) будет неэффективным в применении.

Единение взглядов, позиций общества и государства – сложный, многоуровневый процесс, но именно он позволяет создать непротиворечивое право. Через консенсус и необходимый компромисс на базе социальных норм, критику позиций и предыдущих нормативных установлений создается право устойчивого эволюционного развития. Именно поэтому, установка на консенсус и консолидацию должна стать исходной для представителей законодательной власти. Это стабилизирует не только правовую, но и политическую систему общества. Обращение к референдуму, к каждому гражданину страны позволит преодолеть любые противоречия общества и государства.

Социальное существование невыносимо без права. Так что же есть право в жизни общества? Это вмешательство в его повседневный ритм

или создание этого ритма, регулирование его основных взаимодействий? Право разъединяет или объединяет общество?

В разные исторические эпохи, периоды это происходит по-разному. Эта зависимость проистекает от типа государства, с которым взаимодействует общество, формы его правления, политического режима и массы иных факторов. Казалось бы, рождаясь в недрах самого общества, право должно выражать его волю. Именно она способна консолидировать общество, руководить его поведением. Она не должна быть навязанной обществу из вне, она должна быть создана и оберегаема структурами, делегируемыми обществом, то есть органами верховной власти. Именно через представителей общества, облеченных уже государственной властью и рождаются те решения, которые консолидируют общество и государство, социальные нормы и правовые, свидетельствуют об их непротиворечивости.

Органы законодательной власти, возводящие в закон всё большее количество моральных установлений, способствуют единению общественных и государственных структур.

Многоуровневый правотворческий процесс должен способствовать эффективному вмешательству в общественную жизнь. Вместе с тем, сложная разноплановая социальная действительность гораздо богаче многих правовых конструкций и установлений. Задача «законодателя» состоит в том, чтобы вовремя отреагировать на возникающие события, наметившиеся тенденции, изменения.

Об авторе:

ВОРОТНИКОВ Андрей Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» (410056, Саратовская область, город Саратов, ул. Вольская, д. 1), SPIN-код 9041-6266, e-mail 89042411002@mai.ru

LAW: INTERVENTION OR CONSENSUS

A.A. Vorotnikov

Saratov State Law Academy

Law is the most powerful and at the same time, the most complex of social regulators, both in terms of the mechanism of adoption and in terms of measures of influence. His interference in public life is not always justified. But in cases where it is necessary, it should be a certain compromise between the state and society.

Keywords: law, intervention, society, morality, state, consensus, power, law-making process.

About author:

VOROTNIKOV Andrey – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Saratov State Law Academy (410056, Saratov region, Saratov city, Volskaya str., 1), SPIN-code: 9041-6266, e-mail 89042411002@mail.ru

Воротников А.А. Право: вмешательство или консенсус // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 55–59.

ГЕОГРАФИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И СПОСОБЫ ПОДДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛЕЗНЫХ СВЯЗЕЙ

А.О. Каштанова

ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва

Общение лиц, осужденных к лишению свободы, с родственниками является основополагающим фактором, влияющим на их успешную реабилитацию и социальную адаптацию. В результате анализа статистических данных выявлен факт несовпадения региона проживания близких осужденных с регионом отбывания наказания, что неблагоприятно влияет на поддержание социально-полезных связей. В статье рассмотрены способы взаимодействия осужденных с близкими (при помощи электронных сервисов ФСИН России) в случае отсутствия возможности поддержания личного контакта.

Ключевые слова: осужденные, семья, социально-полезные связи, электронные сервисы ФСИН России, видеозвонки, услуга «Видеосвидание».

В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (далее – УИК РФ) осужденные к лишению свободы лица отбывают наказание, установленное судом, в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены. В случае отсутствия исправительного учреждения соответствующего вида в месте осуждения или проживания – осужденный направляется в исправительное учреждение, расположенное на территории наиболее близко расположенного субъекта Российской Федерации, в котором имеются условия для его размещения [1].

Соответствующую норму закона не всегда удается соблюсти из-за сложившейся географии исправительных учреждений. Места лишения свободы распределены по территории нашего государства неравномерно, дислокация исправительных учреждений всех видов в одном территориальном органе ФСИН России – редкость.

Также УИК РФ гласит, что женщины-осужденные, а также осужденные, не достигшие возраста совершеннолетия, отправляются отбывать свое уголовное наказание в те субъекты Российской Федерации, где находятся соответствующие исправительные учреждения. Необходимо понимать, что в связи с небольшим количеством воспитательных колоний и исправительных колоний для лиц женского пола, указанные малочисленные категории осужденных отправляются отбывать наказание по месту их дислокации, вдали от

дома. Аналогичная ситуация происходит с лицами, которые направляются для отбывания наказания в колонии особого режима или тюрьмы.

Стоит отметить, что семья – мотиватор, необходимый для исправления осужденного и способствующий его скорейшей адаптации после отбывания наказания. Семья является самым устойчивым коллективом, максимально воздействуя на поведение личности. Разрыв с семьей и в целом социально-полезных связей затрудняет процесс исправления, негативно влияет на переоценку ценностей осужденных.

Совершенно очевидно – дислокация исправительного учреждения вдали от места жительства родственников осужденного определенным образом затрудняет процесс поддержания полезных связей. Зачастую у близких осужденного нет достаточных финансовых средств для посещения исправительного учреждения, в связи с чем осужденные в полной мере не используют право на длительные или краткосрочные свидания.

При отсутствии возможности поддержания личного контакта, существуют электронные сервисы ФСИН России, которые способны дистанционно оказать осужденному не только моральную, но и материальную помощь. Поддерживать связь с осужденным возможно с помощью следующих электронных услуг, предоставляемых ФСИН России: общение осужденных с родственниками посредством видеозвонков – услуга «Видеосвидание»; переписка осужденных с помощью электронных писем – ФСИН-письмо; приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости с помощью интернет-магазина – ФСИН-покупка. Более того, ФСИН России обладает рядом иных электронных сервисов: пополнение лицевого счета – ФСИН-деньги, (государственная система денежных переводов, позволяющая выслать деньги осужденному, который отбывает наказание в местах лишения свободы); ФСИН-окно – сервис, который позволяет предварительно встать в очередь для отправки вещей и продуктов подозреваемым и обвиняемым; ФСИН-ТВ – сервис телевидения для лиц, находящихся в учреждениях ФСИН России (в настоящее время данный сервис доступен исключительно для лиц, содержащихся в ФКУ СИЗО-5 УФСИН России по г. Москва); ФСИН-фото – передача фотографий лицам, находящимся в учреждениях ФСИН России.

Находясь в местах лишения свободы, осужденные не имеют права осуществлять расчет наличными деньгами: приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости осуществляется по безналичному расчету за счет средств, заработанных в период отбывания наказания, за счет получаемых пенсий, социальных пособий, а также переводов денежных средств. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации денежные средства, поступившие на счет осужденного посредством перевода от

родственников или иных лиц, могут быть потрачены в магазине исправительного учреждения в пределах установленного лимита, определяемого режимом содержания.

Институт проблем правоприменения при АНОО ВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге» проанализировал данные использования электронного сервиса «ФСИН-Деньги» за период с 2017 по 2019 годы [2]. Результаты исследования послужили определенными выводами: отправителями 50% всех денежных переводов являлись жители городов-миллионников, причем денежные переводы отправлялись в основном за пределы своего региона. Статистические показатели указывают на то, что регион проживания близких осужденных не совпадает с регионом, где последние отбывают наказание. В большинстве субъектов Российской Федерации доля внутрирегиональных переводов в среднем составляет 7%. Высокий процент внутрирегиональных переводов можно наблюдать лишь в нескольких регионах, что объясняется наличием большого количества исправительных учреждений (Свердловская область (26%), Красноярский край (16%) [2]. Также результаты исследования показали, что с увеличением дистанции между отправителями и получателями объем денежных переводов значительно уменьшается.

О чем это говорит? Отбывание наказания вдали от места проживания родственников разрушает социальные связи подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Их родные либо вовсе прекращают общение, либо растрачивают значительную часть финансовых средств семьи на родственника-осужденного. В качестве итога, семья не в состоянии оказать помощь осужденным после освобождения. Соответствующая ситуация снижает шансы на быструю и безболезненную социальную адаптацию бывшего осужденного.

Решением данной проблемы может стать реализация права осужденного на видеопереговоры с родственниками.

Однако, несмотря на наличие данной электронной услуги (в теории), фактически можно выявить определенные нюансы, возникающие в результате ее реализации.

Услуга «Видеосвидание» предоставляется осужденным продолжительностью до 15 минут и оплачивается за счет собственных средств или за счет средств их родственников. Реализовать право на видеозвонок становится возможным благодаря специально созданным видеотерминалам, функционирующим в режиме он-лайн, синхронно передающим изображение и речь собеседников. Данный видеотерминал должен быть установлен в исправительном учреждении, а также в общедоступных местах. Родственники осужденного могут осуществить видеозвонок не выходя из дома, для чего необходим персональный компьютер или ноутбук с выходом в Интернет, специальная программа для видеовызова, микрофон, колонки, веб-камера.

Однако данная услуга доступна не всем исправительным учреждениям ФСИН России (для установки видеотерминалов требуются значительные финансовые ресурсы). Позволителен вывод: теоретически осужденный имеет право на видеозвонок, но фактически – может быть лишен этого права, ввиду отсутствия технических возможностей. Так, например, лишь в июле 2020 г. в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Ярославской области был установлен первый аппарат видеосвязи в учреждениях УИС региона [3].

Учитывая серьезные финансовые затраты ФСИН России на обеспечение каждого исправительного учреждения оборудованием для проведения видеозвонков, вполне реально заменить аудиозвонок на видео с помощью специальной программы – Skype, или иного аналога, обладающего соответствующим функционалом.

Стоит отметить неравнодушное отношение руководства ФСИН России к данной проблеме. В 2021 г. состоялась рабочая встреча по вопросам цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы, в рамках которой уделено внимание вопросам внедрения современных технологий в деятельность исправительных учреждений. Национальный проект «Цифровая экономика» повысит работоспособность УИС, упростит многие процессы, связанные с оформлением документов, позволит в полной мере соблюдать права и интересы лиц, содержащихся в местах лишения свободы [4].

В заключении необходимо указать на значимость электронных сервисов ФСИН России, с помощью которых осужденные поддерживают связь с близкими, а также визуальный контакт, в случае отсутствия возможности посещения осужденного. Предоставляемые услуги несут в себе разительную социальную значимость, способствуют успешной ресоциализации осужденных после освобождения, а также позитивно влияют на их психологическое состояние.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Жижин Л., Рунова К. Как осужденные в колониях далеко от дома теряют связь с семьей и шанс на возвращение в общество [Электронный ресурс]. URL: <https://takiedela.ru/news/2020/10/13/nakazanie-i-podderzhka/>, свободный (дата обращения: 01.03.2021).
3. Пресс-служба УФСИН России по Ярославской области. Осужденные из Ярославской колонии впервые могут созвониться с родными по средствам видеосвязи [Электронный ресурс]. URL: https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=514122 (дата обращения: 01.03.2021).
4. Пресс-бюро ФСИН России. В Федеральной службе исполнения наказаний прошла рабочая встреча по вопросам цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс]. URL:

https://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=543115 (дата обращения: 01.03.2021).

Об авторе:

КАШТАНОВА Алина Олеговна – научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России (Россия, 125130, г. Москва, ул. Нарвская, д.15, стр. 1), SPIN-код: 6905-1214; e-mail: alina-kashtan@rambler.ru

CORRECTIONAL GEOGRAPHY AND WAYS OF MAINTAINING SOCIALLY BENEFICIAL CONNECTIONS

A.O. Kashtanova

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow

Communication of persons sentenced to imprisonment with their relatives is a fundamental factor influencing their successful rehabilitation and social adaptation. As a result of the analysis of statistical data, the fact of a discrepancy between the region of residence of close convicts and the region of serving sentences was revealed, which adversely affects the maintenance of socially useful ties. The article discusses the ways of interaction of convicts with loved ones (using the electronic services of the Federal Penitentiary Service of Russia) in the absence of the possibility of maintaining personal contact.

Keywords: *convicts, family, socially useful connections, electronic services of the Federal Penitentiary Service of Russia, video calls, the "Video meeting" service.*

About author:

KASHTANOVA Alina – Research associate of the Department for improving the legal regulation of the criminal Executive system of the center for the study of problems of management and organization of the execution of sentences in the criminal Executive system Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, 125130, Moscow, st. Narvskaya, 15, building 1), SPIN-code: 6905-1214; e-mail: alina-kashtan@rambler.ru

Каштанова А.О. География исправительных учреждений и способы поддержания социально-полезных связей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 60–64.

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ГИБРИДНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ*

В.И. Кресс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы теории и практики разработки и применения гибридных нормативных конструкций административно-деликтной ответственности с позиций конституционного правопонимания. Подчеркивается, что гибридные нормативные конструкции отражают объективные тенденции усложнения общественных отношений, однако во всяком случае не могут входить в противоречие с требованиями признания и обеспечения неотчуждаемых прав и свобод человека. Оценивая и учитывая профильные акты конституционализации, необходимо адекватно воспринимать их связь с принципом конституционной сдержанности.

Ключевые слова: административно-деликтная ответственность, гибридные нормативные конструкции, конституционное правопользование, конституционализация права.

Объективные данные побуждают признать административно-деликтную ответственность наиболее распространенной и «ёмкой» формой юридической ответственности в России и мире. Перманентные усилия российского законодателя, направленные на разработку гипотетически всеобъемлющего кодекса такой ответственности, трудно признать успешными и перспективными. Соглашаясь с авторитетными доводами о фактическом исчерпании Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации [5] (далее – КоАП РФ) своего потенциала в связи с «бесконечными и рассогласованными» правками, мы не разделяем «воодушевления» относительно официально заявленной реформы российского административно-деликтного законодательства [13, с. 19]. Даже если, как в целом справедливо уточняет Ю.И. Попугаев, основополагающими ориентирами разработчиков нового КоАП РФ (или – Кодекса об административной ответственности) станут общепризнанные принципы права, Глава 2 Конституции Российской Федерации [1] (далее – Конституция РФ), а также профильные решения органов российской конституционной и международной конвенционной юстиции, Верховного Суда Российской Федерации [13, с. 19–20]. С позиций конституционного правопонимания

* Статья подготовлена при технической поддержке СПС КонсультантПлюс.

для модернизации законодательной, как – прежде всего – конституционной, таких констатирующих указаний может оказаться недостаточно. Наряду с этим мы не намерены ставить под сомнение доводы специалистов относительно наиболее актуальных точек приложения профильных законотворческих усилий. Хотя, например, размышления о том, допустимо ли признавать юридическое лицо субъектом юридической ответственности или же необходимо (и достаточно) установить возможность возложения на него (как «участника административно-деликтного правоотношения») ответственности за противоправное поведение работника [9, с. 42–43] видятся, скорее, схоластическими. Наши сомнения, тем не менее, продиктованы соображениями общетеоретического, а значит – конституционно-правового характера.

По факту в системе российского законодательства существуют, неизбежно сохраняются и будут появляться всё новые, различные по своей юридической силе, уровням регламентации и видам источники, номинально соотносимые с другими, традиционными или и инновационными «отраслями» или комплексными нормативными образованиями, вводящие или конкретизирующие специальную (в том числе непоименованную) юридическую ответственность административно-деликтной формы. Особенностью таких – кодифицированных или системно связанных актов – выступает закрепление нормативных конструкций все более сложных, разветвленно-объёмных, отсылочных и бланкетных по технике воплощения, а зачастую и «гибридных». В последнем варианте уже получили легализацию синтетические модели, имеющие задачей соединить формы традиционно не соединимые, имманентные самодостаточным – по предпосылкам и целям – вариантам судопроизводственного обязывания виновных лиц к ответу за правонарушения, существенно различные по природе и степени вредоносности (административные и уголовные)¹.

Названные обстоятельства дополнительно проясняют значение той аксиомы, что упоминания и отсылки к Конституции РФ не должны носить формального характера. Тем более что современная административно-деликтная компонента, существенным признаком которой выступает нарушение регулирующих условий пользования неотчуждаемыми правами и свободами человека и гражданина и выполнения конституционных обязанностей (конституционное

¹ Примером может служить закреплённая в ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [7], нормативная конструкция «генетически» соотнесённая с диспозициями восьми составов административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, с общим объектом, но *существенно* различных (дифференцированных) по объективной стороне деяний и их субъекту, отмеченному также существенным признаком (качеством) административной наказанности.

правопользование) [12, с. 511–520], анализируемую форму ответственности, как известно, далеко не исчерпывает. В административных, по сути, судопроизводствах (формообразующий признак) определяется также юридическая ответственность за невыполнение (ненадлежащее выполнение) легально уполномоченными органами и должностными лицами обязанностей государственного (публичного) управления, а также реализации функций правосудия, имеющих своей раздельно-единой задачей не только властное обеспечение прав человека, но и поддержание и развитие конституционно предопределенного уклада общественной жизни в целом (суверенного правопорядка), охраны легитимных (конституционно признанных) ценностей и реализации соответствующих целей.

Привлечение к административно-деликтной ответственности сопряжено с объективными трудностями и рисками правоприменительных ошибок, обусловленными, как сложным (комплексным) и коммутационно-сетевым характером института такой ответственности, так и бытующими в России стереотипами правосознания. Соответствующие практики требуют от публично-властных администраторов и судей качеств, которым они зачастую не обладают, поскольку, наряду с прочим, к тому не ведет связанная позитивистскими установками образовательная традиция, в русле которой формируются компетенции большинства уполномоченных к правоприменению лиц. С позиций конституционного правопонимания, в онтологическом плане, административно-деликтную ответственность предопределяет неисполнение нисходящих конкретизаций непосредственно конституционных обязанностей и/или обязанностей, обеспечивающих надлежащее правопользование (правоохранительное регулирование), которое посредством легального (законодательного) установления только приобретает форму административного правонарушения. Согласно теории конституционализации, установление и идентификация нормативных конструкций, соединяющих относительно обособленные и не очевидно связанные элементы различных правовых институтов, предполагает осмысленный учет опосредующих правопользование конституционных принципов и доктринально-нормативных установлений (правовых позиций) Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ и Суд). Именно в таком контексте диспозитивно-предписывающие законодательные элементы получают значение бланкетного композиционного материала, позволяющего конструировать и применять нормы юридической ответственности за нарушения требований конституционного правопользования в различных сферах с учетом положений общей и особенной части КоАП РФ. Подобными элементами наполнена, например, структура Налогового кодекса

Российской Федерации [5] (далее – НК РФ), легализующего вид налоговых правонарушений и ответственность за их совершение. И здесь приходится говорить уже не о трудностях юридико-технического характера (отчасти объясняющих возможные правоприменительные ошибки), но о проблеме невозможности формально-безупречного («каллиграфического») нормативного конструирования гибридных составов административных деликтов. Тем более что их умножение идет на фоне смежного роста инвариантных форм злоупотреблений правом как формально легальных деяний и притязаний, направленных на неконституционное приобретение благ и преимуществ.

Сказанное можно проиллюстрировать на примере конституционализации субинститута налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ). В Постановлении КС РФ от 24 марта 2017 г. № 9-П [2] раскрыто актуальное сопряжение конституционной налоговой обязанности с неправомерными действиями (правонарушениями), злоупотреблениями правом или последствиями ошибки в отношении субъективного права на имущественный налоговый вычет по НДФЛ (далее – Постановление № 9-П). При этом, как подчеркивает Н.С. Бондарь, потребовалось в рамках конкретного конституционно-правового спора, посредством выработки присущих только КС РФ доктринально-нормативных установлений, разрешить вопросы концептуального плана, касающиеся межотраслевых связей налогового, гражданского и уголовного законодательства [16, с. 70–71]. Добавим сюда и законодательство административное, поскольку, в частности, предусмотренная отмена вышестоящим налоговым органом решения нижестоящего (п. 3 ст. 31 НК РФ) вполне соотносится с фабулой конституционного административного деликта как основания обращения налогоплательщика в суд за защитой своих прав и законных интересов (п. 1 ст. 22 НК РФ).

В фабуле конституционализации в Постановлении № 9-П речь шла о расходах, которые оплачивались налогоплательщиком за счет средств, полученных в виде государственной социальной поддержки на основе участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих. Российские суды трактовали как неосновательное обогащение следствия такого поведения налогоплательщика, предопределенного, не исключено, и ошибками налогового администратора («отступлениями» от установленного правового регулирования, в терминологической трактовке КС РФ). Принимая решения о взыскании выявленной задолженности на основании ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], суды исходили из отсутствия у налогового органа законодательно конкретизированной обязанности направлять налогоплательщику акт налоговой проверки, устанавливающий факт получения им безосновательного имущественного налогового вычета, а также требование об уплате

налога. Тем самым, судебная практика, по сути, признавала возможность государственного реагирования на сложившуюся ситуацию в формате налогового администрирования без учета установленного НК РФ порядка взыскания налогов, в том числе без соблюдения досудебного порядка урегулирования налогового спора и за пределами установленных сроков обращения в суд.

Конкретизация конституционных принципов охраны правопорядка всегда проецируется на принципы юридической ответственности и надлежащего правопользования. В Постановлении № 9-П это отражено в положении, согласно которому добросовестные (существенное уточнение) налогоплательщики не могут неопределенно долго оставаться перед риском требований о возврате имущественного налогового вычета по мотиву неправомерности, т.е. независимо от времени, прошедшего с момента решения вопроса о его предоставлении. Иначе говоря, предопределяющее такие требования публично-властное правомочие существует, но носит временно-ограниченный характер, что перекликается с принципом ограниченности (по общему правилу) сроков возможного привлечения правонарушителя к юридической ответственности. Поскольку реализация правомочий отсылает к идее конструкции правоотношения, адекватным будет признание, что конструирование и применение гибридной юридической ответственности оправдано только в силу признания гибридного же (синтетического, «переплетающегося») характера отношений, выражающих пользование непосредственно действующими правами и свободами и выполнение (несение) конституционных обязанностей (ст. 6 (ч.2) и 18 Конституции РФ). При этом даже достоверно сложные и многоуровневые взаимосвязи не могут служить оправданием отсутствия необходимой – для полноценного правопользования – степени определенности правового регулирования, тем более, если речь идет о юридической ответственности. Тогда как постулирование линейной и однородной структуры и содержания таких правоотношений – чреватое конституционными деформациями заблуждение.

Специфические трудности идентификации правонарушений при гибридном конструкционном совмещении положений о «собственно административной» и налоговой ответственности показаны в Постановлении КС РФ от 12 мая 2021 г. № 17-П [3] (далее – Постановление № 17-П). Оспоренная в конституционной жалобе по данному делу ч. 1 ст. 15.6 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за непредставление (ненадлежащее представление) в установленный срок надлежаще оформленных документов и (или) иных сведений, необходимых для осуществления налогового контроля. Субъектами такой ответственности могут быть, в том числе, организация – налоговый агент и ее должностное лицо в части публично-значимой обязанности предоставления сведений о работниках организации, что

вытекает из конкретизаций факультативно-бланкетной конструкции в положениях п. 1 ст. 126, п. 5 ст. 226 и п. 2 ст. 230 НК РФ. В контексте же подзаконных нормотворческих новаций на практике утвердилось представление об обязанности предоставления двух «условно различных» справок с идентичными сведениями по НДФЛ и обусловленном этой обязанностью налоговым правонарушении. При этом согласно п. 4 ст. 108 НК РФ привлечение организации к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает ее должностных лиц от законодательно предусмотренной административной, уголовной или иной ответственности, а принятие решения о возбуждении дела при подобном «самодостаточном» административном деликте предусматривает п. 1 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ.

Разрешая данное дело, КС РФ уделил особое внимание содержательной характеристике тех *существенных* обстоятельств административного правонарушения должностного лица, которые – в логике здравого смысла – ведут к выводу о невозможности повлиять на решение задач налогового администрирования посредством формального непредставления определенных сведений, в том числе продублированных позднее в идентичной справке. Тем самым Суд фактически солидаризировался с отображенной в его решении позицией судьи Верховного Суда РФ (и сложившейся судебной практикой) об объективно самодостаточном значении предусмотренного в КоАП РФ события административного правонарушения. И только наметил (если мы не ошибаемся) связанные с этим риски переопределения правосудия в «законосудие»². Установленная КС РФ в резолютивной части Постановления № 17-П обязанность правоприменительных органов «специально обосновать, при наличии на то причин, *возможность* применения нормы», *допускающей* привлечение должностного лица к административной ответственности за недоработки, которые обусловили *не являющееся* налоговым правонарушением деяние его работодателя (юридического лица), – видится нам обязанностью столь же казуистической, сколько и «чрезмерно легко» («автоматически») исполнимой. Установив ее, Суд, по-видимому, никого из потенциального круга адресантов не озадачил. Даже при наличии оперативного отклика ФНС России [8], перспектива обжалования содержательной стороны такого «специального обоснования» – в контексте обеспечения конституционного права на справедливый суд – видится нам сугубо имитационной. Решающим доводом будет оставаться «руководящий» принцип законности, в крайнем случае, подкрепленный, например, цитатами из наставлений римских юристов о титульной непререкаемости

² Критическую опасность нарастания тенденции отхода от принципов верховенства права и правового государства к «идеалам» формальной и «политической» законности признают многие авторитетные ученые. См., например: [3, С. 309–310].

любого «сурового закона». Сомнительно, чтобы подобная «обязывающая рекомендация» удовлетворила ожидания (запрос на справедливость) субъекта конституционной жалобы и всех тех, кто уже соприкасался или столкнется в будущем с аналогичной угрозой пусть не легального объективного вменения, но очень мало от него отличающейся разновидности отвлеченно-объективной юридической ответственности.

Помня об идеалах конституционной законности и правопорядка, остается предположить что, по сути, в Постановлении № 17-П речь идет не о вновь обнаружившейся казуальной неопределенности или сбое в правоприменительном механизме, но о проблеме системного уровня, а в «печальной» приглушенности аргументов Конституционного Суда РФ проступает – как в капле воды – признание необходимости смены российской юридической парадигмы, включая институциональное обретение конституционно-комплементарного администрирования и правосудия. Для соответствующих форм публично-властной деятельности искомая трансформация может быть соотнесена, например, с представлениями об императивном «принципе уважения прав человека», раскрывающемся в требованиях нравственного отношения к нему как к личности, наделенной неотъемлемым достоинством [11, с. 59–60]. Хотя российская конституционная доктрина и практика знают и более содержательные конкретизации, в частности презумпцию конституционной добросовестности личности, которая распространяется на каждого, а не только на бухгалтера, судебные акты по делу которой, вынесенные, в том числе, с очевидным пренебрежением к названному принципу, согласно решению КС РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Правоприменительная конституционализация едва ли возможна без соответствующего, воплощенного в результатах, законодательного настроя. Утвердив в Постановлении № 17-П конституционность оспоренного законоположения (в аспекте предмета и пределов его проверки), КС РФ указал на наличие у федерального законодателя возможности (не обязанности!) *уточнить* действующее правовое регулирование применительно к порядку привлечения к административной ответственности сопряженной с ответственностью налоговой, а равно и без таковой. В этой связи уместно вспомнить о том, что одним из ключевых принципов деятельности Суда выступает принцип конституционной сдержанности, смысл и значение которого чрезвычайно многообразны, а содержательную актуализацию определяет и обеспечивает сам орган национальной конституционной юстиции. Более того, непосредственно КС РФ изначально утвердил достоверность данного принципа, т.е. легитимировал его и, одновременно, – чего никто более сделать не мог – связал («ограничил») себя его требованиями.

Научный интерес к принципу конституционной сдержанности достаточно велик, однако не все соответствующие разработки можно признать убедительными. В частности, обращает на себя внимание неоправданное, на наш взгляд, стремление к уточняющим титульным характеристикам названного принципа, так или иначе редуцирующим его конституционное значение. Например, даже в методологически взвешенной конституционной генеалогии едва ли не на первое место выходит предикат разумности [9, с. 55–56]³, хотя данный признак в установке конституционной сдержанности может иметь только условно-обособленное значение. Неверно, полагаем, акцентировать внимание и на процессуально-судопроизводственных аспектах («границах») необходимой (должной) сдержанности КС РФ, поскольку таковая значима, прежде всего, вследствие ее «вторичного» материального воплощения в актах конституционализации права.

Доктринально-нормативное значение принципа конституционной сдержанности не может быть ограничено казуальными сюжетами или алгоритмом разрешения конкретного дела. В ряду однородных положений названная установка имплицитным образом включает (и выражает) недопустимость снижения доверия к позитивному праву. КС РФ последовательно привержен презумпции конституционности намерений и результатов деятельности федерального законодателя и дистанцируется, насколько это оказывается возможным, от вмешательства в его конституционные прерогативы, восходящие к демократической традиции разделения властей. При этом Суд вполне отдает отчет, что названная презумпция является опровержимой (поскольку иначе конституционный нормоконтроль утрачивал бы свой смысл), а также, и прежде всего, он сосредоточен на собственном исключительном предназначении охраны Конституции РФ, включая обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина. Уяснение же того, почему Суд счел необходимым проявить сдержанность в конкретном случае, как такое решение соотносено с идеалом конституционного правопорядка и что оно выражает «за рамками» формально сказанного и установленного, – должно получать необходимое отображение в последующих профильных практиках и актах публичных и частных субъектов права. Или – раскрывать их неготовность к такому восприятию. Что же касается юридической науки, то, разумеется, ученые-конституционалисты, как призванные соучастники конституционализации, могут высказывать свои доводы о происходящем, не забывая, однако, о безоговорочной легитимности положений органа российской конституционной юстиции, с одной

³ Утверждение автора указанной статьи об имеющем место амбивалентном подходе Конституционного Суда РФ к определению принципа «разумной или конституционной сдержанности» достоверными доводами, по нашему мнению, не подтверждается.

стороны, и о неизбежно дискуссионном уровне своих, сугубо доктринальных оценочных суждений, с другой стороны⁴.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2021 г. № 17-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., с изм. от 08.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Письмо ФНС России от 28.07.2021 г. № БВ-4-7/10638 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Джавакян Г.З. Принцип разумной сдержанности в конституционном правосудии: самоограничение или самоустранение? // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 6. С. 54–61.
10. Кисин В.Р. Некоторые размышления о положении юридического лица как субъекта административно-деликтного отношения // Административное право и процесс. 2019. № 1. С. 41–44.
11. Костылева Е.Д. Принцип уважения прав человека при оценке правомерности ограничений // Современный юрист. 2020. № 4. С. 53–62.
12. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 240 с.
13. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М.: Норма, 2007. 752 с.
14. Попугаев Ю.И. Основные концептуальные положения по разработке Общей и Особенной частей нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 19–24.
15. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. М.: Проспект. 2020. 448 с.

⁴ Следствием подобной «забывчивости» оказываются, например, логически порочные упреки в *непоследовательном* использовании Конституционным Судом РФ принципа, который, при этом, не получил «аутентичного разъяснения своих содержательных пределов». См.: [3, С. 56–57].

16. Экономическое право: учебник / под науч. ред. Н.С. Бондаря. М.: Проспект, 2021. 352 с.

Об авторе:

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3157-4539, SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

ADMINISTRATIVE AND TORT LIABILITY AND HYBRID REGULATORY STRUCTURES: PROBLEMS OF CONSTITUTIONALIZATION

V.I. Kruss

Tver State University

The issues of theory and practice of development and application of hybrid regulatory structures of administrative and tort liability from the standpoint of constitutional legal understanding are considered. It is emphasized that hybrid normative constructions reflect objective trends in the complication of social relations, but in any case they cannot contradict the requirements for the recognition and provision of inalienable human rights and freedoms. Assessing and taking into account the relevant acts of constitutionalization, it is necessary to adequately perceive their connection with the principle of constitutional restraint.

Keywords: *administrative and tort liability, hybrid normative constructions, constitutional legal use, constitutionalization of law.*

About author:

KRUSS Vladimir – doctor of Jur. Sciences, Professor, Head of the Department of Legal Theory of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0002-3157-4539, SPIN-код: 4253-0971, e-mail: t-prava@yandex.ru

Крусс В.И. Административно-деликтная ответственность и гибридные нормативные конструкции: проблемы конституционализации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 65–74.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ

В.В. Харитошкин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются особенности взаимодействия церкви и государства при исполнении наказаний в России в разные исторические периоды, а также роль религии в духовно-нравственном воздействии на осужденных.

Ключевые слова: *духовно-нравственное воспитание и исправление осужденных, взаимодействие церкви и пенитенциарной системы, нормативно-правовое регулирование религиозных отношений при исполнении наказаний.*

Исправление лиц, отбывающих наказание и возвращение в общество законопослушных граждан является одной из приоритетных задач современной российской уголовно-исполнительной системы. При этом важная роль в вопросах пенитенциарного и постпенитенциарного воздействия на личность осужденного отводится религиозным организациям. Несмотря на существующие сложности и проблемы организационно-правового характера, священнослужителями проводится в исправительных учреждениях большая и нужная работа по реализации задач, стоящих перед системой исполнения наказаний.

Взаимодействие церкви и государства в России имеет давнюю историю. Изначально государство стремилось использовать возможности религиозного воздействия на психологическое состояние заключенных для борьбы с антигосударственной деятельностью. Так царь Петр 1 еще в 1721 г. издал манифест, согласно которому священнослужителям предписывалось доносить сообщенную исповедником информацию о готовящихся или совершенных преступлениях в соответствующие органы – Тайную канцелярию и Преображенский приказ [7].

В дальнейшем духовенство также было обязано наблюдать за политической благонадежностью граждан. Видный государственный деятель царской России С.Ю. Витте в переписке «О судьбах православной церкви» писал, что на священников возложено было полицейско-сыскное дело – они обязаны были доносить обо всех открытых ими на исповеди поступках, клонящихся к вреду государства. В последствии многие священнослужители были даже награждены за шпионаж против тайных обществ [16, с. 108].

В период правления Александра I было положено начало серьезным изменениям реформаторского характера в тюремной системе и пенитенциарной политике России. Так результатом ознакомления императора с деятельностью филантропических зарубежных обществ во время заграничных походов русской армии в 1813 – 1814 гг., стало появление в 1819 г. в Российской империи Общества Попечительного о тюрьмах. Основной целью этой организации было нравственное воспитание и исправление преступников, содержащихся в местах заключения. Достигаться эта цель, помимо прочего, должна была путем наставления осужденных в правила христианского благочестия и доброй нравственности [14, с. 40–45].

Однако многие гуманистические идеи носили по началу в основном декларативный характер, не получая какой-либо практической реализации, поскольку сама тюремная система в России пребывала в то время в жутком состоянии, а арестанты содержались порой в нечеловеческих условиях. Как отмечал один из наиболее авторитетных специалистов в области тюремоведения профессор М.Н. Гернет: «создавалось совершенно нелепое положение: нравственное воздействие должно было оказываться на людей, сидевших в тюрьме на шейных цепях, вделанных в тюремные стены, с кандалами, колодками и рогатками» [11, с. 9].

Новый этап официального сотрудничества пенитенциарной системы и церкви в области обеспечения осужденным права на свободу вероисповедания связан с началом проведения в Российской империи тюремной реформы во второй половине XIX в. Серьезные изменения общественно-политической обстановки и социально-экономических отношений после отмены крепостного права, а также обострение внутренней криминогенной ситуации в России вызвало потребность в совершенствовании системы уголовных наказаний, в том числе, связанных с лишением свободы. Решение проблемы формирования законопослушной личности должно было подкрепляться мерами идеологического воздействия. В этой связи большое внимание уделялось нравственно-духовному воспитанию заключенных. Принятый 15 июня 1887 г. Закон «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» расширил штаты тюремных служащих, введя в них священников, диаконов и псаломщиков. На них возлагалась обязанность идеологического воспитания и перевоспитания заключенных, а также распространение среди них специальной религиозной литературы [20]. Как отмечал известный ученый-криминалист И.Я. Фойницкий: «Более других в тюрьмах настоящего времени успело пустить корни образование религиозное; с этой целью при всех местах заключения заботятся о наличии тюремного священника, и посещение церкви рассматривается как неперемнная обязанность арестантов» [19, с. 315]. О том, какое

значение придавалось религиозно-нравственному воспитанию заключенных говорит тот факт, что по должностному окладу священник приравнивался начальнику (смотрителю) тюрьмы. С этого времени в России появился самостоятельный институт тюремного духовенства, находившийся в подчинении местного епископата. В начале XX в. в 273 тюремных церквях и 77 церквях, расположенных при тюрьмах, служили 346 священников, 30 дьяконов и 208 псаломщиков [10, с. 1217].

Задачи и цели идеологического воздействия на заключенных определялись Общей тюремной инструкцией 1915 г. Согласно ст. 244 указанной инструкции: «духовно-нравственное воздействие на арестантов имеет своим назначением внушение им правильных понятий о религии и об общих гражданских обязанностях, требующих преданности Престолу и Отечеству и почитание соответствующим законам и властям» [21]. Оценивая характер идеологического воздействия на заключенных в то время, следует отметить стремление придать развитию сознания личности нравственно-духовную направленность, ограничивая его при этом узкими рамками религиозного мышления.

В результате Октябрьского переворота, с приходом к власти радикально настроенных, антирелигиозных революционных сил и принятием 23 января 1918 г. декрета Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» организационно-правовая связь между государством и церковью в России была на долгое время утрачена. Атеизм и повсеместная массовая борьба с религией стали одними из основных направлений государственной политики новой власти. В своей работе «Об отношении рабочей партии к религии» тогдашний руководитель Советского государства В.И. Ленин отмечал, что: «Партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, в том числе со старой казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново, или по-иному. Практика марксизма по отношению к религии определяется не какими-то временными соображениями, а принципиальными позициями всей логикой марксистского учения» [15, с. 153].

Исходя из этих установок Советской власти, осужденные, отбывавшие наказание в местах лишения свободы, а также подозреваемые и обвиняемые, находившиеся в местах предварительного заключения, практически были лишены права на отправление религиозных обрядов. Действовавшее в этой сфере законодательство запрещало во всех государственных, общественных и кооперативных учреждениях совершение каких бы то ни было религиозных обрядов и церемоний, а также хранение предметов культа. Запреты эти распространялись и на места лишения свободы. Доступ в

исправительные учреждения служителей культа любых конфессий был категорически запрещен.

Единственное исключение касалось умирающих и тяжело больных. По их просьбе разрешалось отправление религиозно-культовых обрядов в местах заключения, но в особо изолированных помещениях. Однако на практике это «исключение» существовало лишь формально: во-первых, среди осужденных об этом праве мало кто знал; во-вторых, признать себя верующим в советских местах заключения в то время было далеко небезопасно. Поэтому верующие заключенные, как правило, скрывали свои религиозные взгляды. В места лишения свободы не попадала церковная литература, запрещалось пользоваться и религиозной символикой: нательными крестиками, четками, молебными ковриками и т.п. Такое положение сохранялось многие десятилетия.

В «перестроечную эпоху» в советском обществе происходил процесс бурного роста религиозности и столь же быстрого отхода от атеизма. Однако начало этого явления историки относят к более раннему, послевоенному времени. Именно тогда впервые в советской истории, учитывая заслуги церкви в борьбе с фашизмом, И.В. Сталиным была приостановлена тотальная война с религией, которая, впрочем, после его смерти, вновь возобновилась в период «хрущевской оттепели», но уже в более мягкой и формально-бюрократической форме.

Еще во времена так называемого «застоя» в Советском Союзе наблюдалось постепенное нарастание религиозности, особенно среди молодежи больших городов и творческой интеллигенции, а уже с середины 80-х годов и началом в стране «горбачевской перестройки» этот процесс принял «обвальный характер». Проведенный в 1990 г. социологический опрос показал, что в Москве удельный вес «верующих» составил 27% [9, с. 41]. Хотя среди осужденных подобных исследований в то время еще не проводилось, однако можно предположить, что при объективно и корректно проведенном анкетировании результаты такого опроса вряд ли бы сильно отличались.

В конце 80-х годов под влиянием общественных настроений в СССР меняется отношение к религии и на законодательном уровне. Были внесены изменения и дополнения в Правила внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений: сняты многие запреты и ограничения, осужденным было разрешено пользоваться религиозной символикой. В исправительно-трудовые колонии были разосланы тысячи экземпляров Библии, Корана и другой религиозной литературы.

В октябрь 1989 г. был издан приказ МВД СССР за № 250 об утверждении «Рекомендаций по взаимоотношениям исправительно-трудовых учреждений с религиозными организациями и служителями культов», а на следующий год появляются сразу два нормативно-правовых акта в сфере государственно-церковных отношений: Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и религиозных

организациях» и Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповедания». Согласно этим документам администрация исправительно-трудовых учреждений наделялась обязанностью обеспечить реализацию права осужденных на свободу совести и установление необходимого взаимодействия с религиозными организациями [13, с. 65].

С этого времени отношения между представителями церкви и администрацией исправительных учреждений начинают принимать устойчивый позитивный характер: согласовывается порядок пропуска в учреждение священнослужителей, время и место их встреч с осужденными и проведения богослужений, строительства храмов, часовен, благоустройства молитвенных комнат, приобретение духовной литературы, открытия воскресных школ и т.д.

Уже после развала СССР в 1992 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, который еще продолжал действовать в то время, был дополнен ст. 8.1 «Обеспечение свободы совести осужденных». Право осужденных на вероисповедание впервые получило правовую основу. Тем самым было создана нормативно-правовая база для распространения на осужденных положений ст. 28 Конституции РФ: лица, находящиеся в местах лишения свободы получили возможность индивидуально или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, свободно распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

С принятием 26 сентября 1997 г. Федерального закона № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» была упорядочена и деятельность самих религиозных организаций. Однако, при всей прогрессивной направленности данного закона, он имел и определенные негативные последствия, т.к. открыл возможность западным и восточным проповедникам оказывать свое влияние на население страны, которое после многих десятилетий атеистической пропаганды еще плохо разбиралось в содержании различных религиозных течений.

Данная тенденция проявилась и в пенитенциарной сфере: учреждения уголовно-исполнительной системы стали активно посещать миссионеры из Великобритании, США, ФРГ, Украины, Эстонии, Финляндии и даже Японии. При этом доступ в исправительные учреждения получили не только католики, протестанты, мусульмане, буддисты, но и представители различных тоталитарных и экстремистских сект. Причем в последние годы, в целях маскировки, сектанты все чаще стали выдавать себя за служителей традиционных конфессий [12, с. 177–179]. Учитывая, что большая часть сотрудников исправительно-трудовых учреждений, как в прочем и большинство населения в России, слабо разбирается в особенностях тех или иных религиозных учений и верований, выявить и пресечь деятельность сектантских проповедников не всегда удавалось. В этой связи,

своевременно проведенные консультации администрации исправительно-трудовых учреждений с органами юстиции на местах, осуществляющих регистрацию подобных организаций, а также с представителями местных религиозных конфессий по всем вопросам деятельности священнослужителей в местах лишения свободы имеют первостепенное значение.

В 2000 г. была принята Концепция воспитательной работы с осужденными в период проведения реформы уголовно-исполнительной системы. Этим документом предусматривалось создание осужденным всех необходимых условий и возможностей для удовлетворения религиозных потребностей, работы по осознанию собственной вины и причиненного другим людям вреда, стремлению к исправлению имеющихся личностных негативных качеств и саморегуляции своего поведения, соблюдению положительных национальных традиций, обычаев и обрядов. Необходимо отметить, что впервые в этом документе достижение осужденным раскаяния было закреплено в качестве приоритетного направления развития института исполнения наказания.

В ноябре 2005 г. был издан приказ Минюста России «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» [6]. Данным нормативно-правовым актом осужденным была гарантирована свобода совести и вероисповедования в пределах, предусмотренных законодательством Российской Федерации и регулирующим порядок отбывания уголовных наказаний.

Разработанная Федеральной службой исполнения наказания (далее – ФСИН) концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. в качестве специального объекта духовно-нравственного просвещения и воспитания, помимо осужденных, предусматривает также и сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Важный этап установления деловых отношений между религиозными организациями и государством был отмечен подписанием взаимных договоренностей в рамках действующих нормативно-правовых актов. Так, в 2010 г. были подписаны соглашения между ФСИН России и Советом муфтиев России, буддийской традиционной Сангхи России, а в 2011 г. с Русской православной церковью. Кроме того, ФСИН России уже продолжительное время сотрудничает с Федерацией еврейских общин России и другими религиозными объединениями. Соглашениями предусматривалось основные направления взаимодействия и сотрудничество в области духовно-нравственного образования и просвещения осужденных, обеспечения доступа священнослужителей в исправительные учреждения, а также строительство новых культовых сооружений на территории учреждений исполнения наказаний [17].

К международным источникам регулирования религиозных отношений в сфере исполнения наказаний в настоящее время следует отнести такие документы как: Всеобщая декларация прав человека [1], Международный пакт о гражданских и политических правах [2], Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [3], Европейские пенитенциарные правила [4], Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека [5].

Эти международные нормативно-правовые акты предусматривают общие правила, которые легли в основу российского национального законодательства. Основной смысл их заключается в провозглашении права человека на свободу мысли, свободу совести и вероисповедания, в том числе свободу смены религии или убеждений, свободу исповедовать религию или убеждения как единолично, так и совместно с иными лицами, публично или тайно осуществлять богослужение, выполнять религиозные обряды. Данные права и свободы могут быть ограничены лишь в установленном законом порядке в случае необходимости защиты прав и интересов иных лиц, жизни и здоровья граждан, безопасности государства, его территориальной целостности и т.п.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, Европейские правила о тюрьмах, Правила ООН о защите лишенных свободы несовершеннолетних, а также Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека устанавливают обязанность иметь квалифицированного священнослужителя того вероисповедания, которое исповедует достаточно большое число лиц, отбывающих лишение свободы в пенитенциарных учреждениях. При наличии достаточного числа осужденных и возможности исправительного учреждения, священник должен быть назначен на полный рабочий день и введен в штат сотрудников учреждения. Каждому осужденному гарантируется право на удовлетворение своих религиозных потребностей через участие в религиозных обрядах в пределах соответствующего исправительного учреждения, в том числе пользоваться всеми необходимыми для этих целей книгами или религиозной литературой.

Посредством имплементации международных норм в российское правовое пространство были созданы правовые нормы национальных источников права, отражающие международные принципы взаимодействия религиозных организаций с пенитенциарными учреждениями. В частности, ст. 28 Конституции РФ гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими лицами любую религию или не исповедовать никакой, право свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. На основе закрепленных в Конституции РФ принципов были сформулированы отраслевые нормы,

регламентирующие религиозные отношения в пенитенциарной сфере [18, с. 66–67].

В последние годы появление в исправительных учреждениях служителей церкви, проведение религиозных обрядов и служб стало устойчивым и даже обыденным явлением. Исследования показывают, что общение лиц, отбывающих наказания, со священнослужителями различных конфессий, духовно-нравственные беседы, совершение треб и богослужений, оказывает в целом положительное воздействие на осужденных и, тем самым, способствуют процессу их перевоспитания [8, с. 371]. При этом необходимо не допускать формализма и попыток стандартизации этой деятельности, погони за показателями и тем более принуждения осужденных к участию в религиозных обрядах и службах, поскольку лишь долгая и кропотливая работа может дать положительные результаты в такой весьма важной, но деликатной сфере жизни человека.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // РГ. 1995. № 67.
2. Международный Пакт от 16.12.1966 г. «О гражданских и политических правах» // БВС РФ. 1994. № 12.
3. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г.) // СПС «Гарант».
4. Европейские пенитенциарные правила (рекомендация № R(87) /под ред. Ю.К. Александрова, И.Н. Зайцева и др. Тюремная библиотека. Выпуск 2. М., 1999.
5. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в Минске 26.05.1995 г.) // РГ. 1995. № 120.
6. Приказ Минюста РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.
7. Духовный Регламент Петра Великого. 1721 г. Православная электронная библиотека URL.: <http://lib.pravmir.ru/library/book/1340>.
8. Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России, 2018. 568 с.
9. Бессорабов В. Реализация права на свободу совести в ИТУ // Законность. 1998. № 9. С. 40–45.
10. Гаген В.А. Духовно-нравственное и просветительское воздействие на заключенных // Тюремный вестник. 1913. № 8-9. С. 1217–1219.
11. Гернет М.И. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 1. 384 с.
12. Михеев И.А., Снигирев Е.А. К вопросу о распространении радикальных экстремистских исламских течений в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система России: проблемы и перспективы: материалы Международной научной конференции. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. С. 177–179.

13. Морозов А.С. Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной сфере: теоретический аспект: монография. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. 130 с.

14. Об учреждении в Санкт-Петербурге Общества Попечительного о тюрьмах. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 52 с.

15. Православие: Словарь атеиста. М.: Политиздат, 1988. 272 с.

16. Спутник атеиста. М. Государственное издательство политической литературы. 1959.

17. Сыродой Н.А. Роль нравственно-религиозного воздействия в исправлении осужденного // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Международной научной конференции. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2017.

18. Уголовно-исполнительное право / под ред. С.М. Иншакова, А.П. Скибы, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 296 с.

19. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. 514 с.

20. ЦГАОР, Ф. 122, Оп. 1, ч. 1, Делопроизводство 1, Д 1, Д. 3219, л. 3

21. ЦГАОР, Ф. 4042, Оп. 2, Д. 375, л. 94.

Об авторе:

ХАРИТОШКИН Валерий Вячеславович – профессор, зав. кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33); SPIN-код: 8343-3077; e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

ON SOME HISTORICAL ASPECTS OF THE INTERACTION OF THE CHURCH AND THE STATE IN THE EXECUTION OF PUNISHMENTS IN RUSSIA

V.V. Kharitoshkin

Tver State University

The article examines the features of the interaction of church and state in the execution of punishments in Russia in different historical periods, as well as the role of religion in the spiritual and moral impact on convicts.

Keywords: *spiritual and moral education and correction of convicts, interaction of the church and the penitentiary system, legal regulation of religious relations in the execution of sentences.*

About author:

KHARITOSHKIN Valery – Professor, Head. Department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33); SPIN-code: 8343-3077; e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

Харитошкин В.В. О некоторых исторических аспектах взаимодействия церкви и государства при исполнении наказаний в России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 75–83.

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ВЗАИМНОГО ДОВЕРИЯ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена анализу содержания конституционного принципа взаимного доверия государства и общества; исследуются тенденции развития указанного принципа в условиях цифровой экономики; обосновывается необходимость формирования соответствующей требованиям цифровой эпохи нормативно-правовой базы, позволяющей регулировать видоизмененные экономические процессы.

Ключевые слова: принцип взаимного доверия государства и общества, цифровизация, реализация прав и законных интересов граждан.

Ни у кого не вызывает сомнения, что осуществленная в Российской Федерации в 2020 г. конституционная реформа имела огромное значение для совершенствования правового регулирования самых разнообразных сфер общественной жизни России [22, с. 222].

Экономические основы конституционного строя также обрели ряд новых для себя положений. Так, Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] была дополнена ст. 75.1, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение труда человека, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Указанная конституционная новелла позволяет поставить вопрос о формировании и нормативном закреплении в качестве конституционного принципа взаимного доверия государства и общества.

Как представляется, данный принцип соответствует всем требованиям, предъявляемым к такого рода явлениям.

По мнению С.А. Мосина [17, с. 31–32], возложенная на конституционные принципы системообразующая роль предполагает наличие у них следующих характеристик, в соответствии с которыми принципы должны:

- формулировать общеобязательные базовые правила, исходящие из бесспорности их истинности и определяющие направления развития правовой системы;

- обеспечивать стабильность правовой системы,

- иметь возможность своевременного развития и адаптации к изменяющейся правовой действительности.

Постулаты о взаимном доверии, взаимной ответственности граждан и государства, солидарности и сотрудничестве граждан не являются принципиально новыми.

Идея взаимного доверия и сотрудничества государства и общества имеет экономическое обоснование. По верному замечанию Д.В. Винницкого [13, с. 22–25] устранение (до определенных пределов) в результате масштабной приватизации государства из экономической жизни страны привело к тому, что оно утратило прежнюю экономическую власть, сохранив лишь юридическую, что при наличии у государства значительных социальных обязательств неизбежно поставило вопрос о возможно более справедливом и экономически обоснованном распределении бремени публичных расходов между членами общества; в свою очередь, появление на определенном уровне общественного развития идеи общественной солидарности, возникновение вопросов этики распределения обусловили существенное усложнение правовой системы (налогово-правового регулирования прежде всего).

Аналогичные мысли были высказаны В.Д. Зорькиным, писавшим в одной из своих работ: «Вновь подчеркну, что такая модернизация (многих сфер нашей жизни – О.Ю.) невозможна без настойчивых и волевых усилий социального большинства. А эти воля и усилия возможны лишь тогда, когда в стране есть устойчивое общество. Общество, скрепленное не только внешней рамкой законодательных установлений и правоохранительной системы, но и едиными моральными ценностями, едиными представлениями о справедливом и должном. Общество, прочно связанное – на основе единых ценностей – взаимным доверием между гражданами, локальными сообществами и институтами государственной власти» [14].

Необходимо отметить, что сущностные элементы исследуемого принципа взаимного доверия общества и государства были ранее обозначены и в ряде актов Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд или КС РФ). Последним, в том числе с учетом содержания ч. 1 ст. 7 Конституции РФ, в соответствии с которой Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, неоднократно указывалось на социальную ориентированность рыночной экономики России.

Государство поддерживает идеи общественной солидарности, взаимного доверия, в том числе обозначая указанное в качестве целей деятельности в программных документах органов власти. В Публичной декларации целей и задач Министерства Финансов Российской

Федерации [19] в качестве одной из приоритетных задач национальной политики в сфере финансовых отношений является повышение собираемости доходов бюджетов, с сокращением доли теневой экономики и одновременным созданием условий для справедливой конкуренции, что предполагает прозрачность взаимоотношений государства и налогоплательщиков.

В настоящий время несмотря на то, что государство в период пандемии активно пыталось поддержать и граждан и бизнес, в обществе сложился целый спектр опасений, негативных ожиданий. В этой связи «конституционные поправки призваны преодолеть имеющееся недоверие общества к власти, решить вызванные экономическими санкциями, последствиями пандемии острые вопросы» [15, с. 3].

Необходимо констатировать, что Конституционный Суд уже приступил к официальному толкованию принципа взаимного доверия государства и общества с учетом нововведений Конституции РФ, в том числе закрепленных ст. 75.1. Анализ имеющихся актов Конституционного Суда позволяет выделить следующие проявления и необходимые условия реализации данного принципа, отмеченные КС РФ:

1) возможность принятия государством конституционно допустимых и вынужденных временных ограничительных мер, направленных на самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы и являющихся проявлением одной из форм социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества [4];

2) выделение правовой определенности как одного из необходимых условий обеспечения стабильности и предсказуемости гражданского оборота, что, в свою очередь, создает условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, а также для взаимного доверия государства и общества [3];

3) рассмотрение вопроса о создании условий для взаимного доверия государства и общества во взаимосвязи с требованием обеспечения сбалансированности прав и обязанностей гражданина, возможностью использования института неосновательного обогащения за пределами гражданско-правовой сферы в целях достижения баланса публичных и частных интересов в конституционно значимых целях, необходимостью оценки действий сторон правоотношения как добросовестных/недобросовестных [5];

4) выделение таких неотъемлемых конституционных характеристик Российской Федерации в качестве демократического правового государства, как верховенство закона, юридическая справедливость и сбалансированность прав и обязанностей гражданина [6];

5) оценка текущих норм отраслевого законодательства с учетом конституционных предписаний об экономической и социальной солидарности граждан [7].

Как представляется, принцип взаимного доверия государства и общества непосредственно взаимосвязан и, более того, взаимообусловлен другим базовым конституционным принципом, а именно принципом признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Полагаем, что неукоснительное признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина федеральными органами власти, органами власти субъектов РФ и органами местного самоуправления является необходимым условием формирования и реализации принципа взаимного доверия государства и общества.

Второй безусловной предпосылкой для претворения в правовом поле Российской Федерации принципа взаимного доверия общества и государства является добросовестное, конституционное поведение как стороны государства (прежде всего, уполномоченных органов и должностных лиц), так и стороны общества (то есть граждан и их коллективных образований различного рода). Антипод такого поведения в виде недобросовестного (по сути – неконституционного) поведения субъектов нарушает требования конституционного принципа взаимного доверия государства и общества, что, если исходить из буквального прочтения ст. 75.1 Конституции РФ, может создать угрозу устойчивому экономическому росту страны и повышению благосостояния граждан. В этой связи возможно предположить, что как граждане, так и государство, взаимно заинтересованы в добросовестном, партнерском поведении друг друга, что влечет процветание государства и увеличение благосостояния граждан.

Кроме того, полагаем, принцип взаимного доверия общества и государства следует рассматривать и с учетом необходимости соблюдения баланса публичных и частных интересов применительно к различным сферам общественных отношений.

Таким образом для оценки влияния цифровизации на экономическую и социальную жизнь России необходимо уяснить как влияют процессы цифровизации:

1) на признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина;

2) на добросовестное осуществление уполномоченными органами и их должностными лицами, с одной стороны, и гражданами, их объединениями, с другой, своих прав и обязанностей/полномочий;

3) соответствует ли имеющееся и формируемое процессами цифровизации отраслевое законодательство и правовая система Российской Федерации в целом требованиям развития принципа

взаимного доверия государства и общества, а также соблюдению баланса публичных и частных интересов.

Рассмотрим эти вопросы применительно к сфере финансового права, поскольку, как справедливо указал В.В. Комаров, «политической воли бывает недостаточно, ей должны соответствовать финансово-экономические возможности» [15, с. 3].

Очевидно, что глобальные задачи национальной программы цифровизации [8] должны подкрепляться соответствующими ресурсами, в связи с чем передовые технологии активно внедряются в практику деятельности налоговых органов как субъектов, формирующих доходную часть бюджетов.

Отметим лишь некоторые из наиболее значимых технологических решений, которые, как представляется, способствуют реализации принципа взаимного доверия общества и государства.

Прежде всего, необходимо указать на чрезвычайное разнообразие электронных сервисов, наборов открытых данных и государственных реестров, доступных налогоплательщику для использования на портале Налог.ру. На начало 2021 г. среди них насчитывалось 66 электронных сервисов (например, личный кабинет налогоплательщика для физических лиц/юридического лица/самозанятых/ИП/иностранной организации; проверка возможности получения отсрочки/рассрочки в связи с COVID-19/проверка права на получение субсидии в связи с COVID-19/проверка возможности освобождения от уплаты налогов, взносов в связи с COVID-19/проверка права на получение субсидии на проведение дезинфекционных мероприятий и др.), 86 наборов открытых данных (банк данных федеральной информационной адресной системы, реестр операторов электронного документооборота, реестр лицензий на осуществление деятельности по производству и реализации защищенной от подделок полиграфической продукции, налоговые ставки и льготы, адреса и платежные реквизиты инспекций и др.), 12 государственных реестров (ЕГРЮЛ, ЕГРИП, РДЛ, ГИР БО и др.), 5 мобильных приложений («проверка кассового чека», позволяющий получать и хранить кассовые чеки в электронном виде, а также проверить их легальность, добросовестность продавца или сообщить о нарушении; «мой налог», позволяющий обеспечить взаимодействие между самозанятыми и налоговыми органами, а также с клиентами (в форме выдачи чека); «реестр ЗАГС», позволяющее в режиме онлайн осуществлять проверку свидетельства в Едином реестре ЗАГС, а также найти ближайший орган ЗАГС и др.) [21].

Многообразие цифровых услуг и налоговых органов напрямую отражается на возможности граждан реализовать свои социальные права, а представителям бизнес-сообществ – снизить издержки на ведение бизнеса.

Так, например, Министерством финансов Российской Федерации разработан проект федерального закона «О внесении изменения в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации». Основной задачей предполагаемых изменений является реализация прав граждан на получение мер социальной поддержки в автоматическом режиме. Указанное достигается следующим образом: при снижении уровня дохода гражданина налоговые органы передают по нему информацию в Единую государственную информационную систему социального обеспечения [2], в которой информация дополняется сведениями о получаемых пособиях и пенсиях, рассчитывается среднедушевой доход и определяется степень нуждаемости для принятия решения об оказании дальнейшей поддержки гражданина [18].

Как показывает имеющаяся судебная практика, целесообразность подобного рода процедур в эпоху цифровизации управленческих процессов и нацеленности государства на внедрение принципов «социального казначейства» [9] является очевидной.

Достойным примером цифрового взаимодействия хозяйствующих субъектов и государства является активно пропагандируемая и внедряемая ФНС России в сегменте b2g идея электронного документооборота, которая, по мнению ведомства позволит снизить издержки бизнеса, сократить трудозатраты бизнеса на работу с документами на 80% [20], а также минимизирует общение налогоплательщиков и налоговиков.

Активное внедрение ФНС России передовых технологических решений и эффективных аналитических инструментов налогового администрирования было по достоинству оценено как представителями финансово-правовой науки [16, с. 233–237], так и российским бизнес-сообществом.

Таким образом, можно констатировать, что цифровизация в целом способствует повышению уровня доверия между обществом и государством, а также защите прав граждан.

Вместе с тем необходимо признать наличие определенных рисков нарушения прав граждан, а также злоупотреблений со стороны властных субъектов, связанных со столь стремительным вторжением цифрового пространства в нашу жизнь. Так, например, настороженность вызывают суждения о возможности отказаться от детальной правовой регламентации налоговых правоотношений в угоду ускоренным темпам их трансформации в цифровой формат. По той же причине вряд ли можно согласиться с мнением о том, что «государство уже дошло до той стадии, когда необязательно описывать в законодательстве каждое действие, а достаточно установить базовые принципы, на которые будет ориентироваться государство» (по аналогии с действующей системой налогообложения профессиональных доходов, которая, по мнению

налоговых органов, функционирует достаточно эффективно несмотря на отсутствие надлежащего правового регулирования) [10].

Безусловно, динамично меняющиеся в условиях цифровизации экономические отношения требуют адекватного правового регулирования. Вместе с тем указанные изменения должны быть постепенными, растянутыми по времени, продуманными, понятными для восприятия общества и, самое основное, соответствующими имеющимся конституционным ценностям.

В этой связи, полагаем, важнейшим средством на пути развития принципа взаимного доверия общества и государства является формирование соответствующей правовой базы применения цифровизированных процедур при исполнении налоговой обязанности, а также администрировании налогов, поскольку верным является мнение о том, что информационно-телекоммуникационные технологии служат средством реализации субъектами финансовых правоотношений своей правосубъектности, при этом их использование требует изменения содержания правосубъектности властных и подвластных участников финансовых правоотношений [12, с. 82–83].

Как представляется, любые высокотехнологичные новшества, применяемые в деятельности ФНС России, должны иметь соответствующую правовую основу либо в виде актов законодательства о налогах и сборах, либо актов законодательства в сфере цифровизации. При нарушении указанного условия необходимо ставить вопрос о наличии злоупотреблений со стороны властных субъектов (как в сфере правотворчества, так и в сфере правоприменения). Кроме того, конституционный принцип взаимного доверия государства и общества в этом случае вряд ли можно считать надлежаще соблюденным.

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, полагаем возможным сделать следующие выводы:

1. В целом цифровизация, рассматриваемая как форма финансовой деятельности государства, осуществляемая в «автоматическом режиме», с помощью заранее разработанных и запущенных информационных технологий, соответствует реализации прав и законных интересов граждан, не ограничивает их признание, соблюдение и защиту.

2. Вместе с тем фактическое отсутствие отраслевого и межотраслевого законодательства, сопровождающего процессы цифровизации финансовых правоотношений, создает риски публично-властных злоупотреблений в указанной сфере.

3. Для надлежащей реализации конституционного принципа взаимного доверия государства и общества, а также в целях обеспечения баланса публичных и частных интересов первоочередной задачей является формирование соответствующей требованиям цифровой эпохи нормативно-правовой базы, позволяющей регулировать видоизмененные экономические процессы.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.07.2021).
2. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 11.06.2021 г.) «О государственной социальной помощи» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.07.2021).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2021).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2021).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2021 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Носаева» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2021).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2021 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В.А. Вострикова» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2021).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.2021 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего пункта 42.1, пунктов 44 и 45 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, а также формулы 3 приложения N 2 к данным Правилам в связи с жалобой гражданки В.Н. Шестериковой» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.07.2021).
8. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2021).
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2021).
10. Антон Силуанов не исключил возможности подготовки нового Налогового кодекса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/news/1466958/#ixzz6zTMZllsJ> (дата обращения: 02.07.2021).

11. Арзуманова Л.Л. Новый вектор развития медиации в финансово-правовой сфере // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции: в 5 ч. М., 2021. Ч. 2. 408 с.
12. Беликов Е.Г. Развитие финансово-правовых принципов в условиях цифровой экономики // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9 (73). С. 39 – 45 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44172060> (дата обращения: 22.02.2021)
13. Винницкий Д.В. Российское налоговое право. М., 2003. 397 с.
14. Зорькин В.Д. Право против хаоса // Библиотечка «Российской газеты». 2016. № 13 // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.07.2021).
15. Комаров В.В. Конституционные ценности в современной экономике (некоторые аспекты воздействия конституционной реформы 2020 г.) // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции: в 5 ч. М., 2021. Ч. 2. 408 с.
16. Мошкова Д.М. Цифровизация налогового администрирования в современных условиях // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции: в 5 ч. М., 2021. Ч. 2. 408 с.
17. Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации: коллект. моногр. / отв. ред. В. А. Виноградов, А. А. Ларичев. 2021. 232 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46194118> (дата обращения: 03.07.2021).
18. Пояснительная записка к Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=статья%20102%20НК%20РФ%20&npr=116930> (дата обращения: 08.07.2021).
19. Публичные цели. Улучшение условий ведения бизнеса и конкурентной среды через повышение качества администрирования доходов бюджета (содействие достижению национальных целей развития в сфере экономики) [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/ministry/public_purpose/II/ (дата обращения: 04.01.2021).
20. Разработаны документы для обеспечения электронного взаимодействия между бизнесом и госорганами [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/news/1468602/#ixzz6zT6PBMFf> (дата обращения: 02.07.2021).
21. Сборник электронных сервисов, наборов открытых данных и государственных реестров ФНС России [Электронный ресурс]. URL: [http://invest.admsurgut.ru/public/uploads/\(2021_01_29\)_Elektronnyie_servisyi_FN_S_Rossii.pdf](http://invest.admsurgut.ru/public/uploads/(2021_01_29)_Elektronnyie_servisyi_FN_S_Rossii.pdf) (дата обращения: 07.07.2021).
22. Соколова Э.Д. Некоторые вопросы теории финансового права в свете изменений и дополнений Конституции Российской Федерации // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференции: в 5 ч. М., 2021. Ч. 2. 408 с.

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-3112-3112, SPIN-код 6648-986, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

**DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLE OF MUTUAL TRUST
BETWEEN THE STATE AND SOCIETY IN THE DIGITAL
ECONOMY**

O.I. Yustus

Tver State University

The article is devoted to the analysis of the content of the constitutional principle of mutual trust between the state and society in relation to; the trends in the development of this principle in the digital economy are investigated; the need for the formation of a regulatory framework that meets the requirements of the digital era, allowing to regulate modified economic processes, is justified.

Keywords: *the principle of mutual trust between the state and society, digitalization, realization of the rights and legitimate interests of citizens.*

About author:

YUSTUS Olga – PhD, associate Professor of the Department of constitutional, administrative and customs law of Tver state University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), ORCID: 0000-0002-3112-3112, SPIN code 6648-986, e-mail: olga.i.yustus@gmail.com

Юстус О.И. Развитие принципа взаимного доверия государства и общества в условиях цифровой экономики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 84–93.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 347.447.7

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.3.094

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассмотрены некоторые виды споров, вытекающих из пенсионных правоотношений, приведена их классификация. Рассматриваются причины, затрудняющие реализацию права на судебную защиту пенсионных прав.

Ключевые слова: пенсионер, Пенсионный фонд РФ, судебная защита, участники гражданского процесса, пенсионный спор, пенсия, судебный процесс.

Право на пенсионное обеспечение – одно из ключевых социальных прав граждан, обеспечение реализации этого права – одна из основных обязанностей каждого государства. Право на достойное пенсионное обеспечение по достижении пенсионного возраста является неотъемлемым правом каждого гражданина и имеет свои особенности реализации и защиты. Прежде всего, право на пенсионное обеспечение является «отложенным во времени», поскольку право на пенсию формируется в течение всей жизни, когда человек осуществляет трудовую или иную общественно полезную деятельность, а непосредственная его реализация осуществляется при наступлении обстоятельств, являющихся основаниями для назначения соответствующего пенсионного обеспечения. Для разного вида пенсий данные обстоятельства различны, начиная от необходимого количества лет трудовой и иной деятельности, заканчивая возрастным критерием.

Право на судебную защиту гарантировано ст. 46 Конституции Российской Федерации, согласно которой права и свободы каждого человека и гражданина подлежат судебной защите, а решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд [1]. Вместе с тем, в связи с продолжительным сроком формирования права на пенсионное обеспечение возникают очевидные сложности с его защитой, поскольку некоторые факты и обстоятельства доказать достаточно сложно по прошествии определенного количества времени.

© Афтахова А.В., 2021

Исходя из многогранности пенсионных отношений, а также реализации принципа всеобщности пенсионного обеспечения, защита пенсионных прав не теряет актуальности. В связи с особенностями правоприменительной практики, возможными ошибками и неточностями, возникающими при «цифровизации» информации о трудовой деятельности граждан, а также исходя из добросовестных заблуждений или сознательного нарушения законодательства участниками пенсионных правоотношений, количество споров, возникающих в рассматриваемой сфере, продолжает оставаться на высоком уровне. При этом среди ученых отсутствует единый подход в классификации пенсионных споров, поскольку характер пенсионных правоотношений, а также особенности реализации пенсионных прав зачастую зависят от конкретных обстоятельств, связанных с особенностями трудовой жизни человека.

Прежде всего, классификация пенсионных споров может быть осуществлена по субъектному составу участников. Так, участниками спора могут быть граждане, юридические лица (работодатели), Пенсионный фонд Российской Федерации (далее – ПФР) и его территориальные отделения, а также иные лица. Пенсионные споры можно также подразделить по видам пенсионного обеспечения на споры, связанные с назначением и выплатой страховых пенсий, пенсий по государственному пенсионному обеспечению, а также накопительных пенсий, в том числе споры, связанные с выплатой средств пенсионных накоплений правопреемникам застрахованного лица. В качестве классифицирующего основания можно использовать также характер заявленных требований: о включении периодов в стаж, о признании незаконным решения уполномоченного органа, о назначении пенсии, в том числе досрочно, о взыскании денежных средств и др.

Кроме того, пенсионные споры можно классифицировать по основанию возникновения на споры, связанные с пенсионным страхованием, и споры, связанные с пенсионным обеспечением. В свою очередь споры, связанные с пенсионным обеспечением, также можно классифицировать на споры, связанные с возникновением пенсионных правоотношений, споры, связанные с назначением и выплатой пенсий, а также на споры, тесно связанные с пенсионными правоотношениями.

Наиболее распространенными в сложившейся судебной практике являются споры, когда граждане отстаивают свое право на различные виды пенсионного обеспечения, вступая в спор с территориальными отделениями ПФР. Основаниями для возникновения споров между гражданами и ПФР, чаще всего, являются:

- невключение или отказ во включении определенных периодов трудовой или иной общественно полезной деятельности гражданина в страховой стаж;

- отказ во включении определенных периодов трудовой деятельности гражданина в стаж, являющийся основанием для назначения страховой пенсии досрочно (в специальный (профессиональный) стаж);
- отказ в назначении страховой пенсии досрочно;
- незаконная приостановка выплаты пенсионного обеспечения.

Кроме того, в последнее время получила широкое распространение практика включения пенсионных отчислений в конкурсную массу при банкротстве физического лица. Пенсионеры, в отношении которых начата процедура банкротства, полагают, что данная ситуация нарушает их право на пенсионное обеспечение и препятствует реализации права на пенсию в контексте обеспечения достойного уровня жизни каждого пенсионера [7, 8].

Достаточно распространенной является практика судебных разбирательств, участниками которых являются работник (застрахованное лицо) и работодатель, который несвоевременно или не в полном объеме производил уплату страховых взносов на пенсионное страхование. В связи с отсутствием взносов у гражданина формируется недостаточный объем пенсионных прав, который по действующему законодательству может препятствовать, в том числе, самому факту назначения страховой пенсии. Такие случаи, к сожалению, не являются редкими. Работник, осуществляя трудовую деятельность, не задумывается о том, исполняет ли работодатель обязанность по уплате страховых взносов и в каком объеме производятся отчисления. При этом от размера страховых взносов напрямую зависит формирование индивидуального пенсионного коэффициента за каждый календарный год. При наличии баллов менее 30 страховая пенсия не может быть назначена даже при наличии необходимого стажа в 15 лет [2].

Еще одной категорией споров, связанных с пенсионным обеспечением, являются споры, возникающие между страхователями и страховщиками в правоотношениях по пенсионному страхованию. Основанием для возникновения данных споров является непредоставление или несвоевременное предоставление сведений о работах-застрахованных лицах. В связи с нарушением сроков предоставления отчетности у ПФР отсутствует актуальная информация о факте занятости застрахованных лиц из числа пенсионеров, в связи с чем некоторым гражданам из числа работающих пенсионеров выплачивается пенсионное обеспечение в повышенном размере. Излишне выплаченные суммы пенсий в соответствии с действующим законодательством взыскать с пенсионера невозможно, поскольку пенсионер в этом случае действует добросовестно. Поэтому ПФР обращается в суд с требованием о взыскании излишне выплаченных денежных средств к работодателю – лицу, ответственному за своевременное, полное и достоверное предоставление сведений о каждом работнике [9].

Говоря о судебной защите пенсионных прав граждан как о единственном реальном механизме защиты рассматриваемых прав следует отметить, что изначально стороны пенсионного спора не находятся в равном положении. Отсутствие равноправия обусловлено целым рядом причин, среди которых особо следует отметить следующие.

1. Особенности российского пенсионного законодательства, которое не является однородным, стабильным и понятным. Современные пенсионные нормы подвергаются постоянной корректировке, что требует введения переходных периодов, дополнительных классификаций и критериев, не понятных простым гражданам. Частые изменения законодательства приводят к утрате доверия к пенсионной системе в целом, поскольку действующие пенсионеры уже получают пенсию и не интересуются нововведениями, а молодежь не задумывается о будущем, т.к. действующие правила, по их мнению, неоднократно изменятся в будущем и, соответственно, не следует их исполнять в настоящем.

Нестабильное пенсионное законодательство не только не является понятным простым гражданам, люди не успевают отслеживать нововведения и, соответственно, не могут обеспечить выполнение тех или иных предписаний. Кроме того, затрудняет восприятие пенсионных норм также достаточно большой объем нормативно-правовых актов, которые в той или иной степени регламентируют вопросы пенсионного обеспечения. Сложные правовые конструкции, обилие таблиц и формул препятствует правильному пониманию и восприятию пенсионного законодательства населением страны.

2. Второй причиной следует выделить низкое информирование и недостаточный уровень цифровой грамотности населения среднего возраста. Лица в возрасте 30 – 60 лет должны быть максимально заинтересованы в формировании будущей пенсии, а также четко представлять себе условия, при которых может быть скорректирован размер их пенсионного обеспечения. Для этого государство разрабатывает и внедряет огромное количество информационных и цифровых ресурсов, но этого, как показывает практика, не достаточно. Граждане либо не знают о существовании таких инструментов как «Пенсионный калькулятор», «Выписка из индивидуального лицевого счета застрахованного лица» и др., либо не используют данные ресурсы в связи с тем, что не понимают их практического назначения.

Вместе с тем, использование сведений, указанных в Выписке из индивидуального лицевого счета застрахованного лица, может обеспечить человека информацией о его пенсионных правах, что позволит, в случае необходимости, своевременно решить возникающие вопросы в административном порядке, не прибегая к судебному способу разрешения конфликта. Особенно это актуально в спорах, связанных с недостаточным начислением и уплатой страховых взносов, а также при

отсутствии определенных периодов работы, учтенных в том или ином виде стажа. Как указывалось ранее, обычно данная информация появляется у гражданина тогда, когда в отношении него уполномоченным органом принимается решение о назначении пенсионного обеспечения, с размером которого человек не согласен. Судебный порядок разрешения спора существенно затягивает процесс назначения и, соответственно, получения пенсии, требует доказывания большого количества обстоятельств, которые произошли достаточно давно.

3. Отсутствие специальных знаний в области гражданского процесса, особенностей составления процессуальных документов и, главное, доказывания тех или иных обстоятельств, от установления которых зависит исход дела, также является существенной причиной, не позволяющей людям отстаивать пенсионные права в судебном порядке с высокой степенью эффективности. Для того, чтобы доказать неправомерность решения Пенсионного фонда РФ истец должен знать достаточно большое количество нормативно-правовых актов, которые подлежат применению в конкретной ситуации, а также иметь четкое представление, где и какие документы он может получить для предоставления в суд. Бремя доказывания обстоятельств, на которые ссылается гражданин, лежит на нем, однако далеко не все пенсионеры обладают достаточным уровнем правовой грамотности. Не имея соответствующих знаний, а также опасаясь прибегать к судебному способу защиты прав, граждане пытаются найти альтернативные способы решения проблемных вопросов. Отсюда огромное количество обращений в органы, которые не уполномочены на разрешение спорных ситуаций, возникающих в сфере пенсионных правоотношений.

Исходя из сложившейся ситуации можно сделать вывод о том, что судебный способ защиты прав граждан в пенсионной сфере является достаточно сложным с точки зрения его реализации. Без привлечения квалифицированных специалистов гражданам трудно разобраться в пенсионном законодательстве, а также сориентироваться в документах, которые они должны предоставить в качестве доказательств своей позиции.

Учитывая сложившуюся практику, по нашему мнению, следует ввести обязательный досудебный порядок урегулирования некоторых пенсионных споров, таких как споры относительно уплаты страховых взносов, включения определенных периодов трудовой и иной общественно полезной деятельности в стаж. В рамках досудебного порядка органам Пенсионного фонда РФ следует разъяснять гражданам, на каком основании принято то или иное решение и, главное, - подробно информировать о тех документах, которые необходимо предоставить. Такая процедура позволит гражданам лучше ориентироваться в том, какие способы доказывания они могут и должны использовать в каждой

конкретной ситуации, а собранных и предоставленных документов может быть достаточно для удовлетворения их требований без обращения в судебные инстанции.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

2. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

3. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

4. Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

5. Федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.08.2021).

6. Определение Верховного суда РФ от 4 августа 2021 г. по делу № А56-17159/2020 // Режим доступа: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/608187367?text=%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%8F&type=&accepted_by_id=&accepted_by=&accepted_date_start=&accepted_date_end=&number (дата обращения: 19.08.2021).

7. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 августа 2021 г. по делу № А11-11142/2016 // Режим доступа: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/608035588?text=%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%8F&type=&accepted_by_id=&accepted_by=&accepted_date_start=&accepted_date_end=&number (дата обращения: 19.08.2021).

8. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 29 июля 2021 г. по делу № А67-8417/2020 // Режим доступа: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/607911344?text=%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%8F&type=&accepted_by_id=&accepted_by=&accepted_date_start=&accepted_date_end=&number (дата обращения: 19.08.2021).

9. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 20 июля 2021 г. по делу № А19-4639/2021 // Режим доступа: http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/607909464?text=%D0%B2%D1%8B%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D1%81%D1%83%D0%BC%D0%BC+%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F+%D0%BF%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%B8%D1%8F&type=&accepted_by_id=&accepted_by=&accepted_date_start=&accepted_date_end=&number (дата обращения: 19.08.2021).

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804; e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

SOME ASPECTS OF PROTECTING THE PENSION RIGHTS OF CITIZENS

A.V. Aftakhova

Tver State University

The article discusses some types of disputes arising from pension legal relations, provides their classification. Considered are the reasons that complicate the implementation of citizens' rights to judicial protection of pension rights.

Keywords: *pensioner, the Pension Fund of the Russian Federation, judicial protection, participants in the civil process, pension dispute, pension, litigation.*

About author:

AFTAKHOVA Aleksandra – Docent, PhD, Assistant Professor of the Department of environmental law and legal support of professional activity of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 5140-5804; e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru

Афтахова А.В. Некоторые аспекты защиты пенсионных прав граждан // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 94–100.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

А.Б. Вобликов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются актуальные проблемы правовых ограничений внешней торговли. Анализируются нормы законодательства, правоприменительная практика обеспечения правовых ограничений внешней торговли.

Ключевые слова: *правовые ограничения внешней торговли, запреты и ограничения внешней торговли, нетарифное регулирование, обеспечение таможенными органами соблюдения запретов и ограничений внешней торговли.*

26 июля 2021 г. Европейский Союз направил запрос во Всемирную торговую организацию (ВТО) о консультациях с Россией в рамках ВТО в связи с ограничениями поставок европейскими компаниями товаров государственным компаниям Российской Федерации, несовместимых, по мнению заявителя, с правилами Всемирной торговой организации. Запрос на консультации является первым этапом решения спора в рамках Всемирной торговой организации [4].

Участие в ВТО приносит России весьма значительный положительный экономический эффект в размере 6% внутреннего валового продукта (ВВП), который составил в 2012 г. (год вступления России в ВТО) 68 трлн. рублей, а в 2020 г. – 107 трлн. рублей. При этом ежегодный взнос России в бюджет ВТО составил 290 млн. рублей [5]. Следует учитывать также такой немаловажный фактор, как возможность применения совершенно любого количества торговых ограничений к стране не входящей в ВТО. Изложенное свидетельствует о необходимости анализа некоторых аспектов правового регулирования запретов, ограничений, мер нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности и направлений совершенствования их правового обеспечения.

Нормами Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [1] и Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [2] на таможенные органы Российской Федерации возложена обязанность обеспечения соблюдения запретов и ограничений во внешней торговле. При перемещении товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) и государственную границу Российской Федерации, а также при помещении товаров под таможенные процедуры и совершении в

отношении товаров таможенных операций необходимо соблюдение запретов и ограничений, мер нетарифного регулирования, в том числе вводимых в одностороннем порядке [1]. Затрудняющие свободную торговлю между государствами меры нетарифного регулирования многочисленны (более 800), активно применяются всеми государствами.

Таможенные органы обеспечивают государственный контроль перемещения специфических товаров, экспортный контроль и государственный контроль в отношении товаров, которые запрещены к ввозу в связи со специальными экономическими мерами. Внешнеторговые запреты и ограничения регламентируются подзаконными нормативными правовыми актами, которыми утверждаются перечни товаров и страны происхождения товаров, в отношении которых действуют внешнеторговые запреты и ограничения.

К мерам нетарифного регулирования в Российской Федерации относятся, в частности, ограничения, вызванные участием государства во внешнеторговых операциях, которые обеспечивают импортозамещение, предпочтительное предоставление государственных заказов между отечественным производителям, а также локализацию производства, использование отечественных полуфабрикатов и узлов на определенных условиях. Основанием для введения ряда запретов и ограничений внешнеторговой деятельности, мер нетарифного регулирования является необходимость обеспечения национальной безопасности. Применение этих мер может служить поводом для международного правового анализа. Правительством Российской Федерации введены ограничения в сфере поставок товаров государственным компаниям Российской Федерации иностранными компаниями. Таким поставкам предшествуют заявки на торги, поданные в соответствии с законодательством. Оценка этих заявок производится с учетом вычета от 15 до 30% из предложенной цены на отечественные (российские) товары. Важно, что победившая по итогам торгов заявка российского поставщика подлежит полной оплате. Если же российская компания примет решение обеспечения государственной закупки машиностроительной продукцией за счет зарубежных поставок, то она должна получить специальное разрешение. Следует отметить, что государственные закупки по номенклатуре 250 товаров квотированы. 90% закупаемых для государственных компаний медицинских приборов, оборудования, текстильных изделий, автомобилей и иных товаров, указанных в утвержденном Правительством Российской Федерации перечне, должны быть произведены в России. Несмотря на то, что большинством стран осуществляется строгое и всестороннее регулирование государственных закупок, введение и применение указанных мер нетарифного регулирования Правительством Российской Федерации повлекли за собой запрос от 26 июля 2021 г. Европейского Союза в рамках ВТО о консультациях с Россией в связи с ограничениями поставок

европейскими компаниями товаров государственным компаниям Российской Федерации, несовместимых, по мнению заявителя, с правилами ВТО [4]. Данный запрос не приостанавливает действие мер нетарифного регулирования.

Эффективность деятельности таможенных органов по обеспечению соблюдения запретов и ограничений внешней торговли товарами обусловлена осуществлением различных видов государственного контроля (таможенного, экспортного, транспортного, санитарно-карантинного ветеринарного, фитосанитарного) до выпуска товаров под таможенную процедуру и применением таможенного контроля после выпуска товаров.

Направления совершенствования правового регулирования деятельности таможенных органов Российской Федерации по обеспечению соблюдения запретов и ограничений, применению мер нетарифного регулирования должно содержать разработку правовых положений, регламентирующих привлечение к функционирующему в настоящее время механизму «единого окна» производства всех таможенных операций в отношении товаров и транспортных средств международной перевозки, государственных органов Пограничной службы ФСБ России, Министерства внутренних дел России, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству. Как уже было отмечено, запреты и ограничения, меры нетарифного регулирования внешней торговли регламентируются подзаконными актами Правительства Российской Федерации. Подобного рода регламентация позволяет гибко, в сжатые сроки реагировать на возникающие в ходе развития внешнеторговых отношений с иностранными государствами и объединениями экономические, политические и правовые ситуации. Необходимо отметить, что взаимоотношения стран, входящих в ЕАЭС нуждаются в правовой корректировке, поскольку имеют место факты явного нарушения российских запретов и ограничений другими государствами Союза, осуществляется реимпорт запрещенных товаров.

Существенное значение при применении мер заградительного характера и пресечении ввоза и оборота товаров с нарушением законодательства имеет деятельность мобильных групп Федеральной таможенной службы России. Мобильные группы вправе останавливать грузовые автомобильные транспортные средства вне зон таможенного контроля и осуществлять таможенный досмотр с применением высокотехнологичного досмотрового оборудования. В 2020 г. мобильные группы выявили 5 600 транспортных средств, которые перемещали 77 тыс. т запрещенных к ввозу на территорию России товаров. В отношении лиц, незаконно перемещавших товары, возбуждено 1 291 дело об административных правонарушениях и 81

уголовное дело. Во время пандемии было выявлено 32 транспортных средства, перевозивших более 37 т запрещенных к вывозу товаров (медицинские изделия, маски, бахилы, перчатки, бинты, дезинфицирующие средства, противогазы, респираторы, защитные очки, защитные комбинезоны). В отношении перевозчиков возбуждено 29 дел об административных правонарушениях, связанных с незаконным вывозом медицинских изделий и отдельных видов товаров [3]. Для повышения результативности пресечения нарушений законодательства о соблюдении запретов и ограничений внешнеторговой деятельности необходима разработка нормативных правовых актов о совершенствовании деятельности мобильных групп, наделении их полномочиями по проверке транспортных средств международной перевозки на всей территории России.

Таможенные органы Российской Федерации выявляют нарушения законодательства о запретах и ограничениях и посредством осуществления оперативной работы. В первом полугодии 2021 г. возбуждено 445 уголовных дел о контрабанде стратегически важных товаров и ресурсов, 335 уголовных дел о контрабанде наркотических веществ и их прекурсоров. Эффективность оперативной работы обеспечивается взаимодействием с подразделениями Федеральной службы безопасности России и Министерства внутренних дел России. Нарушения норм о нетарифном регулировании внешней торговли товарами наиболее часто выявляются в ходе таможенного контроля после выпуска товаров, основной формой которого являются таможенные проверки. В первом полугодии 2021 г. при проведении 914 таможенных проверок были выявлены 5 тыс. административных правонарушений и 270 преступлений в сфере таможенного дела, конфискованы запрещенные к трансграничному перемещению товары стоимостью 489 млн. рублей [3].

Совершенствование деятельности таможенных органов по выявлению и пресечению нарушений правовых норм о запретах, ограничениях, нетарифном регулировании вызывает необходимость правового обеспечения прямого доступа Федеральной таможенной службы России к информационным системам правоохранительных и контрольных органов, связанным с перемещением физических лиц, товаров и транспортных средств через государственную границу Российской Федерации.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2021).
2. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.08.2021).

3. Ведомственная статистическая отчетность ФТС РФ // Официальный сайт ФТС РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravooxranitel-naya-deyatel-nost-/informacziya-upravleniya-tamozhennykh-rassledovaniy-i-doznaniya/document/254829> (дата обращения: 06.08.2021).

4. Евросоюз запросил в ВТО консультации с Россией по ограничениям на поставки // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210726/vto-1742982300.html> (дата обращения: 30.07.2021).

5. Чем грозят России претензии Евросоюза // RG.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/07/20/chem-groziat-rossii-pretenzii-evrosoiuz.html> (дата обращения: 30.07.2021).

Об авторе:

ВОБЛИКОВ Андрей Борисович – кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь ул. Желябова, 33); SPIN-код: 7021-8090; e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

PROVIDING CUSTOMS AUTHORITIES OF LEGAL PROHIBITIONS AND RESTRICTIONS OF FOREIGN TRADE

A.B. Voblikov

Tver State University

The current problems of legal restrictions on foreign trade are considered. The norms of legislation, the law enforcement practice of ensuring legal restrictions of foreign trade are analyzed.

Keywords: *legal restrictions on foreign trade, prohibitions and restrictions on foreign trade, non-tariff regulation, ensuring customs authorities to comply with prohibitions and foreign trade restrictions.*

About author:

VOBLIKOV Andrey – candidate of philosophy, associate Professor, Department of constitutional, administrative and customs law, Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100); SPIN-code: 7021-8090; e-mail: jurfaktver_nauka@mail.ru

Вобликов А.Б. Обеспечение таможенными органами правовых запретов и ограничений внешней торговли // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 101–105.

**ОТСУТСТВИЕ УМЫСЛА НА ПОЛУЧЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ
СРЕДСТВ ПРИ ОШИБОЧНОМ ПОЛУЧЕНИИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИМ ИМУЩЕСТВЕННОГО НАЛОГОВОГО
ВЫЧЕТА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ
ДЛЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ**

А.В. Гайдашов¹, П.А. Матвеев²

¹ ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

² Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
в г. Клину Московской области, г. Клин

В статье представлен детальный анализ судебной практики об осуждении военнослужащих, которые воспользовались специальными финансовыми механизмами по льготному обеспечению жилыми помещениями, и дополнительно обратились в налоговые органы за получением имущественного налогового вычета. Отмечается ошибочная трактовка судами и должностными лицами правоохранительных органов самого факта обращения и последующего принятия налоговыми органами решения о предоставлении данного вычета в результате неосмотрительности или невнимательности сотрудников налоговых инспекций как мошенничество. При отсутствии в представленных документах и информации подделки или подлога должно служить достаточным основанием для прекращения уголовного преследования.

Ключевые слова: *мошенничество, военнослужащие, имущественный налоговый вычет, должная осмотрительность, Конституционный Суд РФ.*

Федеральный законодатель предусмотрел для лиц, осуществляющих трудовую деятельность и уплачивающих налог на доходы физических лиц (подходный налог) ряд льгот, а также возможность частичного возврата денежных средств в случае приобретения гражданами по возмездным сделкам объектов недвижимости – земельных участков, квартир, домов или долей в праве собственности на указанное имущество с особенностями, установленными ст. 220 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [1].

Таким образом в отечественном законодательстве нашли свое отражение конституционные принципы социального государства в виде помощи отдельным категориям граждан посредством частичного возврата уплаченного подходного налога, частично решается вопрос с улучшением жилищных условий и активным оборотом недвижимости.

В тоже время, целому ряду граждан, проходящим службу в правоохранительных органах либо службу по контракту в Вооруженных силах Российской Федерации, предоставляются жилые помещения

бесплатно либо внедрены иные механизмы улучшения их жилищных условий – посредством участия в льготной ипотеке.

Накопительно-ипотечная система обеспечения военнослужащих жильем (НИС), запущенная в 2005 г., объединила в себе разнообразные финансовые инструменты и механизмы для приобретения жилья. Как отмечают исследователи, «В основе системы заложен механизм накопления средств, их инвестирования с целью сохранения от инфляции и получения дополнительного дохода, который также используется военнослужащим» [10, с. 56].

Таким образом, для военнослужащих предусмотрен специальный механизм улучшения их жилищных условий с предоставлением бюджетных средств на приобретение жилых помещений (квартир).

Вместе с тем, ряд военнослужащих, не учитывая указанные выше факты, обращались в налоговые органы с целью получения имущественного налогового вычета при приобретении квартир, которые фактически уже были оплачены из средств федерального бюджета посредством выдачи сертификата и перевода средств безналичным путем продавцу жилого помещения.

Удивительным в данной ситуации является не факт обращения военнослужащего с пакетом документов в налоговый орган для получения имущественного налогового вычета, а многочисленные случаи положительного рассмотрения заявлений военнослужащих (физических лиц, уплачивающих подоходный налог) с частичным возвратом им налога на доходы физических лиц по ст. 220 НК РФ. Соответственно, при повторной проверке заявления о предоставлении имущественного вычета и прилагаемых к нему документов, такому физическому лицу направлялось требование о возврате денежных средств как незаконно полученных. Кроме того, считая, что в действиях гражданина имелся умысел на незаконное получение денежных средств из федерального бюджета, должные лица направляли обращения и материалы камеральных (а, возможно и служебных проверок) в правоохранительные органы для привлечения данных лиц к ответственности по факту мошенничества.

В вынесенных приговорах действия военнослужащих стандартно указывалось, что у физического лица, имевшего статус военнослужащего (либо бывшего военнослужащего) имелся единый умысел на незаконное получение денежных средств посредством использования имущественного налогового вычета при приобретении квартиры. По мнению государственных обвинителей и постановлявших обвинительные приговоры судей, военнослужащие достоверно знали, что претендовать на дополнительные денежные выплаты со стороны государства не имели права, поскольку уже воспользовались специальной льготной ипотекой за счет федерального бюджета [8].

При этом отвергались доводы защитников и самих обвиняемых о том, что обязанность проверить налоговую декларацию и приложенные к заявлению о предоставлении имущественного налогового вычета документы – обязанность должностных лиц налогового органа. Федеральная налоговая служба и её территориальные органы как органы государственной власти наделены полномочиями по направлению запросов в рамках налогового контроля и могли самостоятельно выяснить источник происхождения денежных средств, потраченных на приобретение квартиры. Кроме того, никто из военнослужащих, обратившихся за получением имущественного налогового вычета, не входил в сговор с должностными лицами налоговой инспекции, не представлял заведомо ложных документов, не сообщал недостоверных сведений о себе, об объекте недвижимости или совершенной сделке.

Считая, что в действиях лица, незаконно получившего имущественный налоговый вычет имеется состав преступления по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], суды постановляли обвинительный приговор. В качестве примера можно сослаться на уголовное дело в отношении С.В. Аникина, проходившего военную службу с 1 августа 1990 г. по 27 июля 2018 г., осужденного по приговору 35 гарнизонного военного суда от 30 августа 2019 г. по ч. 3 ст. 159 УК РФ к штрафу в размере 130 000 рублей [9].

Приговор указанного суда был последовательно обжалован адвокатом С.В. Аникина в апелляционном и кассационном порядке. Однако, соответствующие судебные инстанции (Тихоокеанский флотский военный суд и Кассационный военный суд) оставили приговор без изменения, а соответствующие жалобы – без удовлетворения [6, 7].

И только во второй кассационной инстанции – в Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации – удалось отменить незаконные судебные постановления и вернуть дело для нового рассмотрения в суд первой инстанции. 4 июня 2021 г. суд первой инстанции вынес постановление о прекращении уголовного дела в связи с отказом обвинителя от обвинения, поскольку в деянии С.В. Аникина отсутствовал состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 159 УК РФ [5].

Важно отметить, что сложившаяся судебная практика, трактующая факт получения военнослужащими имущественного налогового вычета при отсутствии к тому законных оснований, как оконченное преступление, предусмотрено ст. 159 УК РФ, была дважды предметом рассмотрения к Конституционному Суде Российской Федерации (далее – КС РФ).

Так, в постановлении от 22 июля 2020 г. № 38-П КС РФ [4], что сам по себе факт обращения налогоплательщика (в данном случае – военнослужащего) с обращением и документами не может расцениваться как элемент состава преступления, ведь в данном случае у налогового

органа возникает обязанность, предусмотренная НК РФ полно и всесторонне изучить представленные документы и только при наличии соответствующих оснований удовлетворить просьбу заявителя о предоставлении ему имущественного налогового вычета с перечислением денежных средств на счет налогоплательщика. Соответственно, неполная проверка документов, упущения в работе должностных лиц налогового органа не может ставиться в вину налогоплательщику. В указанном постановлении КС РФ фактически предписывается сотрудникам налогового органа осуществлять мероприятия в рамках налогового контроля с необходимым вниманием и осмотрительностью. Устранить же нарушение законности возможно вышестоящим налоговым органом при осуществлении текущего контроля.

В этой связи налогоплательщику налоговый орган был обязан направить письменное требование о возврате незаконно полученных денежных средств, а при его отказе или частичном возврате денежных средств в федеральный бюджет – обратиться в рамках предоставленных полномочий в суд для взыскания неосновательного обогащения. КС РФ подчеркнул, что привлечение в подобных ситуациях лица к уголовной ответственности за невиновные действия нарушает принципы законности, вины и справедливости.

Второе постановление – от 4 марта 2021 г. № 5-П [3] – КС РФ принял в связи с обращением В.В. Калугарова, осужденного приговором Волгоградского гарнизонного военного суда от 16 октября 2018 г. по ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Вновь высшая судебная инстанция была вынуждена обратить внимание судов общей юрисдикции, сотрудников правоохранительных органов о недопустимости привлечения к уголовной ответственности лица, который не должен знать все тонкости налогового законодательства, заблуждавшегося о возможности получения им имущественного налогового вычета; не подлежит возбуждению уголовное дело, а возбужденное уголовное дело должно быть прекращено, если в документах и информации налогоплательщика не содержатся подчистки, приписки или другие признаки подделки или подлога. Сам факт ошибочного предоставления военнослужащему, уже воспользовавшегося специальным финансовым механизмом от государства для приобретения жилого помещения, дополнительных денежных средств из бюджета в рамках имущественного налогового вычета, не свидетельствует об умысле на совершение преступления (мошенничества).

Можно говорить в данном случае о некомпетентности или неосмотрительности сотрудников налоговых органов, допустивших ошибку, не перепроверивших сведения и документы, предоставленные налогоплательщиком.

С учетом вынесенных КС РФ постановлений, считаем необходимым включить в постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснение о недопустимости привлечения к уголовной ответственности лиц, в том числе военнослужащих, обратившихся в налоговый орган за получением имущественного налогового вычета, но который был им предоставлен ошибочно и в дальнейшем данное решение налогового органа в административном или судебном порядке было отменено. В данном случае на налогоплательщика возлагается обязанность возратить незаконно полученные денежные средства в добровольном порядке, а в случае несогласия – по соответствующему решению суда.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.) // РГ. 1998. № 148-149. 6 авг.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 22.07.2020 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13.04.2021 г. по делу № 211-УД2-1-К10 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Кассационное определение Кассационного военного суда от 19.06.2020 г. по делу № 1-35/2019 // СПС «КонсультантПлюс»
7. Апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 17.10.2019 г. по делу № 1-35/2019 // СПС «КонсультантПлюс»
8. Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского окружного военного суда от 30.11.2017 г. по делу № 22-163/2017 // СПС «КонсультантПлюс»
9. Приговор 35 гарнизонного военного суда от 30.08.2019 г. по делу № 1-35/2019 // СПС «КонсультантПлюс»
10. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Викторov В.Ю. [и др.] Многообразие аспектов социальной политики. Тверь: Тверской гос.университет, 2017. 184 с.

Об авторах:

ГАЙДАШОВ Александр Васильевич – доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код автора: 8568- 1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

МАТВЕЕВ Павел Александрович – старший преподаватель Филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Клину Московской области (141607, Московская обл., г. Клин, Волоколамское шоссе, д. 20/1), SPIN-код автора: 7215-8943, e-mail: matveev.ur@mail.ru

**ABSENCE OF INTENT TO RECEIVE BUDGET FUNDS IN CASE
OF ERRONEOUS RECEIPT OF A PROPERTY TAX DEDUCTION
BY A SERVICEMAN AS AN INDEPENDENT BASIS
FOR TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION**

A.V. Gaidashov¹, P.A. Matveev²

¹ Tver State University

² Branch of the Russian State Social University in Klin

The article presents a detailed analysis of judicial practice on the conviction of military personnel who used special financial mechanisms for preferential provision of residential premises, and additionally applied to the tax authorities for obtaining a property tax deduction. There is an erroneous interpretation by the courts and law enforcement officials of the very fact of applying and the subsequent decision by the tax authorities to grant this deduction as a result of the carelessness or inattention of tax inspection employees as fraud. If there is no forgery or forgery in the submitted documents and information, it should serve as a sufficient reason for the termination of criminal prosecution.

Keywords: *fraud, military personnel, property tax deduction, due diligence, the Constitutional Court of the Russian Federation.*

About authors:

GAIDASHOV Alexander – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tver State University (33 Zhelyabova str., Tver, 170100), SPIN-code: 8568-1770, e-mail: alex.gav63@yandex.ru

MATVEEV Pavel – senior lecturer, Branch of the Russian State Social University in Klin (20/1, Volokolamsk highway, Klin), SPIN-code: 7215-8943, e-mail: matveev.ur@mail.ru

Гайдашов А.В., Матвеев П.А. Отсутствие умысла на получение бюджетных средств при ошибочном получении военнослужащим имущественного налогового вычета как самостоятельное основание для прекращения уголовного преследования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 106–111.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Ю.А. Дронова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются актуальные вопросы квалификации и расследования ятрогенных преступлений на основе материалов судебной практики, а также обозначена проблема отсутствия единообразного подхода к уголовно-правовой оценке случаев фальсификации вакцинации от коронавируса, совершенной медицинскими работниками.

Ключевые слова: *ятрогенные преступления, медицинский работник, неблагоприятные исходы в медицинской практике, квалификация преступлений, фальсификация вакцинации.*

В современный период применительно к сфере медицинской деятельности вопросы уголовной ответственности актуализируются в двух основных направлениях. Первое из них – это так называемые ятрогенные преступления. Происхождение термина «ятрогения» имеет в медицинской науке и практике интересную историю. Изначально термин «ятрогения» был введен немецким психиатром Освальдом Бумке в работе «Врач как причина душевных расстройств» [7].

Впоследствии термин «ятрогения» стали использовать и применительно к описанию неблагоприятных исходов медицинского вмешательства в других отраслях медицинской практики. «В настоящее время термин используется расширенно и согласно МКБ-10 ятрогения понимается как любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнения медицинских мероприятий, развившиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий врачей» [11].

Соответственно и термин «ятрогенные преступления» распространяют на все случаи неблагоприятных исходов в медицинской практике, которые связаны с ухудшением состояния здоровья пациента или наступлением его смерти по вине и в результате действий медицинского работника, содержащие признаки соответствующих составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ).

К концу 2018 г. вопросы квалификации и расследования ятрогенных преступлений, очевидно, приобрели столь злободневный характер, что Председатель следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) Александр Бастрыкин подписал приказ об изменении штата центрального аппарата ведомств, согласно которому «в управлениях СК РФ создавались специальные отделы по расследованию ятрогенных преступлений» [13]. «Причинами их появления в СК назвали большое число жалоб на врачебные ошибки и случаи некачественного оказания медицинской помощи» [14].

Создание специальных подразделений вызвало неоднозначную реакцию у специалистов. В СК даже поступало обращение по вопросу об упразднении этих отделов от представителей медицинского сообщества, которые выражали озабоченность возможным усилением репрессивной составляющей в деятельности СК РФ в отношении врачей. Отвечая на это обращение, заместитель председателя СК РФ И.В. Краснов в Письме от 26 июня 2019 г. № 224-8-19, в частности, отмечал «несмотря на известную распространенность резонансных случаев неисполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками, следователи ориентированы на обеспечение взвешенного подхода к оценке полученных доказательств и предъявление обвинения исключительно при установлении прямой причинно-следственной связи между врачебным браком и тяжкими негативными последствиями. Уголовное преследование в подавляющем большинстве случаев ведется без применения мер процессуального принуждения в отношении медицинских работников, во всяком случае, без ограничения их свободы» [2].

Позднее к этой теме обращался и Председатель СК РФ в одном из интервью: «для объективного разбирательства мы как раз и возбуждаем уголовные дела, в рамках которых тщательно проверяем следственным путем доводы потерпевших, скрупулезно выясняем все обстоятельства, чтобы сделать правильный вывод о виновности или невиновности медицинского персонала. И как показывает статистика, действительно, в большинстве случаев по таким происшествиям вины медицинских работников нет. ... из оконченных производством уголовных дел в суд направляется лишь их шестая часть, остальные обоснованно прекращаются из-за установления некриминального характера врачебной ошибки» [5].

Проблемы, связанные с расследованием ятрогенных преступлений, традиционно отмечаемые в специальной литературе – это сложности в установлении причинно-следственной связи между действиями (бездействием) медицинского работника и неблагоприятным исходом, а также, вытекающая отчасти из первой проблема значения заключения судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ) как основного вида доказательства по данной категории дел [12].

Правоприменительная практика не отличается единообразием подходов к вопросам квалификации ятрогенных преступлений. Основные применяемые нормы УК РФ в этих случаях – это ч. 2 ст. 109 «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей», ч. 2 ст. 118 УК РФ «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» и ст. 124 УК РФ «Неоказание помощи больному».

Одна из проблем квалификации заключается в отсутствии у правоприменителя четких критериев для разграничения первых двух составов, с одной стороны, и состава неоказания помощи больному, с другой стороны. Можно встретить приговоры, в которых при практически аналогичных обстоятельствах деяние квалифицируется в одном случае как причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, а в другом, как неоказание помощи больному. В данном аспекте ограничимся лишь постановкой проблемы в силу невозможности в рамках одной статьи осветить все или даже хотя бы значительную часть проблем, связанных с квалификацией ятрогенных преступлений.

В целях анализа еще нескольких проблем рассмотрим характерный пример из судебной практики.

Так, Третий кассационный суд общей юрисдикции оставил в силе ранее состоявшиеся судебные решения в отношении врача в части квалификации его действий по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Судом первой инстанции «Клеймюк В.В. признан виновным и осуждён за причинение смерти В.С. по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи. Апелляционным постановлением Санкт-Петербургского городского суда приговор изменён, Клеймюк В.В. освобождён на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ от наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования. В остальном приговор оставлен без изменения... При установлении фактических обстоятельств суд, верно исходил из того, что Клеймюк В.В. ненадлежащим образом исполнил свои профессиональные обязанности врача-хирурга, в частности, при обращении к нему В.С. с жалобами на острые боли в правом плечевом суставе ... провёл паравертебральную блокаду..., допустив при этом дефекты медицинской помощи, заключающиеся в следующем:

- введению лидокаина в одном шприце с дипроспаном (бетаметазоном) не предшествовали аспирационные пробы, служащие профилактикой случайного введения препаратов, в частности, анестетика «лидокаин» в кровеносный сосуд;

- в результате попадания анестетика «лидокаин» в кровеносный сосуд (кровоток) у В.С. произошло быстрое нарастание данного анестетика в крови до уровня летального, ... и 5 марта 2018 года в помещении процедурного кабинета наступила её смерть» [4].

Данное уголовное дело иллюстративно по ряду причин. Во-первых, как отмечают в специальной литературе летальные исходы от анестетиков – одна из лидирующих причин неблагоприятных исходов в медицине. Но если речь идет об анафилактическом шоке на их введение, то вина медицинского работника скорее всего не будет установлена: «...считается, что анафилактические реакции непредсказуемы, особенно если все правила были соблюдены и у пациента спросили, нет ли у него непереносимости на лекарственные препараты» [9].

Однако в этом конкретном уголовном деле речь не шла об аллергической реакции пациентки на введение лидокаина, хотя адвокат и пытался настаивать на данной версии произошедшего: «адвокат ссылается на показания специалиста Щ.А. указавшего на то, что клиническая картина состояния В.С. не характерна для системной токсической реакции, а схожа с анафилактическим шоком» [4].

Второй значимый момент в данном деле – это то, что сторона защиты оспаривала ряд выводов, содержащихся в заключении СМЭ. Исследователи ятрогенной проблематики часто упоминают о корпоративной солидарности судебно-медицинских экспертов и врачей, обвиняемых в совершении ятрогенных преступлений. Но здесь адвокат, напротив, оспаривал компетентность экспертов: «По мнению автора жалобы, выводы экспертов необъективны, сделаны с выходящей за пределы их полномочий оценкой действий Клеймюка В.В, без учёта его показаний ... Ссылаясь на нормативные правовые акты в области здравоохранения, автор жалобы утверждает о существенном нарушении уголовно-процессуального закона, допущенного при формировании комиссии врачей-экспертов, свидетельствующем о том, что в ней отсутствовали лица, обладающие надлежащей квалификацией, что, в свою очередь, указывает на недопустимость проведённого экспертного исследования» [4].

Таким образом, очевидно, огульные обвинения судебно-медицинских экспертов в том, что их заключения по делам о ятрогенных преступлениях всегда так или иначе в пользу обвиняемых медицинских работников, не являются в достаточной степени обоснованными. В судебно-следственной практике можно найти достаточное количество примеров уголовных дел, когда эксперты приходят к выводу о наличии причинно-следственной связи между действиями (бездействием) медицинского персонала и наступившим неблагоприятным исходом, и эти выводы носят даже не вероятностный, а категорический характер.

И еще один значимый аспект, который можно отметить по материалам данного уголовного дела, заключается в том, что адвокат

ссылаясь на отсутствие установленных правил осуществления выполненного его подзащитным вида медицинского вмешательства: «Автор жалобы утверждает, что в действиях Клеймюка В.В. отсутствовал состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, ввиду того, что не имеется правовой нормы (правил поведения), регламентирующей методику проведения паравертебральной блокады» [4].

Действительно, отсутствие нормативной регламентации многих видов медицинских вмешательств составляет отдельную проблему в делах о привлечении медицинских работников и организаций к различным видам юридической ответственности. Однако, как показывает этот и многие другие примеры, само по себе данное обстоятельство не исключает противоправности и вины в действиях медиков.

Завершая обзор в данной статье вопросов, связанных с уголовной ответственностью за ятрогенные преступления, представляется значимым отметить то обстоятельство, что в связи с пандемией COVID-19 и, в целом, в условиях постоянно возникающих новых вирусных и бактериальных инфекций и, соответственно, появления вакцин от этих инфекций, проблематика ятрогений и их уголовно-правовой оценки, к сожалению, будет актуализироваться еще в большей степени.

В связи с этими же причинами актуализировалось в последние несколько месяцев и второе из обозначенных в начале статьи направлений реализации уголовной ответственности за преступления в сфере медицинской деятельности. Речь идет о фальсификации медицинскими работниками фактов вакцинации от коронавируса и медотводов от вакцинации. Данное направление пока представляется возможным охарактеризовать лишь с точки зрения очевидно обнаружившейся дифференциации походов органов предварительного расследования к вопросам квалификации подобных деяний в соответствии с нормами УК РФ. Анализ сообщений в СМИ, в том числе, на официальных ведомственных сайтах региональных управлений Министерства внутренних дел РФ и Следственного комитета РФ позволяет констатировать что факты фальсификации прививок от коронавируса в одних регионах квалифицируются по ст. 237 УК РФ как «искажение информации о событиях, фактах или явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды, совершенные лицом, обязанным обеспечивать население и органы, уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности, указанной информацией» [1, 8].

В других субъектах Российской Федерации подобные деяния квалифицируются по ст. 292 УК РФ как «служебный подлог, то есть внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в

официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности» [1, 6].

Есть также сообщения о квалификации таких деяний по ст. 327 УК РФ как «подделки официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, в целях его использования или сбыт такого документа» [1, 10].

Сам по себе факт столь существенных расхождений в вопросе квалификации практически аналогичных деяний не может не вызывать критики. По крайней мере, необходимо унифицировать подходы, во избежание неоправданной дифференциации уголовной ответственности и наказания для лиц, совершивших одинаковые по своей сути общественно опасные деяния. Кроме того, очевидно, что по мере появления приговоров в отношении медицинских работников, совершивших такие деяния, проблематика дополнится вопросами, связанными с их квалификацией по совокупности с другими преступлениями, предусмотренными УК РФ (в частности, получение взятки, мелкое взяточничество).

В заключение можно отметить, что изложенное не исчерпывает и половины проблемных аспектов, связанных с вопросами уголовной ответственности за преступления в сфере медицинской деятельности. Так, относительно недавно Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию по одному из значимых вопросов в этой сфере, а именно, «условия и порядок доступа к медицинской документации умершего пациента его супруга (супруги), близких родственников (членов семьи) и (или) иных лиц, указанных в его информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство» [3].

Значение медицинской документации как источника доказательств в делах о ятрогенных преступлениях сложно переоценить, поэтому указанное решение органа конституционной юстиции представляется чрезвычайно важным.

Целый ряд сложных моментов может быть выделен и относительно квалификации иных преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности – должностных (получение взятки, халатность и другие), незаконного проведения искусственного прерывания беременности, незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, незаконной выдачи либо подделки рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ, и многих других составов. Однако, в рамках одной научной статьи даже обозначить всю актуальную проблематику в этой сфере не представляется возможным, поэтому были затронуты лишь некоторые ее аспекты.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Письмо СК России от 26.06.2019 г. № 224-8-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://ppt.ru/docs/pismo/sk/n-224-8-19-232174>
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.01.2020 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности частей 2 и 3 статьи 13, пункта 5 части 5 статьи 19 и части 1 статьи 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Р.Д. Свечниковой» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кассационное определение СК по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 ноября 2020 г. по делу № 7У-8010/2020[77-1192/2020] // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/317274014/paragraph/1:0> (Ссылка активна на 21.09.2021)
5. Баstryкин: В большинстве дел о врачебных ошибках вины медработников нет [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/01/14/bastrykin-v-bolshinstve-del-o-vrachebnyh-oshibkah-viny-medrabotnikov-net.html>
6. Вакцинация оказалась служебным подлогом. В КЧР раскрыта афера с участием медицинских работников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4926301>
7. Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F>
8. Врачей уличили в предательстве. В Ульяновской области возбуждено уголовное дело по факту фальсификации справок о вакцинации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4910627>
9. Девятковская С.В. Ятрогенные преступления: актуальные вопросы квалификации противоправных деяний // Философия права. 2020. № 4 (95) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-prestupleniya-aktualnye-voprosy-kvalifikatsii-protivopravnyh-deyaniy>
10. Дело о фальсификации прививок от ковида завели на красноярскую медсестру [Электронный ресурс]. URL: <https://tayga.info/169172>
11. Лысенко В. М., Лысенко О. В., Зарецкий М. М., Черников Е. Э. К вопросу о ятрогенных заболеваниях // Научный вестник Национального медицинского университета им. Богомольца, 2009. С. 164–169 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-povrezhdeniya-proksimalnyh-otdelov-magistralnyh-ven-v-hirurgii-varikoznoy-bolezni>
12. Матвиенко Л.О. В чем виноват врач? Проблемы выявления причинно-следственных связей в уголовных делах медиков [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vshouz.ru/journal/2020-god/v-chem-vinovat-vrach-problemy-vyyavleniya-prichinno-sledstvennykh-svyazey-v-ugolovnykh-delakh-mediko/>
13. Минздрав предупреждает: в СКР появятся отделы по врачебным ошибкам [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/11/2018/5bffa0419a79470a75dba1be>

14. СК начал самостоятельно проводить экспертизы по делам о врачебных ошибках [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6308890>

Об авторе:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

**CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE
OF MEDICAL ACTIVITIES: TOPICAL ISSUES OF DEVELOPMENT
OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE**

Yu.A. Dronova

Tver State University

The article discusses topical issues of qualification and investigation of iatrogenic crimes based on materials of judicial practice, and also outlines the problem of the lack of a uniform approach to the criminal legal assessment of cases of falsification of vaccination against coronavirus committed by medical workers.

Keywords: *iatrogenic crimes, health worker, adverse outcomes in medical practice, qualification of crimes, falsification of vaccinations.*

About author:

DRONOVA Julia – PhD, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

Дронова Ю.А. Уголовная ответственность за преступления в сфере медицинской деятельности: актуальные вопросы развития законодательства и правоприменительной практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 112–119.

Вопросы истории государства и права

УДК 34 : 378

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.3.120

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ-ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (ФЕВРАЛЬ–ОКТАБРЬ 1917 Г.)

С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются вопросы правопреемства образовательных организаций Твери в период существования Российской республики (1917 г.) в контексте их места в истории Тверского государственного университета.

Ключевые слова: *Тверской государственный университет, история, законодательство, правопреемство, правовой статус, учительская семинария П.П. Максимовича, Педагогические курсы, Тверской учительский институт, земство.*

Рассматриваемый в данной статье краткий период в организационно-правом развитии Тверского государственного университета (в лице организаций-предшественников) соответствует периоду существования Российской республики, возникшей в ходе революционных событий февраля 1917 г.

Несмотря на кратковременность данного исторического периода, он отмечен многочисленными преобразованиями, затронувшими, в т.ч. и сферу образования. Система образования России претерпела существенные изменения. Весной этого года в Российской республике началась планомерная работа по реформированию системы народного образования. Общие направления реформы заключались в реорганизации образовательной инфраструктуры, в увеличении самостоятельности учебных заведений, в расширении доступа к образованию различных категорий населения, в повышении роли образования как социального лифта. В стране появились новые образовательные организации, а ряд существующих изменили свой организационно-правовой статус.

Все эти изменения напрямую затронули Тверскую губернию и ее сеть образовательных учреждений.

В ходе реформы системы образования России, предпринятой Временным правительством, полномочия органов управления учительских школ, как и органов управления других учебных заведений, расширились. В полной мере это относится и к Тверской женской учительской школе губернского земства имени П.П. Максимовича. Однако, как показали дальнейшие события, это изменение стало самым

незначительным в числе преобразований весны – осени 1917 г. применительно к Тверской губернии.

Перспективы развития организационно-правовой формы школы были определены курсом Временного правительства Российской республики на расширение сети учительских семинарий и на преобразование в семинарии учительских школ.

Ключевым правовым документом как в отношении модернизации правового статуса учительских семинарий, так и в отношении реорганизации их сети является постановление Временного правительства от 14 июня «Об изменении штата учительских семинарий» [2].

Постановление было принято на основании представления министра народного просвещения А.А. Мануйлова. Согласно постановлению, четко определялся правовой статус учительских семинарий как средних учебных заведений. В отношении состава воспитанников семинарии могли быть мужскими, женскими и смешанными. В плане организационной структуры семинарии по общему правилу должны были иметь двухклассные начальные училища для обеспечения «практических упражнений воспитанников».

Постановление предусматривало преобразование учительских школ России в учительские семинарии в 1917 – 1919 гг. Полномочиями по принятию решений о преобразовании школ в семинарии был наделен министр народного просвещения (п. 9 постановления) [2].

Учительские семинарии как тип учебного заведения возникли в 1870 г. Проект положения о семинариях был подготовлен на основе предложений великого педагога и писателя К.Д. Ушинского. Министерство народного просвещения Российской империи проводило курс по сосредоточению всех учительских семинарий в своем ведении. В итоге учительские семинарии стали полностью (или практически полностью) государственными средними педагогическими учебными заведениями, в отличие от учительских школ, имевших различных учредителей. При этом законодательство допускало определенное участие в деятельности семинарий органов местного самоуправления, общественных организаций.

В предшествующий исторический период, в первые полтора десятилетия XX в., сеть учительских семинарий развивалась в России относительно быстро. Можно сказать, что начало XX в. стало временем массовой организации семинарий. Их число увеличилось с 62 (в 1898 г.) до 180 (в 1916 г.) [6, с. 197]. Большинство учащихся семинарий учились бесплатно. Более того, некоторые из них получали государственные стипендии.

В уездных городах Тверской губернии Ржеве и Красном Холме учительские семинарии были открыты в 1915 г. [12].

В отношении Твери вопрос о создании учительской семинарии актуализировался в 1917 г.

Тверская женская учительская школа губернского земства имени П.П. Максимовича оказалась в числе первых учебных заведений такого типа в Российской республике, подлежавших преобразованию в учительские семинарии.

Учительская семинария в Твери создавалась в 1917 г. в ином формате по сравнению с дореволюционным периодом. Новизну формата определили нормативные акты Временного правительства, прежде всего указанное выше постановление от 14 июня 1917 г. Речь идет не только о упорядоченном статусе семинарии как среднего учебного заведения. Органы управления семинарии с самого начала имели более широкую компетенцию по сравнению с компетенцией учительских семинарий предшествующего времени. Так, согласно постановлению Временного правительства от 17 июня 1917 г. «Об отмене ограничений в деле выбора педагогическими советами книг, учебных руководств и пособий для учебных заведений и библиотек при них» отменялось обязательное согласование решений о выборе учебных пособий с высшим начальством [3].

Создание учительской семинарии в Твери проходило во взаимодействии органов государственной власти и органов земского самоуправления. Высказывавшееся ранее мнение о том, что преобразование учительской школы в учительскую семинарию произошло в июне 1917 г. требует пересмотра. Благодаря документу, предоставленному автору настоящей статьи работником Научной библиотеки Тверского государственного университета Т.А. Ильиной, мы можем определить хронологические рамки этого преобразования как август – октябрь 1917 г. Речь идет о письме Министерства народного просвещения в Тверскую губернскую земскую управу от 20 сентября 1917 г. № 5617 [4]. По сути своей этот документ представляет собой решение Министерства как высшего органа управления образованием страны об изменении статуса Тверской женской учительской школы губернского земства имени П.П. Максимовича и, в связи с этим, об изменении учредителя.

При преобразовании учительской школы за новым учебным заведением было сохранено имя П.П. Максимовича. Утвержденное название семинарии было следующим: «Учительская семинария имени П.П. Максимовича, учрежденная Тверским губернским земством». Собственно говоря, данное обстоятельство делает наглядной полную правовую и историческую преемственность учительской семинарии и учительской школы в Твери.

Понятно, что организационная работа по преобразованию школы в семинарию заняла определенное время и полноценное функционирование учебного заведения в качестве учительской

семинарии началось позднее. Тем не менее, мы можем констатировать, что первые нормативно-организационные меры по созданию учительской семинарии на базе учительской школы имени П.П. Максимовича были приняты в августе – октябре 1917 г.

В рассматриваемый период статус Педагогических курсов губернского земства в Твери был сохранен.

Наиболее существенным новшеством рассматриваемого исторического периода стала организация в Твери учительского института. Он стал третьим в городе учебным заведением педагогического профиля. Попытки создания института предпринимались ранее. Исследователи говорят об идее создания учительского института, принадлежавшей администратору и педагогу учительской школы Ф.Ф. Ольденбургу [8, с. 41].

Деятельность по открытию в Твери учительского института активизировалась именно в 1917 г. При этом организация института производилась на новой нормативно-правовой базе. Эта база формировалась на основе предложений работников и слушателей учительских институтов. В частности, речь идет о предложениях Всероссийского съезда слушателей учительских институтов, проходившего с 1 по 10 мая 1917 г. в Москве [7, с. 23].

Основным нормативным документом стало постановление Временного правительства от 14 июня «Об изменении штата учительских институтов» [2].

Согласно данному постановлению, в учительских институтах сохранялся трехлетний курс обучения. Помимо общего курса, вводился специальный курс обучения. Специальный курс определялся выбором воспитанников институтов с учетом их планируемого профиля преподавания и разделялся на словесно-исторический; физико-математический; естественно-исторический и географический.

Узаконивалась новая гендерная основа деятельности учительских институтов. Любой из них мог быть мужским, женским, смешанным [1].

С 5 по 11 августа в Петрограде прошел первый Всероссийский съезд представителей учительских институтов, который дополнил правительственные распоряжения своими предложениями [9, с. 169–171].

В одной из своих работ мы уже отмечали, что «задачу открытия в Твери учительского института решали как на «тверском уровне», так и на уровне России» [11, с. 115].

В Твери наиболее активно в этом направлении действовал директор народных училищ Тверской губернии Н.Д. Никольский. В итоге Министерство народного просвещения приняло решение об открытии института в Твери. При этом был одобрен вариант создания института не на базе школы Максимовича, не на базе постоянных педагогических курсов, а в качестве нового учреждения. Почему? Мы полагаем, что

«дело наверняка было не только в суровых военных условиях, не только в занятых под госпиталь многих помещениях школы. В конце концов, на имеющейся материальной, методической и кадровой базе школы Максимовича при любых условиях создавать образовательную организацию было бы легче, чем с чистого листа. По существу, возможны два ответа на вопрос «Почему так произошло?». Первый ответ: хотели создать институт на базе школы, но не получилось по определенным причинам. Второй ответ: серьезных намерений ликвидировать школу и создать на ее месте учительский институт не было вовсе, предполагалось формирование института как отдельной организации. Вначале разберем первый вариант ответа. Возможно, органы государственной власти в лице Министерства народного просвещения (министр – А.А. Мануйлов) и директора народных училищ Тверской губернии Н.Д. Никольского не договорились с органами земского самоуправления в лице Тверской губернской земской управы. Да и договориться было непросто: земство должно было отдать в государственную собственность авторитетное учреждение, в которое почти полвека вкладывались огромные земские средства; учреждение, эффективно работавшее в интересах подведомственных земству территорий и организаций. К тому же, наверное, «поджимало» приближение нового учебного года. Не исключено, что сыграл свою роль и субъективный фактор в виде взаимоотношений между Н.Д. Никольским и руководителями губернского земства... Но весьма вероятен второй вариант ответа. Возможно, что на тот момент руководители системы образования в Петрограде и Твери считали, что время объединять тверские образовательные учреждения в единое целое еще не пришло, что комплекс самостоятельных учреждений будет функционировать эффективнее. Ведь у каждого из образовательных учреждений был свой круг абитуриентов, свои задачи и свои технологии их решения» [11, с. 115–16].

Решение Министерства об открытии в Твери учительского института было оформлено в виде документа под названием «Предложения Министерства Народного Просвещения за № 3556 на имя Попечителя Московского учебного округа» от 17 июня 1917 г. Министр разрешал открыть в Твери «учительский институт с высшим начальным к нему училищем» [5, с. 60].

1 июля того же года Временное правительство выделило финансовые средства для функционирования института. Директором учительского института был назначен Н.Д. Никольский.

В октябре был сформирован преподавательский состав института. 20 октября 1917 г. в Тверском учительском институте начались учебные занятия. В результате к осени 1917 г. в Твери начало работу третье педагогическое учебное заведение. В плане организационно-правовой

формы учительский институт представлял собой государственное учреждение, подведомственное Министерству народного просвещения.

Таким образом, в течение февраля - октября 1917 г. в Твери функционировали три организации, являвшиеся в правовом и историческом аспектах этапами на пути развития Тверского государственного университета: Тверская учительская семинария имени П.П. Максимовича, Педагогические курсы губернского земства, Тверской учительский институт. По отношению друг к другу они обладали полной самостоятельностью.

Наибольшим потенциалом в отношении повышения своего статуса обладал институт. Просматривалась тенденция к наделению учительских институтов статусом высшего учебного заведения.

Список литературы

1. Постановление Временного правительства от 14 июня «Об изменении штата учительских институтов» // Журнал заседания Временного правительства № 107. 14 июня 1917 года // ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. II. Л. 204 – 210 об. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/33858#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 27.07.2021).
2. Постановление Временного правительства от 14 июня 1917 г. «Об изменении штата учительских семинарий» // Журнал заседания Временного правительства № 107. 14 июня 1917 года // ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. II. Л. 204 – 210 об. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/33858#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 27.07.2021).
3. Постановление Временного правительства от 17 июня 1917 г. «Об отмене ограничений в деле выбора педагогическими советами книг, учебных руководств и пособий для учебных заведений и библиотек при них» // Журналы заседаний Временного правительства. 2002. Т. 2. С. 275 – 276 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80431-zhurnalnoe-postanovlenie-vremennogo-pravitelstva-postanovlenie-ob-otmene-ogranicheniy-v-dele-vybora-pedagogicheskimi-sovetami-knig-uchebnyh-rukovodstv-i-posobiy-dlya-uchebnyh-zavedeniy-i-bibliotek-pri-nih-17-iyunya-1917-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 27.07.2021).
4. Письмо Министерства народного просвещения Российской республики в Тверскую губернскую земскую управу от 20 сентября 1917 г. № 5617 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/332763>
5. Предложения Министерства Народного Просвещения за № 3556 на имя Попечителя Московского учебного округа от 17 июня 1917 г. // История Тверского государственного университета в документах / под ред. С.Н. Смирнова, О.К. Ермишкиной. Тверь: Лилия Принт, 2006. 264 с.
6. Гуркина Н.К. Становление системы педагогического образования в дореволюционной России // Управленческое консультирование. 2012. № 2 (46). С. 193 – 202 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sistemy-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-dorevolutsionnoy-rossii/viewer> (дата обращения: 27.07.2021).

7. Игошев Б.М., Суворов М.В. Профессиональное педагогическое образование на Урале в 1912 – 1919 гг. // Педагогическое образование в России. 2011. № 3. С. 17 – 30.

8. Ильина Т.А. Школа Максимовича: исследования и материалы / науч. ред. М.В. Строганов, ред. О.В. Вершинина. Тверь: ТО «Книжный клуб», 2010. 184 с.

9. Кочурина С.А. Реформа учительских институтов Временного правительства (1917 г.) // Вестник ТГПУ. 2010. Выпуск 9 (99). С. 168 – 172 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/kochurina_s._a._168_172_9_99_2010.pdf (дата обращения: 27.07.2021).

10. Ржевское образование на рубеже XIX – XX веков // Ржевские новости. 2014. 9 января [Электронный ресурс]. URL: <http://rzhevnews.ru/?p=2904>

11. Смирнов С.Н. Создание Тверского учительского института в 1917 году: к вопросу о юридической характеристике этапа истории Тверского государственного университета // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 2. С. 110 – 121.

12. Энциклопедический справочник «Тверская область»: СРЕДНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ (ССУЗ) [Электронный ресурс]. URL: https://region.tverlib.ru/cgi-bin/fulltext_opac.cgi?show_article=1256 (дата обращения: 27.07.2021).

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: smirnov-sn@yandex.ru

ISSUES OF TVER STATE UNIVERSITY PRECURSOR ORGANISATIONS' LEGAL SUCCESSION (FEBRUARY - OCTOBER 1917)

S.N. Smirnov

Tver State University

The article considers the succession issues of Tver educational organizations during the existence of the Russian Republic (1917) in the context of their place in Tver State University's history.

Keywords: Tver State University, history, legislation, succession, legal status, teacher's seminary of P.P. Maksimovich, pedagogical courses, Tver Teachers' Institute, zemstvo.

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, email: smirnov-sn@yandex.ru

Смирнов С.Н. Вопросы правовой преемственности организаций-предшественников Тверского государственного университета (февраль – октябрь 1917 г.) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 120–126.

Проблемы организации учебного процесса

УДК 340.114

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.3.127

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

Н.Г. Яковлева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются особенности преподавания курса «Основы правовой культуры» с учетом новых образовательных стандартов и современных подходов к преподаванию юридических дисциплин. Рассматриваются также вопросы, связанные с методикой разработки заданий для их выполнения в малых группах, анализируется специфика командной работы.

***Ключевые слова:** образовательные стандарты, показатели освоения учебной дисциплины, индикаторы сформированности компетенций, работа в малых группах, командообразование.*

Новые образовательные стандарты и необходимость формирования соответствующих компетенций требуют от преподавателя переосмысления подхода к преподаванию и оцениванию индикаторов сформированности компетенций. С учетом того, что одними из важнейших показателей освоения учебной дисциплины «Основы правовой культуры» являются результаты обучения, выражающиеся в демонстрации способностей осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде (УК-3) [1], особое внимание необходимо уделять именно работе в группах. Задания, которые выполняют студенты, изучая указанный курс, связаны с необходимостью:

- определения студентом своей роли в социальном взаимодействии и командной работе, исходя из стратегии сотрудничества для достижения поставленной цели (УК-3.1);
- учета особенностей поведения и интересов других участников команды при реализации своей роли в социальном взаимодействии (УК-3.2);
- анализировать возможные последствия личных действий в социальном взаимодействии и командной работе, и строить продуктивное взаимодействие с учетом этого (УК-3.3);
- осуществлять обмен информацией, знаниями и опытом с членами команды; оценивать идеи других членов команды для достижения поставленной цели (УК-3.4).

© Яковлева Н.Г., 2021

Для того, чтобы образовательная программа была освоена студентами, в процессе проведения практических занятий необходимо максимально использовать различные интерактивные методики. Специфика формируемых компетенций предполагает, что особое внимание необходимо уделять разработке заданий для работы в малых группах.

С учетом того, что целью изучения курса «Основы правовой культуры» является формирование у студентов представления о правовом сознании и правовой культуре личности, о правовой идеологии и воспитании индивида в духе уважения к закону, соответствующие задания следует разрабатывать, основываясь на понимании того, что работа в команде будет способствовать достижению указанной цели.

Справедливо отмечено, что «работа в малых группах – это одна из самых популярных стратегий интерактивного обучения, неотъемлемая часть многих интерактивных методов, например, таких как дебаты, тренинг, творческие задания, общественные слушания, почти все виды игр и имитаций, судебный процесс и др. ... Занятия в малых группах позволяют студентам приобрести навыки сотрудничества и другие важные межличностные навыки. Кроме того, эти занятия помогают студентам научиться разрешать возникающие между ними разногласия» [2].

Еще одним несомненным, на наш взгляд, плюсом командной работы является то, что студенты первого курса (дисциплина «Основы правовой культуры» изучается именно на этом курсе) получают возможность, во-первых, ближе познакомиться друг с другом, выявить лидеров и креативно мыслящих обучающихся; во-вторых, соревновательный элемент, появляющийся в процессе выполнения заданий, способствует формированию здоровой конкуренции. Каждая группа хочет выступить ярко, интересно, предложить нестандартный подход к решению проблемы.

При разработке заданий для работы в малой группе необходимо учитывать, что они должны быть ориентированы именно на коллективную работу, т.е. предполагают распределение обязанностей, подготовку выступления от группы, совместное обсуждение и т.п.

В качестве примера одного из таких заданий можно привести следующее. Студентам предлагается разделить на 2 или 3 подгруппы (по желанию и исходя из количества обучающихся в группе) и нарисовать условный «портрет» современного юриста, наделив его теми качествами, которыми, по мнению первокурсников, он должен обладать. Раздав студентам маркеры и большие листы бумаги, преподаватель предлагает такой «портрет» нарисовать, а затем каждая подгруппа объяснит, почему они изобразили именно такого юриста. Как правило, выполнение такого задания способствует развитию креативного мышления, формированию навыков работы в команде, демонстрирует и

уважение студентов к представителям юридической профессии, и чувство юмора, потому что такие «портреты» выглядят порой довольно забавно. Выступления каждой из подгрупп сопровождаются комментариями о том, почему они изобразили именно такой «портрет» – речь может идти и о символах, заложенных во внешности (например, изображены большие уши – юрист должен уметь очень внимательно слушать, чтобы понять проблему и оказать квалифицированную юридическую помощь), и о том, что может быть в руках у юриста – часто студенты изображают кодексы и т.п. – символ того, что правовед всегда должен помнить о законе и неуклонно соблюдать его.

Выполнение задания в малых группах (на примере вышеизложенного) помогает преподавателю и для себя решить ряд важных вопросов. Так, практически сразу становится понятно, кто из студентов обладает лидерскими качествами, «ведет» за собой группу, кто умеет находить необходимую информацию, анализировать ее и оптимально использовать, кто может быстро что-либо нарисовать и написать, так как время для выполнения задания, как правило, ограничено. Такие наблюдения, думается, весьма полезны для преподавателя. Это позволяет лучше понять студентов, обратить внимание на тех, кто «отсиживается» и пытаться привлечь их к работе. При этом можно использовать и соответствующее стимулирование студентов. Например, наиболее активным ставить на 1 – 2 балла больше, чем остальным участникам группы. В условиях рейтинговой системы это, безусловно, способствует заинтересованности студентов в выполнении задания.

Кроме того, командная работа формирует способность управлять своим временем при выполнении конкретных задач и реализации проектов, что в современных условиях особенно актуально для профессионального развития будущих специалистов.

Командная работа, на наш взгляд, позволяет заложить в будущих юристах основы умения осуществлять взаимодействие, основанное на соблюдении этических требований и норм, что особенно важно, так как будущая профессия предполагает общение с людьми, работу в условиях своего рода «соперничества», конфликтности, состязательности «противоборствующих» сторон.

Список литературы

1. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 13 августа 2020 г. № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» (с изм. и доп.) (ред. с изм. № 1456 от 26.11.2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: 400301_B_3_15062021.pdf (fgosvo.ru)

2. Бай Е.В. Метод работа в малых группах: учебно-методический материал // Образовательная социальная сеть [Электронный ресурс]. URL: nsportal.ru

Об авторе:

ЯКОВЛЕВА Наталья Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

INDIVIDUAL ASPECTS OF THE COURSE TEACHING METHODOLOGY «FUNDAMENTALS OF LEGAL CULTURE»

N.G. Yakovleva

Tver State University

The article analyzes the features of teaching the course "Fundamentals of legal culture" taking into account new educational standards and modern approaches to teaching legal disciplines. The issues related to the methodology of developing tasks for their implementation in small groups are also considered, the specifics of teamwork are analyzed.

Keywords: *educational standards, indicators of the development of an academic discipline, indicators of the formation of competencies, work in small groups, team building.*

About author:

YAKOVLEVA Natalia – PhD, associate professor of department of Criminal Law and Procedure Tver State University, (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), SPIN-code: 1403-9892; e-mail: yakovlevang@yandex.ru

Яковлева Н.Г. Отдельные аспекты методики преподавания курса «Основы правовой культуры» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 127–130.

Трибуна молодого ученого

УДК 34.01

DOI: 10.26456/vtpravo/2021.3.131

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРЕДМЕТ КОНСТИТУЦИИ

М.А. Власова, И.В. Рузанов

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», г. Тольятти

В статье исследуется проблема конституционного регулирования экономики. Отмечается неуклонное расширение предмета конституционного регулирования в аспекте экономических отношений. Конституция не просто задает общие стандарты регулирования и развития хозяйственной сферы, а воздействует на нормы других отраслей права так, что они приобретают конституционно-правовое содержание и должны истолковываться в свете конституционных ценностей. Это обстоятельство требует корректировки методологии правовой науки и пересмотра модели мышления российских юристов в направлении конституционализации.

Ключевые слова: конституция, конституционное право, предмет регулирования, экономика, хозяйственные отношения, конституционное правоупотребление, экономические права, конституционализация.

Экономический кризис актуализирует дискуссии о модели регулирования экономической сферы. Стабильность общества может быть обеспечена при условии принятия важных экономических решений на основе конституционных принципов. Встает вопрос о пределах и интенсивности конституционного регулирования экономики, а по сути, о предмете Конституции РФ, который существенно расширен конституционной реформой 2020 года.

Анализ взглядов по поводу общественных отношений, регулируемых конституцией, дал О.Е. Кутафин [11]. Ученые условно делятся на две группы: тех, кто ограничивает предмет конституции политическими отношениями, и тех, кто включают в него иные общественные отношения, в том числе экономические.

К первой группе относятся дореволюционные ученые: А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский и др. В советское время пробивала себе дорогу идея взаимосвязи политики и экономики в трудах таких ученых, как: В.Ф. Коток, В.О. Лучин, В.С. Основин, С.С. Студеникин, Я.Н. Уманский. В постсоветский период она нашла отражение в трудах М.В. Баглая, Ю.А. Дмитриева, А.Е. Козлова, Е.И. Козловой, Е.И. Колюшина, И.В. Мухачева, Б.С. Эбзеева и др.

Интересную позицию занимал сам О.Е. Кутафин, по мнению которого предмет конституции делится на две группы отношений:

имманентно присущие конституции (население, территория, власть) и те, которые включаются в конституцию в случае заинтересованности в этом государства [11, с. 23–26]. Второй фактор влияет на объем и характер конституционного регулирования экономики в разных государствах и в разные периоды. Конституциям, в том числе Конституции РФ, принадлежит приоритет в регулировании собственности и ее видов.

С течением времени количество ученых, рассматривающих экономику в качестве важной составляющей предмета конституции, неуклонно растет.

Конституции XIX в. содержали положения, регулирующие экономические вопросы. Так, значительная часть полномочий американского Конгресса посвящена экономике. Нормы, касающиеся права собственности, содержались во Французской Конституции 1793 г. Закрепленные в этом документе принципы неприкосновенности собственности («никто не может быть лишен ни малейшей части принадлежащей ему собственности без его согласия») и свободы труда («гражданам не может быть запрещено заниматься каким угодно трудом, земледелием, промыслом, торговлей») – завоевания либеральной демократии.

Будучи либеральными по своей сути, отрицающими необходимость государственного воздействия на экономику, первые конституции все же оказывали такое воздействие. Здесь можно провести параллель с конституционной нормой о запрете идеологии, которая критикуется учеными с той позиции, что отрицание государственной идеологии есть вид идеологии [2, с. 30].

Если государство отстраняется от регулирования экономики, то такая позиция также воздействует на нее определенным образом. «Экономический нейтралитет» государства невозможен в принципе.

В конституциях XX в. удельный вес норм, регулирующих экономику, неуклонно растет. Конституциями, регуливающими экономику, являются Мексиканская Конституция 1917 г. и Веймарская Конституция 1919 г., в которой был целый раздел, посвященный организации экономических отношений.

Большой массив хозяйственных норм содержался в Основных Законах социалистических стран. Во всех Конституциях СССР уделялось место экономическим отношениям. Конституция 1936 года содержала ст. 4 – 6, в которых закреплялись экономическая основа государства, нормы о собственности; Конституция 1977 г. содержала гл. 2 «Экономическая система».

Почти все новейшие Конституции стран Европы, Латинской Америки, Азии и Северной Африки являются социальными [5, с. 59]. Наиболее ярко это иллюстрируют Конституция Бразилии 1988 г. и Конституция Испании 1978 г.

Современный этап характеризуется качественно новым уровнем экспансии конституций в экономику. Мы констатируем не просто наличие в конституциях норм, регулирующих основы экономической системы, но и влияние конституционных идей и доктрин на отраслевое регулирование экономических отношений. Эту идею каждый по-своему выразили Н.С. Бондарь и В.И. Крусс, используя термин «конституционализация экономического пространства» [3, 6].

Идею зависимости отраслевого законодательства от конституции проводит Г.А. Гаджиев, подчеркивая, что основные экономические права реализуются лишь в случае соблюдения их во всех отраслях права. «Поэтому при издании законов, содержащих нормы частного права, законодатель связан основными правами и той интерпретацией, которую им дают конституционные суды» [4].

В части экономических отношений конституционное право, несомненно, по отношению ко всей системе права носит характер метаотрасли [1].

В.И. Крусс разработал оригинальную концепцию конституционного правопользования в качестве основной формы реализации права [6, с. 3]. В концентрированном виде позиция В.И. Крусса может быть выражена его тезисом, согласно которому суды должны руководствоваться исключительно правом, воплощающим дух Конституции [9, с. 230, 10]. В своих работах ученый оперирует понятием «конституционализация», подчеркивая, что этот процесс детерминирован институтом прав и свобод человека [7, с. 70–72, 8].

Пожалуй, это ключевой момент понимания причин конституционализации экономики. В конституции может быть закреплено большое количество экономических прав, гарантий рыночной экономики, однако их практическое воплощение зависит от качества отраслевого регулирования. И в этом смысле отраслевые правовые нормы приобретают конституционное значение, что предопределяет необходимость их исследования конституционалистами.

Отмеченная тенденция не является российской спецификой. Так, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) исходит из того, что жесткого разграничения между личными и социально-экономическими правами человека не существует, и нарушение личных прав человека может иметь проявление в экономической сфере. Например, в деле «Сидабрас и Дžiautas (Sidabras and Džiautas) против Литвы» ЕСПЧ отметил, что запрет на работу в определенных секторах экономики может нарушать право на неприкосновенность личной жизни [12]. Указанное Постановление задает высокий стандарт защиты основных прав личности. Его соблюдение неизбежно повлечет усиление конституционного влияния на отраслевое правовое регулирование.

В настоящее время происходит расширение предмета конституции. Изменяется способ конституционного регулирования экономических

отношений. Конституция не просто задает некие общие стандарты регулирования и развития хозяйственной сферы (закрепляя, например, компетенцию органов власти или перечень экономических прав граждан), а способствует тому, что чисто отраслевые нормы приобретают конституционное содержание: они должны истолковываться именно в свете конституционно-правовых доктрин и конституционных ценностей. Предмет конституций в XXI в. существенно трансформируется, вбирая в себя принципиально новые элементы. Это не просто теоретическое умозаключение, а новая правовая реальность, в которой всем нам предстоит жить. Потребуется пересматривать методологию науки: без понимания экономической подоплеку правоотношений обедняется правопонимание. Неизбежно использование в российской юриспруденции таких развитых в западной науке направлений, как «экономический анализ права», «право и экономика». Усложняющаяся социальная жизнь требует пересмотра модели правового мышления в направлении конституционализации.

Список литературы

1. Боброва Н.А. Особенности предмета конституционного права как метаотрасли // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 3–9.
2. Боброва Н.А. Государство без идеологии – это нонсенс // Мир политики и социологии. 2019. № 7. С. 28–33.
3. Бондарь Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ). М.: ООО «Викор-Медия», 2006. 242 с.
4. Гаджиев Г.А. Основные экономические права: сравнительное исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных государств: дис. ... д-ра юр. наук. М. 1996.
5. Казанник А.И. Понятие и классификация конституций современных государств (сравнительный анализ) // Вестник Омского Университета. Серия «Право». 2015. № 1(42). С. 54–65.
6. Крусс В.И. Концепция конституционного правопользования (право на предпринимательскую деятельность): дис. ... д-ра юр. наук. М., 2004.
7. Крусс В.И. Перспективы и проблемы конституционализации российского законодательства // Юридический вестник ДГУ. 2013. № 4. С. 70–72.
8. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 240 с.
9. Крусс В.И. Судебная практика и конституционализация административной ответственности в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 4. С. 229–239.
10. Крусс В.И. «Синтетическое напряжение» публичного и частного права в контексте конституционализации: уголовно-процессуальный аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 4. С. 86–97.
11. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юрист, 2001. 444 с.

12. Постановление Европейского Суда по правам человека от 27.07.2004 г. «Сидабрас и Джяутас (Sidabras and Džiautas) против Литвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/55021450/> (дата обращения: 30.12.2020).

13. Bobrova N.A. State without ideology is absurd // Scientific Research of the SCO countries: Synergy and Integration»: International Conference 31.08.2019. Pekin/ Beijing, PRC. 2019: Scientific publishing house Infinity. 2019. P. 44–50.

Об авторах:

ВЛАСОВА Мария Алексеевна – аспирант кафедры конституционного и административного права ФГОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» (Россия, Тольятти, ул. Белорусская. 14); e-mail: MAZ80@yandex.ru

РУЗАНОВ Илья Владиславович – аспирант кафедры конституционного и административного права ФГОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» (Россия, Тольятти, ул. Белорусская. 14); e-mail: iruzanov@yandex.ru

ECONOMIC RELATIONS AND THE SUBJECT OF THE CONSTITUTION

M.A. Vlasova, I.V. Ruzanov

Tolyattin State University

The article analyzes the problem of regulating economic relations in constitutions. The expansion of constitutional regulation in the aspect of economic relations is proved. The Constitution does not only set common standards for regulation and development of the economic sphere any more, but affects the other fields of law. Therefore, they acquire constitutional and legal content and should be interpreted in the light of constitutional doctrines and constitutional values. This fact requires an adjustment of the methodology of legal science and a revision of methodology of Russian law in the direction of constitutionalization.

Keywords: *constitution, constitutional law, subject to regulation, economy, economic relations, constitutional use, economic rights, constitutionalization.*

About authors:

VLASOVA Mariya – graduate student in the Department of Constitutional and Administrative Rights of Tolyattin State University (Russia, Tolyatti, Belarussian St. 14); e-mail: MAZ80@yandex.ru

RUZANOV Ilya – graduate student in the Department of Constitutional and Administrative Rights of Tolyattin State University (Russia, Tolyatti, Belarussian St. 14); e-mail: iruzanov@yandex.ru

Власова М.А., Рузанов И.В. Экономические отношения и предмет Конституции // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 131–135.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ ЖЕНЩИНАМИ

К.А. Галыч

Юго-Западный государственный университет (ЮЗГУ) г. Курск

Рассматриваются социальные аспекты и криминологические проблемы мошенничеств, совершаемых женщинами, мотивы, определяющие поведение женщин, специфика мошенничеств, совершаемых женщинами.

Ключевые слова: *мошенничество, женщина, правонарушение, преступление, специфика, латентность, деяние, наказание.*

Мошенничество является весьма распространенной специфической формой совершения преступлений против собственности также входит в число наиболее распространённых коррупционных преступлений [11].

Рассматривая специфические криминологические и социальные аспекты женского мошенничества необходимо выделить следующие базовые предпосылки такого исследования:

1. Рассматривая проблемы, связанные совершением мошеннических действий женщинами, стоит отталкиваться от общих закономерностей характерных для данного вида преступлений.

2. Несмотря на то, что совершение мошенничеств женщинами подчиняется общим закономерностям, характерным для данного вида преступных деяний, имеются специфические отличия, характерные для женщин, с точки зрения мотивации к совершению преступления, его планирования, подготовки и реализации.

3. С учетом значительного социального и экономического вреда рассмотрение социальных и криминологических проблем женского мошенничества необходимо осуществлять применительно к возможности совершенствования практических методов предупреждения и выявления и пресечения преступлений.

В отличие от «спонтанных» (не планируемых заранее тщательно) преступлений против личности или краж – мошенничество относится к преступлениям, для которых характерно длительное планирование: порядка 67% мошенничеств планируется в течение месяца, а 22% – от 1 до 6 месяцев, т.е. только порядка 11% мошенничеств относятся к «спонтанным» или наоборот исключительно долго планируемым преступлениям [15].

Мошенничества характеризуются высокой степенью латентности, т.е. невыевляемостью. При этом различные специалисты выдвигают на порядок различные гипотезы об уровне латентности – от 1 000% до 9

400%, что само по себе, указывает на то, что достоверных данных (а, соответственно, методов) выявления латентных мошенничеств нет [15].

Период после 1991 г. характеризовался «взрывообразным» ростом мошенничества в экономической сфере. Так только в период с 1993 г. по 2020 г. число таких преступлений возросло в 13 раз [10]. Учитывая гиперлатентность такого рода преступных деяний, очевидно, что мошенничество не только чисто криминальное, но и социально-бытовое явление с постоянным негативным фоном экономической и социальной жизни.

В настоящее время законодательство по мошенничеству совершенствуется с каждым днем, иногда даже чрезмерно. Возможно активный поиск новых способов совершения преступления плюс несовершенство практики дает сбой в результативной работе правоохранительных органов и, даже в большей степени, правоприменительной практики, зачастую, способствуют квалификации деяний как мошеннических без достаточных на то оснований.

Также недостаточная квалификация сотрудников правоохранительных органов и трудности проведения оперативно-следственных мероприятий в условиях быстрого «совершенствования» схем совершения мошенничества, применения для его совершения технических средств способствуют сохранению гиперлатентности мошенничества в связи со сложностью выявления и формирования доказательной базы [2].

Привлекательность мошенничества обуславливается его сравнительно высокой доходностью. Ещё по состоянию на 2010 г. «средний доход» мошенника от совершения 1 противоправного деяния в 67% случаев составлял порядка 15 тыс. руб., в 8% случаев – более 20 тыс. руб. и в 25% случаев – порядка 6 тыс. руб. [15]. Несмотря на то, что представленные данные собраны 10 лет назад – нет никаких оснований считать, что сравнительная доходность (с учетом инфляции) мошенничества снизилась (можно утверждать, что растет доля мошенничеств с использованием современных IT-решений). В 2019 г. с фактами телефонного мошенничества сталкивались 33% россиян, а 9% теряли значительные суммы денежных средств, но в правоохранительные органы обратились только 4% потерпевших [13]. Данные факты свидетельствуют, что среди иных криминальных деяний мошенничество остаётся, в связи гиперлатентностью, относительно безопасным и при этом достаточно доходным «бизнесом», учитывая, что осуждения и реальные тюремные заключения представляются относительно невысокими.

Необходимо отметить, что мошенничество является специфическим правонарушением, связанным с фактами общественно-экономической жизни. В связи с этим мошенничество можно характеризовать как «преступление общественных пространств». Порядка 49% таких

преступлений совершаются в профессиональной сфере, 21% – в отделениях почтовой связи, 6% – на улице, 19% в квартире знакомого потерпевшего, кроме того, порядка 97% преступлений совершаются в рабочие будние дни [15].

Таким образом, мошенничество в некотором «усреднённом» варианте может характеризоваться как преступление с характерной «интеллектуальной» направленностью, что характеризуется тем, что лица, совершающие его, имеют образование не ниже среднего специального, а зачастую высшее (или неоконченное высшее). Кроме того, среди них самый высокий процент лиц в возрасте от 30–40 лет (38%), далее – возрастной период от 41–50 лет (27%), на третьем месте – до 30 лет (18%), затем – лица в возрасте 50–60 лет (15%), и, наконец, лица в возрасте от 61 года (2%) [7].

Для удачной реализации мошеннических схем необходимыми условиями являются достаточный уровень интеллектуального развития и образованности (зачастую без наличия формально завершённого образования), достаточный жизненный и профессиональный опыт, способность внушать доверие в силу должностного положения и/или личностных качеств; желательным (но не обязательным) также является доступ к ресурсам (техническим, организационным, информационным и др.).

Результаты анализа показывают, что экономические мошенничества преимущественно совершаются мужчинами (63%). В тоже время, важно, что доля женщин, совершающих такие преступления составляет 36%, что более чем в 2 раза превышает выше долю женщин, совершающих все преступления в целом по Российской Федерации, которая равна 16%. [10]. Условно мошенничество можно признать специфически женским видом преступной деятельности.

Соответственно дальнейший анализ необходимо проводить в направлении специфических социальных и криминологических аспектов, характеризующих совершение мошенничеств женщинами.

Корыстные мотивы, определяющие поведение женщины в случае их доминирования и возведенные в ранг допустимой общественной морали (характеризующейся утверждениями «все так делают», «все воруют» и т.п.), закономерно приводят к ослаблению значения в мотивации женщин наиболее позитивных социально-нравственных интенций и институтов, в т.ч. института семьи (2/3 осужденных за мошенничество женщин не состоят в законном браке).

Значительное влияние на формирование внутренней установки на допустимость мошенничества оказывают СМИ, тиражирующие образы «относительно успешных» (в силу недоказанности состава преступления) женщин-мошенников (заместителя бывшего министра обороны Е. Васильевой, «золотой судьи» Е. Хахалевой, бывшего министра сельского хозяйства) с одной стороны, формируют негативный

эмоциональный фон, обостряющий чувство депривации в сфере доступности материальных ресурсов, а с другой – способствуют снятию внутренних моральных ограничений на совершение преступления, которое воспринимается как «компенсация за несправедливость общества».

Это подтверждается криминологическим анализом личностных характеристик конкретных осужденных женщин-мошенниц, в сознании которых доминирует мысль: «Почему другие лучше живут, чем я?». Поведение их было сконцентрировано на поиске ответа именно на этот вопрос, что в конкретной жизненной ситуации определяло решимость женщины встать на преступный путь [14].

При этом характерной особенностью совершения мошенничества женщинами является одиночный характер преступной деятельности: групповые мошенничества совершались только в 13% случаев, при этом практически не встречались группы более 2 человек; основными соучастниками были подруги – 59%, близкие родственницы – 29%, мужчины – 12%, которые, зачастую, играли роль «мозгового центра» [15].

К этим данным необходимо относиться с осторожностью. Так одиночное совершение мошенничества может быть обусловлено особенностями статистики, т.к. учитываются в основном только случаи доказанных преступлений, когда осужденному и его фактическим соучастникам гораздо выгоднее направить усилия на доказательство отсутствия преступного сговора с целью смягчения наказания. Учитывая отмеченную гиперлатентность мошенничества, можно скорее предположить, что данные официальной статистики МВД не отражают реальную картину и требуются иные методы исследования мошенничества, базирующиеся на инструментарии социологических исследований.

Специфика восприятия женщин как «слабого» пола, т.е. потенциально менее «опасных», чем мужчины в сочетании с личными качествами – даром убеждения, привлекательными внешними данными – традиционно повышают доверие к женщинам, как непосредственным исполнителям мошенничества.

При этом тенденция к росту мошенничеств с использованием современных IT-решений (например, в 2018 г. количество несанкционированных операций по банковским картам увеличилось на 44% и составило 1,4 млрд руб.) только увеличивает привлекательность данного вида преступлений для женщин, т.к. порядка 80–85% таких преступных деяний совершаются с использованием методов социальной инженерии, т.е. фактически являются именно мошенничеством на доверии, а не хакерскими атаками (например, 90% звонков клиентам «из службы безопасности банков» по поводу подозрительных транзакций на самом деле представляют собой попытки незаконного получения доступа

к персональным финансовым платежным данным) [13]. В этой ситуации женщины традиционно более привлекательны в качестве исполнителей.

Вероятно, требуются более детальные исследования природы большего доверия к женщинам, для чего целесообразно привлекать профессиональных психологов. Рабочими гипотезами при этом могут быть как влияние устойчивых детских воспоминаний (впечатлений) подсознательно ассоциирующих женщину с матерью (т.е. с главным воспитателем и «защитником» ребенка), так и восприятие женщины как объекта, который сам нуждается в защите («слабый пол»).

Рассматривая данные статистики мошенничеств, совершенных женщинами, необходимо более внимательно присмотреться к данным об уровне образования. Так, согласно данным об осужденных за мошенничество женщинах, среди них преобладают неработающие – 86%, а число ранее судимых за совершение преступлений составляет 26,3%. Кроме того, несмотря на то, что совершение мошенничеств ассоциируется с наличием достаточно высокого образования и общекультурного уровня (за исключением «уличных мошенников») – только 9,1% из осуждённых за мошенничество женщин имели законченное высшее образование, а среднее специальное и незаконченное высшее образование – 88,4% [14].

Обзор криминологической специфики мошенничеств, совершаемых женщинами, будет неполным без рассмотрения такого специфического аспекта как использование гипноза, в т.ч. уличного «цыганского» гипноза, являющегося специфическим методом совершения преступлений против личной собственности [9]. По сути «цыганский гипноз» – разновидность криминального гипноза, когда психологическое воздействие осуществляется без погружения жертвы в глубокий гипнотический транс. При этом вызываемое гипнотизёром сужение сознания вызывает ограниченную фокусировку внимания, что приводит к отсутствию у потерпевшего критики личного поведения. При временном изменении сознания, характерном для цыганского гипноза, жертва продолжает осуществлять с виду осмысленную деятельность, но не осознает факта, что его разум пребывает под «внешним управлением» [6]. В тоже время, в настоящее время в России системные исследования данной проблемы отсутствуют.

Несмотря на достаточно большой массив работ, посвященных проблеме мошенничества, совершаемого женщинами, имеются явные противоречия в приводимых данных, что свидетельствует о несовершенстве применяемых методик исследований.

Преобладание среди осужденных за мошенничество женщин неработающих и не имеющих высшего образования потенциально свидетельствует о выявлении и осуждении в основном менее квалифицированных мошенниц, а профессионалки высокого класса выпадают из поля зрения правоохранителей в силу сложности сбора

доказательной базы и нежелания пострадавших обращаться с заявлениями полицию и прокуратуру.

В данном контексте особую важность для профилактики, снижения латентности, для формирования у потенциальных мошенниц опасений выявления преступного деяния и формирования психологического барьера для совершения преступления (особенно, впервые) приобретает необходимость формирования аппарата изучения проблем мошенничества, базирующегося на методиках социологических исследований и прогнозирования.

Список литературы

1. Багдасарова А.Э. Криминологическая характеристика женской преступности в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/kriminologicheskaya-kharakteristika-zhenskoi-prestupnosti-v-sfere-ekonomiki> (дата обращения: 10.05.2020).
2. Бойцов Ю.М. Проблемы проверки, выявления и раскрытия мошенничества с использованием мобильных средств связи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 107–112 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-proverki-vyyavleniya-i-raskrytiya-moshennichestva-s-ispolzovaniem-mobilnyh-sredstv-svyazi> (дата обращения: 10.05.2020).
3. Борисов А.В., Аминов Д.И., Шумов Р.Н., Борбат А.В. Особенности расследования и квалификации мошенничеств при кредитовании юридических лиц // Российский следователь. 2016. № 22. С. 3–7.
4. Быстрова Ю.В. Некоторые особенности личности преступника, совершившего преступление в сфере жилищно-коммунального хозяйства в современных условиях // Российский следователь. 2017. № 8. С. 40–44.
5. Власова Е.Ю. Женская преступность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 127 - 129.
6. Иванов Г. Цыганский гипноз: алгоритмы манипуляций // Сноб. 2017. 2 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/profile/29600/blog/130855> (дата обращения: 11.05.2020).
7. Ильин И.В. Теоретические основы борьбы с мошенничеством, совершаемым в экономической сфере: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 335 с.
8. Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Этика права и проблемы женской преступности в России // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 146–156 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-prava-i-problemy-zhenskoj-prestupnosti-v-rossii> (дата обращения: 11.05.2020).
9. Мельников И. Цыганский гипноз: технология мошенничества, М.: ЛитРес, 2018. 21 с.
10. Можеева Е.В. Мотивация и особенности личности человека, совершившего экономическое мошенничество // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 5-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-i-osobennosti-lichnosti>

cheloveka-sovershivshego-ekonomicheskoe-moshennichestvo (дата обращения: 07.05.2020).

11. Теплова Д.О. Понятие и виды мошенничеств в международном праве // Административное и муниципальное право. 2015. № 12. С. 1282–1286.

12. Царев Э.А. О личности страхового мошенника // Общество и право. 2011. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-lichnosti-strahovogo-moshennika/viewer>

13. Чернышова Е. Эксперты назвали долю сталкивавшихся с телефонным мошенничеством россиян // РБК. 2019. 23 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/08/2019/5d5e5d359a794788daaa502e> (дата обращения: 10.05.2020).

14. Чижишева Н.А. Криминологическая характеристика личности женщины-мошенницы // Власть. 2009. № 5. С. 89–92 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lichnosti-zhenschiny-moshennitsy> (дата обращения: 07.05.2020).

15. Шиян В.И. Состояние и динамика мошенничеств, совершаемых женщинами // Общество и право. 2010. № 5 (32) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-dinamika-moshennichestv-sovershaemyh-zhenschinami> (дата обращения: 07.05.2020).

Об авторе:

ГАЛЫЧ Кристина Александровна – аспирант кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ) г. Курск (ул. 50 лет Октября, 94, Курск); специалист 1 разряда отдела обеспечения процедур банкротства Управления Федеральной налоговой службы России по Курской области; e-mail: kristinka23.94@mail.ru

SOCIAL AND CRIMINOLOGICAL PROBLEMS OF FRAUD BY WOMEN

K.A. Galych

South-Western State University (SWSU), Kursk

The social aspects and criminological problems of frauds committed by women, the motives that determine the behavior of women, the specifics of frauds committed by women are considered.

Keywords: *fraud, woman, offense, crime, specificity, latency, act, punishment.*

About author:

Galych Kristina – post-graduate student of the Department of Criminal Law of the South-Western State University (SWSU), Kursk (50 years of October street, 94, Kursk); specialist of the 1st category of the department for ensuring bankruptcy procedures of the Office of the Federal Tax Service of Russia in the Kursk region; e-mail: kristinka23.94@mail.ru

Галыч К.А. Социальные аспекты и криминологические проблемы мошенничеств, совершаемых женщинами // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 136–142.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2015 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 3 (67), 2021

Подписной индекс: **80208** (каталог российской прессы «Почта России»)

Подписано в печать 25.09.2021. Выход в свет 30.09.2021.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,51.

Тираж 500 экз. Заказ № 311.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Тверской государственный
университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. Цена свободная.